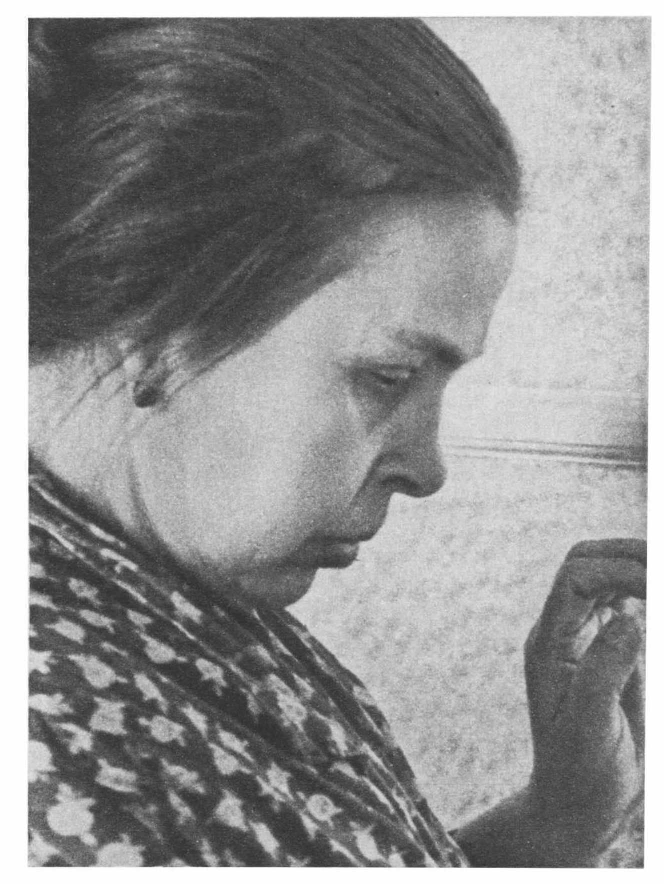
УНИКАЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

ПРОФЕССОРА Б. В. ПЕТРОВСКОГО

МАТЬ ОТДАЕТ СВОЮ ПОЧКУ ДОЧЕРИ


ОГОНЁК
№ 23 ИЮНЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



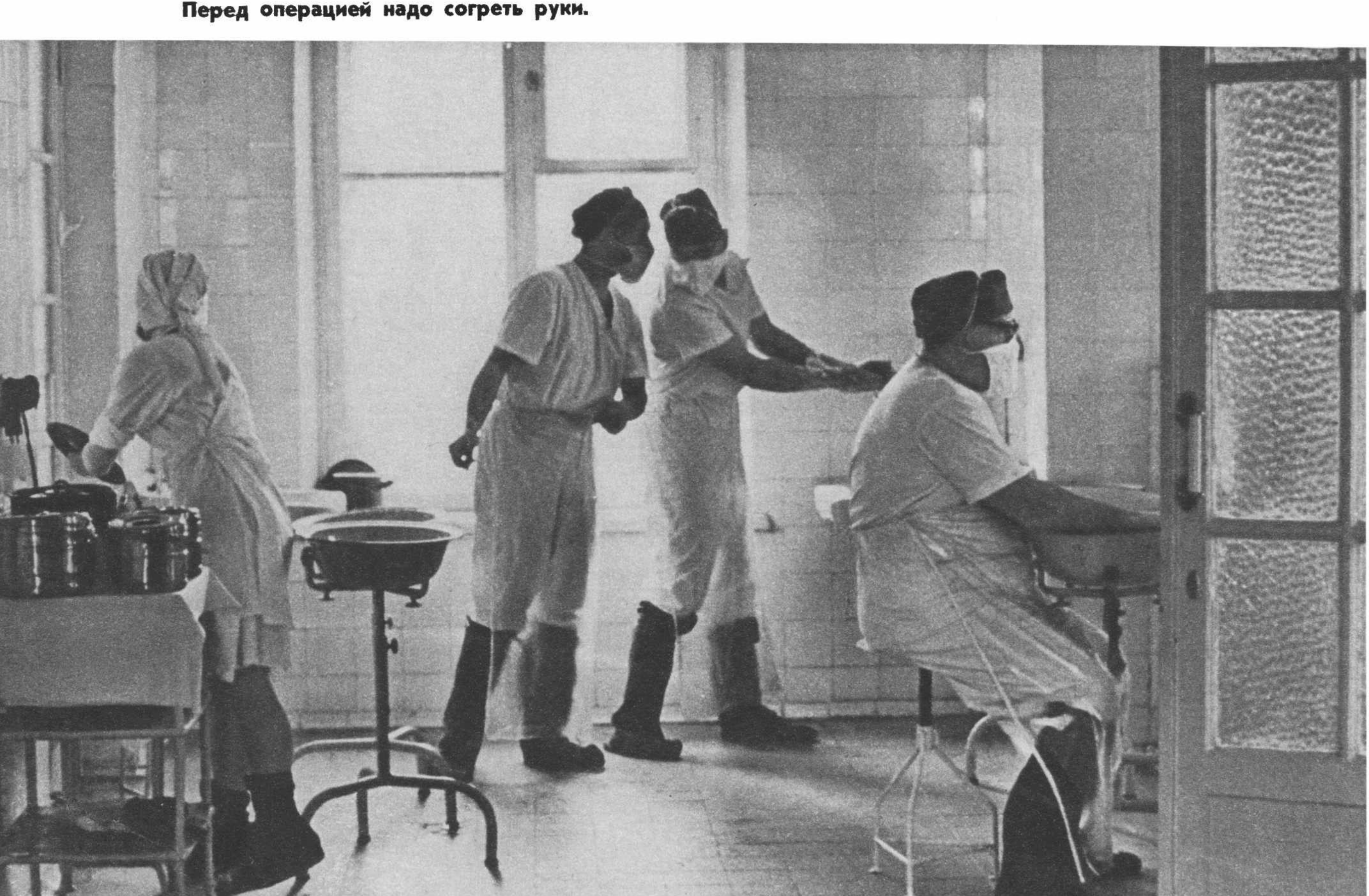
Мать готова на все.

ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕКУ

РЕПОРТАЖ ИЗ ОПЕРАЦИОННОЙ



Перед операцией надо согреть руки.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 23 (1980)

6 ИЮНЯ 1965

Сейчас начнется...

М. ХРОМЧЕНКО
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Палаты расположены рядом. В первой двое: старшему — тридцать, младшему — восемнадцать.

Во второй — их матери. Завтра мать старшего пойдет на операцию вместе с сыном. Она донор. Она отдаст сыну свою почку.

Завтра в московском научно-исследовательском институте клинической и экспериментальной хирургии Борис Васильевич Петровский и его сотрудники впервые в нашей стране будут пересаживать почку от человека человеку.

Врачи верят в успех, но не дают никаких гарантий. Матери и не требуют гарантий. Если есть хоть малейшая надежда, ради спасения сыновей они готовы на все.

НАЧАЛИ

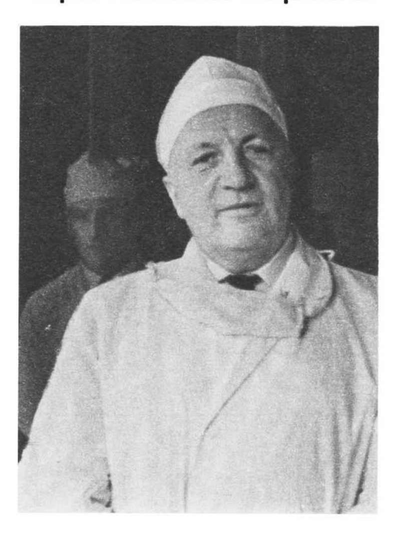
Первым пришел Ярмолинский. Как было решено заранее, он помогает Петровскому оперировать донора. А когда Петровский отсечет почку, Ярмолинский будет ее промывать. Для этого у него сложное хозяйство. Пакеты с искусственным снегом: холод продлевает жизнь изолированного органа. Бутыли со специальным раствором: прежде чем больной получит спасительную материнскую почку, ее мельчайшие кровеносные капилляры должны быть тщательно промыты. И хотя к операции все подготовлено заранее, а накануне вечером еще и еще раз проверено — вчера разошлись затемно — 15 апреля в семь часов утра Ярмолинский приходит в институт.

Вслед за ним собираются и другие: Лопухин, Крылов, Ворожищев, Левицкий — волнение не подвластно сознанию. Ждут Петровского. Наконец пришел и он. Также раньше обычного. Сразу собрал у себя «почечные бригады».

Еще раз проговорили и без того уже многократно отрепетированный график операции. Ну, что же? Кажется, все? Встали...

...Они поднимаются на пятый этаж, проходят в закрытый для остальных отсек сосудистого отделения. Долго, тщательно моют руки. Затем расходятся. Первая бригада во главе с Петровским — в операционную направо. Вторая — ее возглавляет Крылов — в такую же налево. Своего места сейчас нет лишь у Левицкого. Сегодня он диспетчер, связной между бригадами. Этапы операции должны быть синхронны.

Борис Васильевич Петровский.



В левую операционную санитары ввозят на каталке больного, в правую — донора. Укладывают их на столы. Включают освещение.

— Давайте наркоз.

Начали. Было девять часов тридцать пять минут.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ: ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Рассказывает Софья Федоровна Ч., мать больного.

— Мне Боря тяжело достался. Никак не могла родить, пришлось врачам щипцы накладывать. Но зато уж рос он потом крепким. Конечно, всякое бывало. Кто не

болеет? Но все-таки на здоровье его я пожаловаться не могла. Вон какой здоровенный вымахал. Почему с ним эта беда приключилась, ума не приложу.

Рассказывает Борис Ч.

— Я и сам не знаю, как все это случилось. Говорят мне теперь, что все началось с сильной простуды. Может быть, не знаю, не заметил. Здоровый был, выносливый. Всерьез забеспокоился, когда отеки появились, одышка, слабеть начал. Пошел к врачам. Лечили меня. Помогало мало. Отеки, правда, сошли. Но худеть стал катастрофически быстро. Мышцы исчезали, будто их и не было. Все чаще бюллетенил. Потом и вовсе слег, окончательно.

Рассказывает терапевт Эдгар Левицкий.

— Больному Ч. в 1963 году был поставлен диагноз — хронический нефрит. Почки отказываются выполнять свои основные функции — очищать кровь. Исследования остаточного азота — признак отравления — указали на превышение нормы в двадцать раз. Больному дважды проводили очистку крови с помощью аппарата искусственная почка. Операция давала лишь временное и незначительное улучшение. Для лечения больного были испробованы все существующие в медицинской практике меры.

Медленно приближался неизбежный трагический финал. Оставалось последнее средство, последняя надежда — пересадка почки.





Везут почку.

У НАС ВСЕ ГОТОВО

Наркоз подействовал быстро. Так же быстро наладили систему переливания крови.

Операционные проглядываются: в стенах, обращенных друг к другу, широкие застекленные окна. Видно, как хирурги одновременно склонились над больными.

Впрочем, больной один — Борис. Над ним сейчас колдуют Крылов, Лопухин, Ворожищев, готовят ложе для новой почки. Старые трогать не будут.

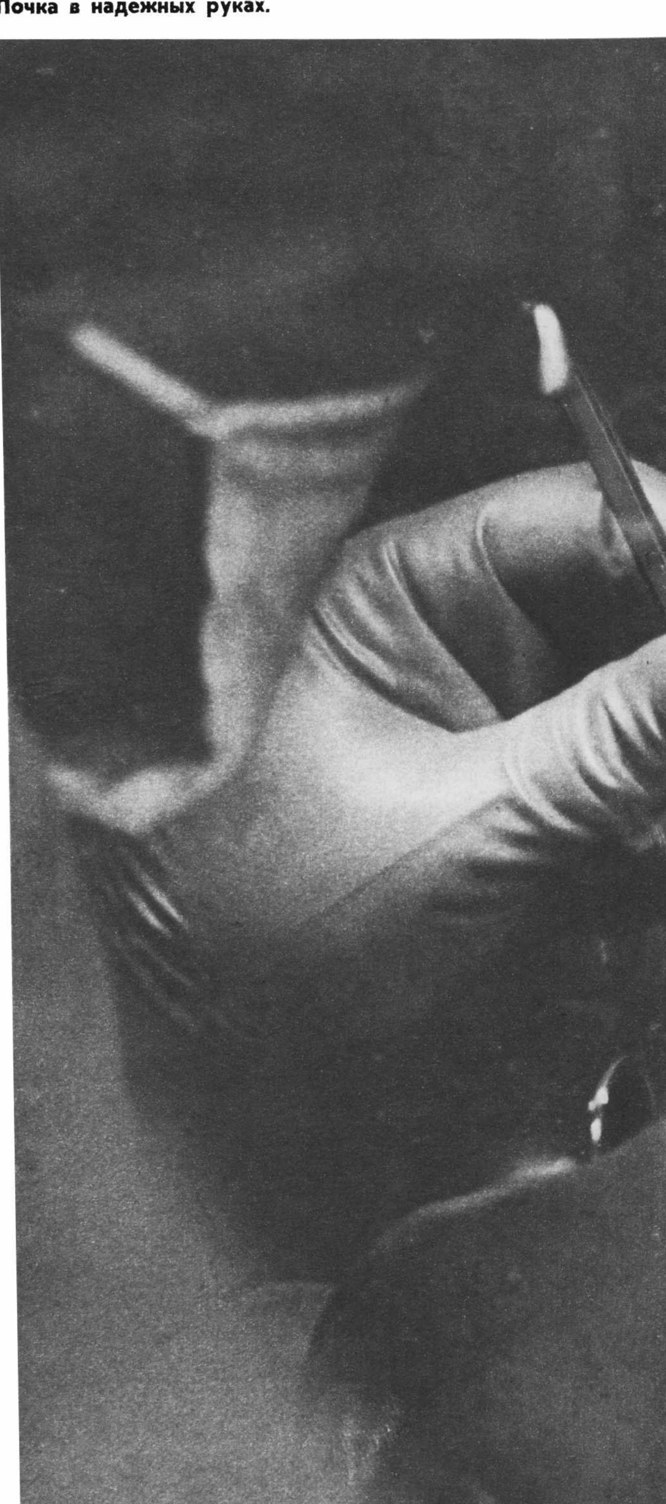
Разрезали кожу. Широко развели края раны. Пришить новую почку необходимо максимально быстро — для этого в ране должно быть просторно. Рассекли мышцы, отодвинули вверх брюшину, обнажили мочевой пузырь. А вот и крупные сосуды, к которым подключат новую почку.

Теперь можно разогнуть спины, оглядеться. Первый взгляд в соседнюю операционную. Там Петровский.

Он еще работает. Ему труднее: он на самом ответственном участке. Сейчас он обнажает почку у



О чем думает хирург в эту последнюю минуту?



Почка в надежных руках.

Увидеть и запомнить. На операции — делегаты и зарубежные гости XXVIII съезда хирургов.

донора. Она глубоко, в ране тесно. А почку надо выделить без единого повреждения.

Петровский необычно медлителен. Предельно внимателен, осторожен. Но вот и он заканчивает свой этап, поднимает голову. Рядом стоит подошедший Крылов. «У нас все готово»,— говорит он.

Там все готово. Значит, здесь можно отсекать почку.

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ: ИСТОРИЯ ПОИСКА

Для организма чужеродный белок — чаще всего враг. В борьбе против него веками ковалось мощное оружие защиты — иммунитет. Вооруженный иммунитетом, организм яростно сражается с возбудителями болезней. Но, гордый своей ролью, иммунитет не научился в толпе незнакомцев различать друга. Бросается на него с яростью, как на врага. Это он не позволяет врачам осуществлять пересадку жизненно важных органов. Три тысячи больных ежегодно умирают потому, что врачи не могут заменять больные почки здоровыми. Главное препятствие — тканевый барьер, созданный иммунитетом.

Лишь в самые последние годы ученые разных стран пробили первые бреши в тканевом барьере. Сейчас во всем мире три-четыре года живет несколько десятков человек, которым врачи, пересадив почки, продлили жизнь.

Несколько лет назад эксперименты по пересадке почек начались и в институте, руководимом действительным членом Академии медицинских наук СССР, лауреатом Ленинской премии, профессором Б. В. Петровским.

Под руководством Петровского начинали двое: доктор медицинских наук Юрий Лопухин и ученик Петровского, кандидат медицинских наук Иосиф Ярмолинский. Начинали с самого простого. Отрезали у собаки почку и тут же пришивали обратно. Отрабатывали технику операции.

Следующий этап — отрезали почки у двух собак и меняли их местами. Искали методы продления жизни почки. Здесь уже столкнулись с тканевым барьером. Проверяли действие препаратов для его преодоления.

Группа росла. В работу включился заведующий сосудистым отделением, профессор Виктор Крылов, ученик Петровского. Борис Васильевич хвалит редко. О Крылове говорит: золотые руки.

Кандидату медицинских наук Владимиру Ворожищеву поручили



искусственную почку. Возился он с ней до бесконечности. Терапевт Эдгар Левицкий до этого специализировался на изучении почечной патологии. Врач-лаборант Лариса Эдельман и старший научный сотрудник Вера Кореневская ведали лабораторией.

Расширили сосудистое отделение. Оборудовали в нем специальный отсек с особо строгой стерильностью. Ведь препараты, подавляющие тканевый барьер, снижают и устойчивость организма против возбудителей заболеваний.

Приближался день, о котором думали все эти месяцы.

ВРЕМЯ СЖИМАЕТСЯ ДО ПРЕДЕЛА

В левой операционной остаются Крылов и Лопухин. Остальные уходят в правую. Когда Петровский отрежет почку, они будут заканчивать операцию.

А пока здесь священнодействует Петровский. Пережимает и ушивает мочеточник. Затем отсекает его. Пережимает почечную артерию. Отсекает ее. Пережимает вену. Отсекает. Все. Донор отдал почку.

Это как роды, только еще тяжелее. Тридцать лет назад в муках рожала мать своего первенца. Сегодня — тридцать лет спустя — она вторично дает ему жизнь.

Почку принимает Ярмолинский. Надо спешить. Изолированная почка живет очень недолго. Быстрее в холод. На промывание — считанные минуты. Почку везут в левую операционную.

Петровский уже там. Сменил перчатки. Ждет. Принесли почку. Десять часов тридцать пять минут. Самый ответственный момент операции. Не успеешь вшить сосуды почки, включить ее в систему кровообращения больного — пиши пропало. Не успеешь,— значит, все зря. Надежды больного — зря, самопожертвование матери — зря, годы упорного труда — зря. Не успеть — значит все загубить.

Удивительное ощущение: кажется, что именно сейчас движения Петровского стали еще более замедленными. Но это зрительный обман: отработанный жест — ничего лишнего — позволяет оперировать не торопясь и максимально быстро. Такое достигается годами. В кажущейся медлительности — высшая мудрость хирурга. Вершина техники.

Сколько минут прошло с того момента, как отсекли почку? Тридцать девять. Кажется, успели.

Все, не отрываясь, смотрят на почку. Знают: ее опустевшие капилляры сейчас наливаются тяжелой кровью больного. Почка матери принимает кровь сына. Почка розовеет на глазах. Минута, другая... И вот он, первый желанный итог, чудо, волшебство: из мочеточника капает первая капля! Вторая. Третья.

Все смотрят, как завороженные. Почка действует! Живет!

Всех отрезвляет окрик Петровского. Расслабляться рано. Операция не закончена, операция продолжается. Но напряжение спадает, несмотря ни на какие подстегивания. Это чувствуется по всему. Прежде всего по самому Петровскому. По тому, как новую почку закрывают мышцами, как накладывают шов на кожу. Вот теперь все.

И сразу говор голосов. Лица врачей, побледневшие, похудевшие, взрываются улыбками. Все спускаются в кабинет Петровского.

Это было 15 апреля. Спустя неделю была произведена пересадка почки второму больному — Роману М. Прошел месяц. Состояние Бориса Ч. и Романа М. опасений не вызывает. Их новые почки функционируют нормально.

28 мая. Идет третья операция. Больная — девятнадцатилетняя Нина Г. Донор — ее мать Анна Кузьминична, 52 года. Фотографии на страницах нашего журнала — лишь некоторые кадры этой драматической повести.

Второй месяц новой жизни Романа М.



В редакции «Огонька» побывал известный пакистанский поэт и общественный деятель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Фаиз Ахмад Фаиз. Он рассказал сотрудникам журнала о своих замыслах. У поэта и борца много интересных творческих планов.





СОСЕДЯМ ДРУЖИТЬ

По приглашению Советского правительства нашу страну посетил Премьер-Министр Норвегии Эйнар Герхардсен.

Высокий гость был принят Первым секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, нанес в Кремле визиты Председателю Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну и Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину.

Эйнар Герхардсен посетил Выставку достижений народного хозяйства СССР.

На снимке: Эйнар Герхардсен и сопровождающие его лица в павильоне «Машиностроение».

Фото В. Егорова (ТАСС).



Через многие точки планеты пролегли земные трассы наших космонавтов. Орбита славы А. Леонова и П. Беляева прошла через болгарский город Белоградчик.

На снимке: встреча советских космонавтов с юными гражданами Народной Республики Болгарии.

Фото БТА — ТАСС.



Это женщины из деревни Бао Нинь. Она находится в Демократической Республике Вьетнам, близ Донг-Хоя, того самого, который неоднократно упоминался в сообщениях о зверских налетах американских стервятников на мирную страну. Чтобы защитить свою землю от пиратов США, по всей республике в помощь армии созданы отряды народной милиции и самообороны. Все, кто может сражаться, вошли в такие отряды. Взвод, состоящий из женщин деревни Бао Нинь, показал образцы мужества и героизма.

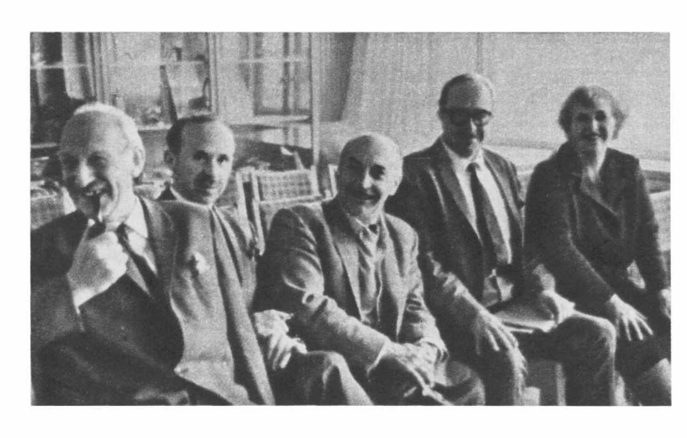
Фото ВИА — ТАСС.



Тысячи итальянцев осуждают агрессию США во Вьетнаме и в Доминиканской Республике. Известные деятели культуры подписали документ, выражающий протест против американской агрессии в ДРВ.

Недавно стены «вечного города» были свидетелями массовой демонстрации. Ее участники вышли на улицы Рима с лозунгами, требующими положить конец преступлениям американской военщины.

Фото И. Бочарова.



ПЯТЕРО С ПЯТОГО КОНТИНЕНТА

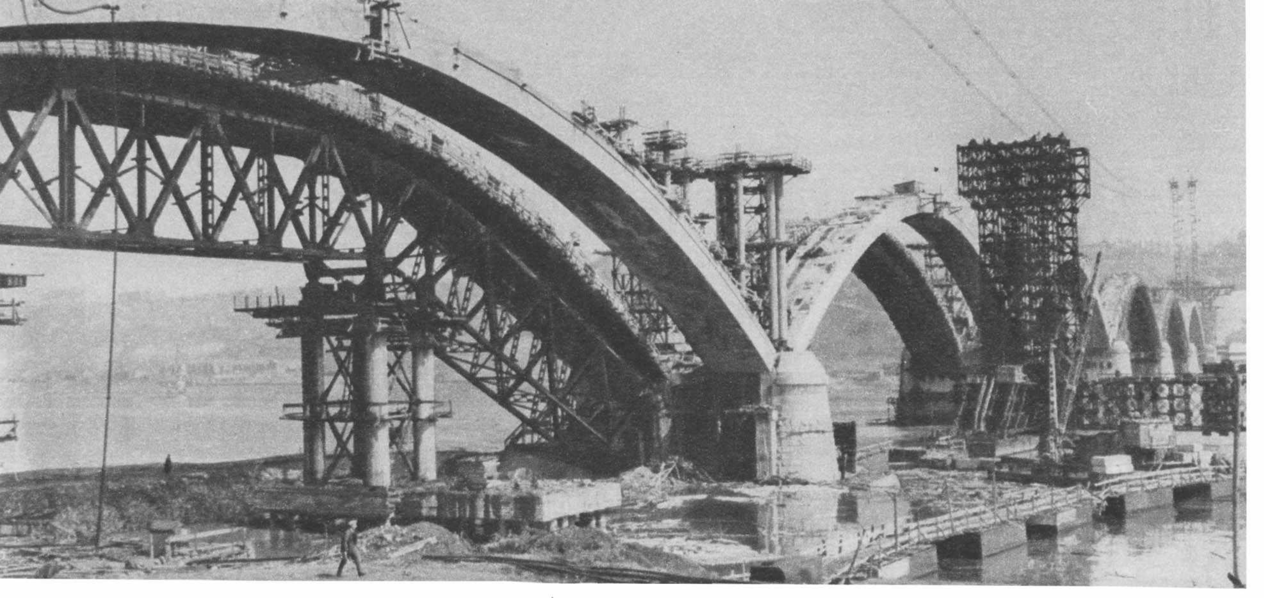
Недавно в «Огоньке» состоялась встреча с писателями Австралии. Гостями редакции были Аллан Маршалл, Берт Викерс, Клем Кристесен, Флексмор Гудсон и Доротти Хьюэт. Это был интересный, творческий разговор.

Фото Л. Шерстенникова.



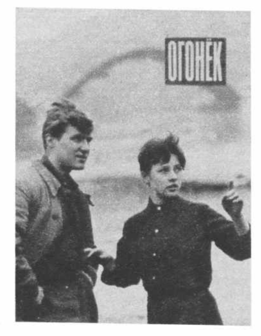
В Государственном комитете по культурным связям с зарубежными странами состоялась пресс-конференция Советского подготовительного комитета IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Председатель Комитета молодежных организаций СССР П. Н. Решетов рассказал, как советские юноши и девушки готовятся к этому важному событию, ответил на многочисленные вопросы советских и иностранных журналистов.

Фото Г. Гуркова.



Легко перебросились арки с одного берега на другой. Но сколько труда потребовалось, чтобы их построить!

ТЕЧЕТ ОКА В ВОЛГУ



Вл. ПАВЛОВ **Фото Д. Ухтомского.**

Я спросил у старого своего друга, известного мостостроителя Валентина Игнатьевича Карпинского:

— Что самое главное для мостовика?

Валентин Игнатьевич на минутку задумался. Потом усмехнулся.

— Самое главное? Хорошая жена. Без хорошей жены ни одного моста не построишь. Чтоб не какая-нибудь, а была настоящая мостовичка!..

Что ж, справедливо, ежели, разумеется, учесть, что и хороший муж — тоже главное. Слава, например, женился на мостовичке. И вот, пожалуйста, на строительстве Молитовского моста через Оку в Горьком появилась молодая чета инженеров-мостостроителей Кузнецовых.

Оба учились на одном факультете Московского института инженеров железнодорожного транспорта. И оба одинаково привержены мостовой романтике...

Издали кажутся невесомыми горбатые серпы арок, перекинувшиеся с одного берега Оки на другой. Издали кажется: долго ли сделать их? Ведь для любого из тех, кто знаком с мостами только потому, что приходилось пересекать реки в поездах и авто, за одну минуту отстучит мост под колесами, отмелькает в окнах — и река позади...

Но человек посвященный, мостостроитель, знает, сколько надо приложить труда и пролить пота, чтобы врезать глубоко в речное дно массивные быки-опоры и перебросить меж ними тяжкое тело пролетных строений!

От реки к реке кочуют мостовики. Начинают с палаток, с товарных вагонов, поставленных кранами в наспех уложенных тупиках. А потом удобные современные дома, уютные отдельные квартиры. И тот, кому надоела кочевая жизнь, остается в них навсегда.

Но большая часть настоящих мостовиков не может долго усидеть на месте без любимого дела. Не успели окончить мост — уже тянет их на новую, незнакомую еще реку. К тревожным весенним ночам, в которые раздается страшный треск, похожий на артиллерийские залпы, возвещая начало ледохода. К осенним штормам. К беспощадному летнему зною.

И хоть нелегка жизнь на строительстве, мостовик не променяет ее ни на какую другую.

Как сложится жизнь инженеров Кузнецовых?

Об этом судить, может быть, и рано. Но они оба после окончания факультета «Мосты» отказались от лестных предложений осесть в мостостроительных организациях в Москве. И оба уехали в Горький ради того, что там строится небывалый мост небывалыми методами.

Все это явные признаки характера настоящих мостовиков.

Весь день Таня и Слава заняты любимым делом. Слава — на монтажном участке, Таня — на укладке бетона. Но вот выдалась свободная минутка, и тогда они вспоминают, что реки существуют не только для того, чтобы через них перебрасывать мосты. И что на берегу реки хорошо побыть вдвоем...

А под строящимся Молитовским мостом снуют озабоченные катера и величественные теплоходы. И в страшной высоте бегают по тросам кабель-крана тележки с грузами. Лязгает железо о железо. Раздаются озабоченные голоса мастеров.

И мимо Тани и Славы течет и течет Ока в могучую Волгу.

ФЛАГ НЕ СПУСКАЛСЯ



Нового чемпиона Европы — советского боксера Валерия Попенченко уносят с ринга на руках.

Телефото АДН — ТАСС.

Восемь чемпионов из одной страны! Это своеобразный рекорд в истории чемпионатов Европы по боксу.

Волевой и зоркий Олег Григорьев, чемпион Римской олимпиады и участник Токийской. И чемпион Европы 1963 года Станислав Степашкин, добившийся победы на Олимпийских играх в Токио. И молодой инженер, воспитанник Высшего технического училища имени Баумана Виликтон Баранников.

А вот и другие герои берлинского ринга — Ричардас Тамулис, Виктор Агеев, Валерий Попенченко, Дан Позняк, Александр Изосимов... Говорят, что в спортивном зале, где проходил чемпионат Европы, шутили: «Зачем снимать советский флаг с флагштока? Все равно его поднимать после очередной пары финалистов!» Так оно и было. И каждый из наших мастеров, демонстрируя в полной мере характерные черты советской школы бокса, выигрывал трудные поединки по-своему, в своей манере. Неповторим в тонкой игре, когда рассчитан каждый сантиметр и каждая секунда, Виктор Агеев. Неиссякаем атакующий потенциал Валерия Попенченко. Пожалуй, труднее всех завоевал золотую медаль чемпиона Европы тяжеловес Александр Изосимов. Очень опасным был его соперник в финале, болгарский боксер, технichный, быстрый, несмотря на необычайно высокий рост, К. Пандов. Точный удар с последующим развитием успеха принес победу краснодарцу.

М. АЛЕКСАНДРОВ

Во втором полугодии «Огонек» будет публиковать повесть с продолжением

«ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА РЕЗИДЕНТА»

О. ШМЕЛЕВА и В. ВОСТОКОВА.

В повести рассказывается об одной операции, проведенной советскими контрразведчиками в последние годы.

Три дня с друзьями

А. СОФРОНОВ

Признаюсь, я давно не был на границе. И когда мне сказали в Ужгороде, что пора ехать на заставу для встречи друзей из Чехословакии, я приготовился к тому, что поездка пойдет горной дорогой и займет не меньше часа. Такой мысли способствовали виднеющиеся во всех направлениях синие вершины горных хребтов, повитые легким маревом летнего утра. Но все было значительно проще. От гостиницы «Верховина» до заставы было всего два километра. Вместе с партийными и советскими работниками Ужгорода мы подъехали к интернату. Оттуда высыпали школьники в пионерских галстуках и веселой стайкой побежали к автобусу. Через несколько минут наши машины уже остановились возле заставы. Здесь выяснилось, что друзья, отправившиеся из города Кошице на автобусе, несколько задерживаются.

Нам представилась возможность некоторое время наблюдать, как живет этот тихий уголок, где сходится советская и чехословацкая земля. Был солнечный, ясный, с небольшими облачками на синем небе день. Где-то в вышине щебетали птицы. И с одной и с другой стороны пограничной полосы гудели тракторы: шла распашка земли под новые виноградники. На большой площадке стояли три автомобильных прицепа-фургона. Здесь проходит путь грузового автотранспорта — товары везут и в одну и в другую сторону.

Мы сидели на траве возле двух пограничных государственных столбов и грелись под солнышком. К нам подошел чехословацкий офицер-пограничник, опустился на траву и сказал:

— Скоро будут, не беспокойтесь. Кто-то из членов делегации забыл документы. Пришлось возвращаться...

С нашей стороны, низко пролетая над полями, затрещал вертолет. Все проводили его взглядом. Чехословацкий офицер сказал:

— Мы все переволновались недавно. Из Кракова вылетел планер, попал в воздушные потоки. Никак планерист не мог опуститься. А здесь высоковольтная линия идет...

— Ничего, сел нормально,— сказал наш пограничник,— немедленно сообщили в Краков, чтобы родители не беспокоились.

Совсем близко к нам подошли чешские ребятишки. Ужгородские пионеры обступили их и быстро нашли общий язык. К этому времени подошел автобус с гостями, и мы уже обнимали академика Яна Мукаржовского — председателя Чехословацкого комитета сторонников мира, Густу Фучикову и других сторонников мира Чехословакии. Нам предстояла дорога от границы к городу Львову, где представители Советского комитета защиты мира и чехословацкого должны были подписать совместное заявление, выражающее общие взгляды двух народов-соседей по поводу событий, происходящих в мире.

Ужгород как бы специально приготовился к встрече дорогих гостей. Цветущие каштаны зажгли белые свечи, а отцветающая японская сакура, в изобилии растущая здесь, расстелила темно-алые ковры на тротуарах и мостовых. Как ни прекрасен Ужгород в это время, а задерживаться в нем было нельзя: предстоял большой путь, на этот раз действительно крутыми горными дорогами через Карпаты во Львов. После короткого отдыха машины отправились в путь и через два часа достигли на перевале границы Львовской области. Дочери лесорубов и колхозников преподнесли гостям на вышитом рушнике хлеб-соль. С высоты перевала далеко были видны синие уступы горных хребтов, поросших густым лесом.

Во время отдыха Густа Фучикова обратилась к хозяевам области с взволнованными словами:

— Я не первый раз в этих местах. Лет тридцать назад вместе с Юлиусом Фучиком мы были здесь. Сейчас ехали, а я смотрела и смотрела на то, как живут люди. Я помню, как жили здесь раньше. Дети зимой ходили босиком, в одних длинных рубашках. Больше им надеть было нечего. А те, кто правил тогда, говорили, что такая одежда является национальным обычаем... Какой огромный контраст по сравнению с тем, что видим сейчас! Мы, в Чехословакии, любим советский народ, чтим и уважаем его армию, освободившую нашу землю от немецких фашистов. На всю жизнь я запомнила русского солдата, приехавшего на велосипеде в концлагерь, где мы были заключены, и освободившего нас... Мы не спросили тогда даже, как его звали, и я до сих пор глубоко сожалею об этом. Надеюсь, когда-нибудь мы его найдем и узнаем его имя...

И снова путь на Львов, доро́гой, вдоль которой, то зарываясь в землю, то на мощных подпорах перекидываясь через быстрые горные реки, тянулись в Чехословакию трубы нефтепровода «Дружба». А неподалеку от дороги проплывали мачты высоковольтных передач.

Львов встретил гостей пионерскими горнами на стадионе. Пионеры праздновали годовщину организации. Юные жители Львова горячо приветствовали друзей из Чехословакии...

А на высоком холме Славы гости возложили венки на могилы тех, кто сражался за свободу своей земли и братской земли Чехословакии. Гостей сопровождали те, кто вместе с Героем Советского Союза Николаем Кузнецовым сражался с фашистскими оккупантами. Густа Фучикова, генерал Ян Мраз, подполковник Владимир Паличка слушали рассказы Николая Акимовича Гнидика и Марии Семеновны Ких о Николае Кузнецове.

Это были часы, наполненные горячим чувством дружбы. Многие жители Львова пришли на вечер в Дом ученых, чтобы рассказать о том, как вместе с друзьями из Чехословакии они проделали боевой путь до Праги. Казалось, не будет конца воспоминаниям. Только недавно жители Львова вместе со всей страной отпраздновали двадцатую годовщину победы над фашистской Германией. И в эти дни с новой силой из сердечных глубин вышли памятные встречи и даты. Где бы ни появлялись наши гости, всюду тянулись к ним руки дружбы.

Так же радушно встретили их в колхозе «Прогресс», Стрыйского района. Председатель колхоза Владимир Васильевич Серядяк поведал о колхозе и селах, в которых живут колхозники «Прогресса»:

— Построили большой Дом культуры. Вы его сегодня увидите. И в каждом селе имеются свои клубы. В колхозе пять библиотек, столько же медицинских пунктов и школ... Наша футбольная команда занимает первое место в районе.

О Стрыйском районе рассказывал секретарь райкома партии Григорий Тимофеевич Дробченко:

— В районе много леса. Поэтому посевная площадь не так велика. Но мы можем сказать, что лен, который возделывается в нашем районе, экспортируется в Англию, Бельгию и Голландию... В наших лесах более тысячи оленей, две тысячи кабанов, имеются медведи, что-то около сотни, бесчисленное количество фазанов...

Гости улыбались: это были несколько необычные «показатели», о которых говорил секретарь райкома партии. И здесь во время обеда, который устроили колхозники в честь чехословацких друзей, произошли неожиданные встречи. Оказалось, что Дробченко на земле Чехословакии воевал рядом с генералом Яном Мразом, а колхозный бухгалтер Иван Федорович Федишин вместе с Владимиром Паличкой брали трудную высоту «534». Они долго стояли обнявшись и все не могли отойти друг от друга, вспоминая победный 1945 год.

* * *

Совместная миссия советских и чехословацких сторонников мира завершена. Подписано заявление, в котором были высказаны общие думы, выражен общий гнев против варварской необъявленной войны, которую США ведут во Вьетнаме. Высказано единодушное мнение о поддержке Всемирного конгресса мира, созывающегося летом нынешнего года в Хельсинки. И вот уже трогается автобус с нашими друзьями снова в сторону границы, туда, где слышен рабочий гул тракторов, распахивающих землю под новые виноградники и сады.



Георгий НИССКИЙ



Братишка

«Жизнь Федора Богородского столь же необыденна и ярка, как необыденно и ярко его искусство. Они так тесно переплетены, так невероятно спаяны, что временами не знаешь, где кончается жизненный эпизод и начинается искусство, и наоборот. Его жизнь и искусство скорее слишком ярки, нежели недостаточно цветисты... Его повышенный жизненный тонус отражается на всем, к чему он прилагает руку. Отсюда эта сверкающая жизнерадостность и заряд неиссякаемой бодрости».

И. Грабарь

1919 год. Оренбург. Белогвардейские банды генерала Дутова только что выброшены из города. По ночам гремят шальные взрывы... Ветер наметает в пустынных улицах сугробы, хороня замерзшие трупы. На одном из домов висит небольшая вывеска: «Художественная выставка картин».

Однажды сюда мимо растерявшегося сторожа вошел обвешанный оружием матрос.

— Чем интересуетесь, товарищ? — спросил посетителя один из устроителей выставки.

Так они и познакомились тогда — художник Степан Карпов и Федор Богородский.

— Ну, брат, и ошеломил же ты нас тогда своими пушками и клешем,— годы спустя говорил Карпов другу.

Немало подобных встреч было у Федора Богородского, чей путь в искусство шел через две революции и гражданскую войну. Сколько раз художник прерывал занятия живописью, чтобы стать... военным морским летчиком Страны Советов, красным матросом, комиссаром революционной флотилии, чекистом в родном Нижнем, заведующим особым отделом губчека в Оренбурге, начальником следственного отдела Ревтрибунала всей Волги...

Приход Федора Богородского в революцию, в партию большевиков был прямым продолжением дороги его отца — друга Горького, участника революционного движения. Когда в 1905-м маленький Федор, прибежав запыхавшись домой, объявил отцу: «Я «красный»,— тот, улыбнувшись, сказал: «Правильно».

Все было правильно. Сын дрался за революцию, а когда настало время, верная дорога привела его навсегда в искусство. Этот новый этап начался в 1920-м, в кабинете председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского.

— Хотите уйти из ВЧК? — спросил он, прочтя заявление Федора.

— Так точно, товарищ Дзержинский. Хочу учиться, чтобы быть художником.

Через несколько дней Богородского принял нарком просвещения А. В. Луначарский.

Вернувшись в родной город, Федор Богородский выставляется как... последователь «Бубнового валета». Были у Богородского к тому времени разрозненные, но уже немалые живописные навыки. Еще 12-летним мальчиком он учился рисованию у одного нижегородского художника; чуть позже занимался в Москве у реставратора Юхневича; затем был в студии Леблана и столь тщательно изучал античные гипсы, что Леблан посоветовал ему сдавать экзамен в Императорское училище живописи.

Но «увлечение футуризмом,— по признанию самого Федора Богородского,— сорвало так хорошо начатую учебу». В 1916 году на выставке в Нижнем он «дебютировал» озорными футуристическими вещами, ходил в выдуманной им самим блузе из кустарной набойки в ярких цветах с нарисованной незабудкой на щеке. Вскоре пошел воевать. Через пять боевых лет новое увлечение — «динамический супрематизм»! Богородский пишет портреты тяжелыми, отливающими металлом красками. Разбитая на грани «кубическая» форма получается жесткой, угловатой, подчеркивая одну лишь суровую резкость лица, характеров.

В Москве Богородский встречается с большими мастерами. И вот, уже расставшись навсегда с «левачеством», Богородский, «чтобы приобрести систему в познании натуры и овладеть грамотой живописи», наперекор тогдашним устремлениям художественной молодежи поступает в мастерскую Архипова, который, по словам И. Э. Грабаря, быстро сбил с его живописи остатки футуристического озорства.

В 1924 году Федор Богородский кончает Вхутемас с высшей наградой — заграничной командировкой — и вступает в АХРР, где его избирают членом центрального совета.

Архиповские уроки — «Поближе, поближе к натуре, голубчик! Учитесь у натуры» — подсказали художнику первую самостоятельную тему, взятую из гущи жизни.

«Как депутат Московского Совета, я принимал деятельное участие в судьбах беспризорных ребят, но мне неудержимо захотелось... попытаться их писать. Однако все мои попытки уговорить их позировать кончались полной неудачей. Они, видимо, решили, что я «легавый»... Тогда я стал заходить к ним в ночлежку, будто ища какого-то своего приятеля. Иногда я приносил игральные карты... однажды обыграл группу беспризорников до нитки... Приобретя авторитет... я стал показывать фокусы — манипуляции с картами и этим окончательно завоевал популярность «своего» парня... Ребята стали ходить ко мне на квартиру, терроризируя соседей своим отчаянным видом... Мне, конечно, не стоило никакого труда уговорить их посидеть для зарисовок — пускай, дескать, «блатной» побалуется. В течение года я сделал около 15 портретов, но, считая эти портреты весьма посредственными, я их старался никому не показывать».

Но именно эти портреты стали «гвоздем» VII выставки АХРРа: «Революция, быт и труд».

— Вот видите, что значит натура! — говорил тогда Федору профессор Архипов.— Честно поработали, от себя не выдумывали, и получилось хорошо. Поздравляю, поздравляю!

На вернисаже выступил Луначарский, отметив работы Богородского:

— Его прекрасные этюды нужно издать как иллюстрации к хорошему трактату о том, что из себя представляет такое социальное явление, как детская беспризорность.

А Федору нарком сказал:

— Из вас выйдет толк. Только не подводите!

И художник Богородский не обманул ожиданий первого наркома просвещения, не подвел. Мы, товарищи и друзья, хорошо знавшие Федора Семеновича, не переставали удивляться его разносторонней одаренности, колоссальной энергии, взрывной силе, бьющей через край артистичности. Натура романтическая, остро чувствующая все новое, яркое, он самозабвенно увлекался искусством. Увлечения эти не ограничились живописью.

Богородский дерется на фронтах, воюет с врагами революции в тылу и в то же время создает картины, пишет буйно-цветастые декорации, издает сборник стихов «Даешь»:

Фуражка вломана в затылок,
И шпалер всунут в брюки клеш.
Какая дьявольская сила
В девизе пламенном «даешь»!

Он ведет огромную общественную работу; выступает на митингах; на эстраде исполняет эффектный номер «Ферри — человек без нервов» и создает яркий эстрадный танец; работает на арене цирка, о котором еще и пишет программную статью «Даешь цирк!». Увлечение цирком началось в детстве. Мальчик так мастерски проделывал акробатические трюки, что старая циркачка мадам Маньон серьезно говорила ему: «Слюшай, Феда, ти хороший акробат. Почему ти не хочешь работать на свой кусочек хлеба?» Но гимназическое начальство было шокировано, и мальчик с трудом избежал исключения... Был Богородский кинотрюкачом — не прошел и мимо такого новшества! Работал в театре у Мейерхольда, был репортером, танцором-чечеточником, «тянуло» его к режиссуре. Но в пору любого увлечения он оставался верен живописи.

И популярность художника Богородского росла. В 1927 году в Токио его «Дорогомиловский пейзаж», празднично сверкавший красками, привел в восхищение посетителей выставки. Пейзаж купили и тут же, в Японии, издали



Ф. Богородский. «БРАТИШКА». 1932.



в открытках. А сколько еще пейзажей написал Богородский за свою жизнь, сочных, ярких, порой неожиданно нежных, прозрачных, мечтательных, задушевных; в родном Горьком, Абрамцеве, в Германии, Мстере, Звенигороде, Донбассе, Сорренто, в любимой Тарусе! А в 1928 году в Венеции расходились в тысячах репродукций и фотографий его «Матросы в засаде». Картина имела на Всемирной выставке грандиозный успех. Перед ней стояли часами: «Вот они какие, советские моряки».

Да, они такие. Матрос-коммунист в неизменной тельняшке, с гранатой и револьвером, крест-накрест перепоясанный пулеметными лентами. Честь первым воплотить такой легендарный образ в живописи выпала на долю Федора Богородского. Кто, как не он, комиссар матросского отряда, знал характеры, мысли, чувства, каждую черточку мужественного облика своих боевых товарищей! Первый портрет матроса Федор Богородский сделал еще в 19-м году под Царицыном.

«Около меня полулежала колоритная фигура черноморца. В двадцать минут я сделал с него зарисовку. Нет слов для описания его радостного изумления, когда я ему показал рисунок... я изрисовал всю тетрадку... Поздним вечером мы вступили в бой с белыми казачьими сотнями. Пошли первые цепи моряков, лязгая затворами винтовок. Побежал и я, сжимая гранату в потных ладонях.

Не успел я отбежать и десяти шагов, как увидел подпрыгнувшего ко мне старого... боцмана Гулина.

— Эй, комиссар! — услышал я сквозь залпы и взрывы...— Ежели останусь жив — нарисуй! Нарисуй меня — пошлю хоть жинке и матери.

— Есть, Гулин! Полундра! — И мы ворвались в рев и гул пылающего боя.

Мне не удалось нарисовать старого Гулина. Он погиб в бою. Утерялась в бою и тетрадка...»

Через семь лет Федор Богородский вспомнил о той своей тетрадке. На сцене театра МГСПС шел спектакль «Шторм». В зал ворвался суровый и бурный дух гражданской войны. Художник сидел в зале потрясенный. Вот они, мои герои, которых я так долго искал в своем искусстве. Это мои друзья, это я сам!

В мастерской картина рождалась словно сама собой: так самозабвенно, на одном дыхании работал Федор. Былое с предельной четкостью встало в памяти, и через месяц полотно было закончено. Ожили товарищи, с которыми вместе шел в бой, стоял в засаде, ел из одного котла, спал, положив голову на плечо,— братишки, чья жизнь — подвиг.

И даже собственный портрет в бушлате и бескозырке воспринимается не как автопортрет, а как обобщенный образ героя-моряка.

Мысль об автопортрете зародилась в 1931 году на Черноморье, когда в Батуми, Севастополе Богородский писал портреты моряков-комсомольцев, ладных, крепких, с ясными лицами. Вот вы какие, орлята!.. Вспомнилась своя опаленная огнем юность...

А когда пошли они в бой в сорок первом, Федор Богородский снова стал на передний край, только теперь как художник. Сначала он был под Сталинградом на Малой земле, затем у балтийцев в осажденном Ленинграде. Контузия заставила его вернуться в Москву, но ненадолго. Вскоре он в Румынии, Венгрии, где проходил фронт.

Теперь у него образы советских моряков, овеянные славой новых подвигов сверхчеловеческого мужества, обретают большую монументальную силу и выразительность. В творчестве художника появляются новые ноты: возвышенный пафос, богатырская мощь, торжество победы и глубокая, скупая солдатская и народная скорбь о погибших.

В картину «Слава героям, павшим за Родину» Богородский вложил горе, боль и гордость своего сердца.

В год 20-летия великой Победы это полотно художника-бойца звучит торжественным реквиемом всем, кто погиб за Родину.

Ф. Богородский. БЕСПРИЗОРНЫЕ. 1926.

ХОЧЕТСЯ ВЕРИТЬ

В апреле 1851 года в Саратовской гимназии появился новый учитель русской словесности. Это был Николай Гаврилович Чернышевский. «Воспитанники в гимназии есть довольно развитые,— писал он своему другу поэту М. Михайлову 28 мая, передавая первые впечатления.— Я по мере сил тоже буду содействовать развитию тех, кто сам еще не дошел до того, чтоб походить на порядочного молодого человека». Саратовские гимназисты вскоре стали посещать Чернышевского на квартире, в обычай вошли совместные прогулки с учителем за город. Для воспитания учеников в революционном духе Николай Гаврилович использовал «литературные беседы» — ежемесячные литературные чтения гимназистов старших классов, встречи с ними в библиотеке, даже уроки русской словесности. «Я делаю здесь такие вещи,— записывал Чернышевский в дневнике,— которые пахнут каторгою,— я такие вещи говорю в классе».

Документы свидетельствуют, что свыше тридцати саратовских гимназистов участвовали в освободительном движении. Среди них Юрий Мосолов — создатель нелегальной антиправительственной организации в Московском университете, Николай Шатилов и Василий Михалевский — видные деятели тайного общества «Земля и Воля», Михаил Воронов, написавший первую биографию своего учителя Чернышевского.

Интересно, по какой же программе преподавал Чернышевский?

Поскольку Саратовская гимназия входила в Казанский учебный округ, поиски программы следовало начинать в казанских архивах. В руки попался отчет по округу за 1851 год. И на странице 40-й отчета вдруг бросились в глаза следующие слова: «Некоторые из чиновников и преподавателей округа занимались в 1851 году особыми учеными трудами», из их числа Чернышевский, учитель Саратовской гимназии, «составил программу для преподавания в гимназиях словесности, которая и введена в руководство по округу».

Оказывается, во всех гимназиях округа руководствовались составленной Чернышевским программой!

Теперь особенно важно найти программу. В делах канцелярии Казанского учебного округа она до сих пор не обнаружена, нет ее и в Саратове: гимназический архив за эти годы не сохранился. Но ведь в Казанский учебный округ входило десять губерний: Нижегородская, Казанская, Пермская, Вятская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Пензенская, Астраханская, Оренбургская. Значит, например, в астраханском архиве или в пензенской библиотеке программа может быть. Возможно, на ней даже и не указано имя составителя: озаглавлена как программа по русской словесности для гимназий Казанского учебного округа — и все.

Программа была изготовлена в большом количестве экземпляров, значит, есть шансы считать, что хоть один экземпляр удастся найти. Что ж, давайте искать вместе, товарищи. Кто в этих поисках окажется счастливцем, сказать трудно. Но хочется верить, что он будет!

Еф. БУШКАНЕЦ

Казань.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Кажется, несовместимы понятия «энциклопедия» и «романтика». Между тем именно с их помощью хочется определить характер книги Сергея Маркова «Идущие к вершинам». Когда читаешь ее, обилие документальных сведений поражает: Сергей Марков смело вторгается в историю, в этнографию, в сложное переплетение политических взаимоотношений минувших дней.

Однако это не просто эрудиция. Факты в книге спаяны воедино своеобразным талантом Сергея Маркова, умеющего находить глубинные связи между самыми, кажется, отдаленными событиями. Книга Маркова едина, вся пронизана изнутри светом романтики, поисков и открытий.

И вместе с тем, конечно, это историко-биографическая повесть. В центре книги — жизнь и творчество Чокана Валиханова, замечательного исследователя просторов Азии. Чокан сочетал в себе точность ученого с поэтичной романтичностью, пытливость исследователя с отвагой джигита, тонкость чувств с незаурядной проницательностью политического деятеля. Рискуя жизнью, надев личину андижанского купца Алимбая, он проникает в таинственную Кашгарию, собирает о неведомом европейцам крае богатейший материал. Главы, посвященные путешествию Чокана Валиханова в Кашгарию, читаются с неослабевающим интересом. Десятки судеб русских, казахов, киргизов, узбеков соединены с судьбой Чокана Валиханова в книге Маркова. Писатель восстанавливает забытые биографии, знакомит читателя с примечательными людьми, чьи имена, казалось, навсегда были похоронены в пыли архивов, рисует картины прошлого с мастерством подлинного художника. В этой незаурядной книге писатель, отталкиваясь от конкретных фактов, от судеб исторических личностей, воссоздает цельную и многогранную картину эпохи, помогает читателю пережить и осмыслить события истории, которые не потеряли своего значения и в наше время.

Виктор УТКОВ

ПРЕОДОЛЕВАЯ СЕБЯ

Конечно, сказать, что в спортивной борьбе наряду с мастерством и волей к победе участвует и характер, психология человека,— вовсе не значит сделать открытие. Однако в книге Юрия Власова эта бесспорная истина оборачивается именно открытием, то есть происходит как раз то, что и должно быть при каждой встрече с произведением искусства. Следует заметить сразу же, что далеко не все рассказы и очерки, включенные в первую книгу автора — «Себя преодолеть», заслуживают этого определения. Но некоторые из них свидетельствуют о литературном мастерстве.

Лев Кассиль в своем небольшом предисловии подчеркивает основной смысл книги, выраженный в ее заглавии: «Себя преодолеть — значит преодолеть те слабости, которые принижают человека, препятствуют самоотверженному служению обществу, мешают жить полнокровно». И действительно, в рассказах, повествующих об острых поединках на помосте, вводящих читателя в самую гущу непосредственно спортивной борьбы, главное все-таки — человеческий характер, его богатство и цельность. Подвыпивший американский тренер Поль Сайнд (рассказ «Блеф») говорит советскому спортсмену: «Вы интеллигентный человек, ученый. У вас тонкие нервы. В нашем деле они ни к чему». Это утверждение Юрий Власов страстно опровергает, воссоздавая на страницах книги многогранный и неотразимо привлекательный образ человека глубокого и разностороннего. Богат внутренний, духовный мир героев рассказов; любовь к спорту сочетается у этих людей с другими столь же сильными интересами: горячей и серьезной увлеченностью историей, превосходным знанием литературы.

Главным, определяющим качеством героев Юрия Власова является их нравственная чистота и высокая требовательность к себе. Ключом к пониманию характера советского спортсмена, человека новой эпохи, служат слова героя рассказа «Катавасия»: «Нет, доктор, поддаваться нельзя. Поддашься раз, поддашься и другой... Маленькая слабость рождает большую. Большая — трусость и подлость. Так разъедается душа. Поэтому я беспощаден к себе...»

Во втором разделе под общим заголовком «Судьба тяжелая, как штанга» собраны рассказы, рисующие жизнь спортсмена в мире, где царит бизнес.

Не все рассказы этого раздела удачны: несмотря на то, что язык и здесь выразителен и динамичен, несмотря на точность и яркость отдельных деталей, в рассказах этих ощущается некоторая иллюстративность, некоторая схематичность и заданность.

Н. ЦВЕТКОВА



Н. ХРАБРОВА

Фото В. Сальмре.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

Мир в ладонях

Хорошо начинать утро привычным движением: поворачиваешь рычажок — и рядом с тобой загорается круглый зеленый глаз, и вот обыкновенным человеческим голосом начинает разговаривать с тобой весь мир. Чудесно это придумано: радио! А сколько раз приходилось с превеликим сожалением уходить, не дослушав передачу, потому что говорящий ящик был накрепко привязан к стене электрическим проводом. Но тут вот и случилось второе радиочудо: инженеры освободили ящик от привязи и устроили так, что голоса мира можно теперь подержать в ладони или унести с собой, ну, например, в кабину портального крана или на берег моря, или на кухню, где сердито шипят сковороды. Всюду, куда хочешь, пойдут с тобой маленькие собеседники — транзисторные приемники. «Спидола» — один из них.

Что мне сказать о «Спидоле» тем, у кого ее еще нет? Это всеволновый переносный приемник с удобными источниками питания — батареями карманных фонарей. Диапазонов у нее много, а чувствительность втрое выше, чем у приемника высшего класса «Мир». Величиной она с небольшую дамскую сумку. Большая партия «Спидол» идет на экспорт, в частности в Англию, и среди многих добрых отзывов есть такое письмо англичанина Альберта Хеннела, адресованное рабочим рижского завода «ВЭФ»: «...Хочу сообщить вам, как я доволен транзисторным приемником «Спидола», который выпускает ваш завод. Я купил его в Лондоне. У меня есть японский высокочувствительный приемник и английский приемник, но они не так хороши, как «Спидола». Я уверен, что англичане будут рады, если вы пошлете в наши магазины как можно больше ваших удивительных транзисторных приемников».

Таким образом, «Спидола» вполне оправдывает свое латышское имя, которое означает «Блестящая».

В конструкторское бюро, где родилась «Спидола», мы приехали утром. Пахло краской, мелом и сыростью, по коридорам ходили маляры и штукатуры, конструкторы были зажаты шлангами и стремянками. Между нами вначале даже состоялось нечто вроде спора.

— В наше время нельзя говорить, что кто-то один сконструировал тот или иной приемник,— хмурились конструкторы,— его делают по узлам десятки инженеров и выполняют сотни рабочих. Как это вы сумеете рассказать читателям обо всех?

— Не сумеем,— соглашались мы, но добавляли: — А где, когда и какой оркестр играл без дирижера?

— Нет, нет и нет,— сказали конструкторы.— Альберт Михайлович болен, и тревожить его нельзя.

Альберт Михайлович Брач, начальник отдела разработки транзисторных приемников, действительно был болен. Только он не умел болеть и не умел жить без своей работы и без людей.

...Он лежал на диване и смотрел в окно. Оно было приоткрыто, сквозь занавеску в комнату текла утренняя свежесть. Альберт Михайлович приуныл, понял, что лежать придется долго — приступ стенокардии,— и тут же решил побольше извлечь из этого нежеланного покоя. Когда сын ушел в школу, а жена—на работу, он осторожно встал, поставил на стул рядом с диваном телефон, вынул из шкафа несколько книг и положил их на диванную полку. Позвонил на работу, потом ждал звонков с работы, снова звонил туда. Читал книги, вынутые из шкафа, думал... Сквозь закрытые веки он как бы видел самое начало жизни. Поселок Городок под Витебском. Дед его, латышский батрак, поселился там в свое время, подальше от баронов. Отец все умел. Девять детей было у него, и у всех — отцовские руки. Альберт в детстве пас коров. Он усмехнулся, вспомнив, как гордился втайне тем, что деньги на учение зарабатывал сам.

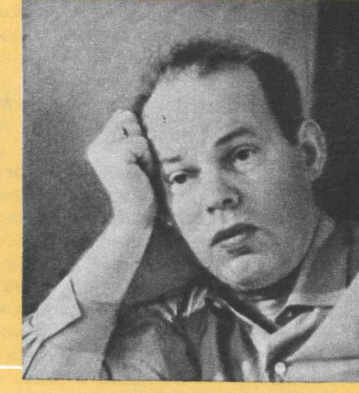
В 1933 году он закончил в Минске техникум связи, ему было семнадцать лет. Альберт Брач продолжал учиться, работал старшим радистом, начальником смен, начальником радиостанций в Витебске, Новороссийске, Томске, на Колыме... Он полюбил свою работу, хоть и не она была мечтой его юности. Тогда хотелось заниматься историей общества, народов, революций. Это занятие все же стало вторым делом его жизни — вон они стоят в шкафу, за многие годы собранные книги Реклю, Чернышевского, Герцена, Плеханова, первые издания ленинских произведений. Из этой жизни среди книг его вырвал незаконный арест. Только в августе 1946 года он снова был на свободе. Начальники отделов кадров пугались его анкеты. А он рвался к лампам, конденсаторам, сопротивлениям и катушкам — ко всему тому, что начиняет приемники, населяет их музыкой, душевной щедростью поэтического слова, калейдоскопом событий... Так он оказался в Риге, где набирал силы завод «ВЭФ».

На «ВЭФ» он попал не сразу, сначала ему удалось поступить преподавателем радиотехники в училище связи.

И вот день встречи с творчеством наступил: он был принят на «ВЭФ» сначала старшим инженером, потом конструктором в радиобюро. Помните небольшой портативный приемник «Турист»? Он был хорошим собеседником в долгом пути, его не глушил шелест волн на пляже, он отлично вел себя в корзине грибника. Вот он-то и был родоначальником всех современных советских переносных приемников. Он дорог Альберту Михайловичу, как первое и не очень удачливое дитя. Позже Брач разработал новую схему, для питания которой было достаточно батарей обыкновенного карманного фонарика. И радиобюро стало разрастаться. Брач, как магнит, тянул к себе чем-то похожих на него людей: чуть колючих и ироничных и в то же время застенчивых, не знающих усталости, а самым главным делом на земле считающих радиотехнику.

...Детство Юрия Изока оборвалось в воскресенье 22 июня сорок первого года. В ту весну он закончил шесть классов. «Каникулы» затянулись: война. Мальчишка стал монтером в организации, восстанавливавшей ленинградские заводы. Вместо аттестата зрелости получил медаль «За оборону Ленинграда». Учение началось только после войны: школа, техникум, институт. После института он получил назначение на «ВЭФ» и попал в группу Брача. По вечерам и в выходные дни у него с Альбертом Михайловичем было свое «хобби»: маленький переносный приемник. Конструкторы обрадовались друг другу, потому что у них сразу нашелся общий интерес — печатная схема.

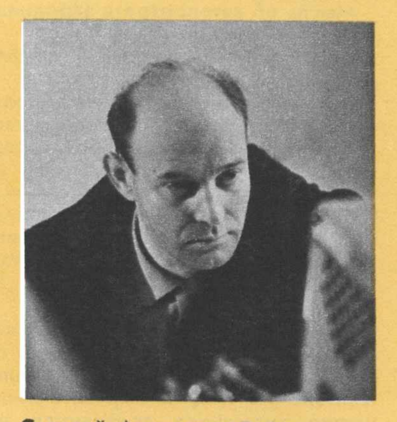
Право, не зря называют эту пе-

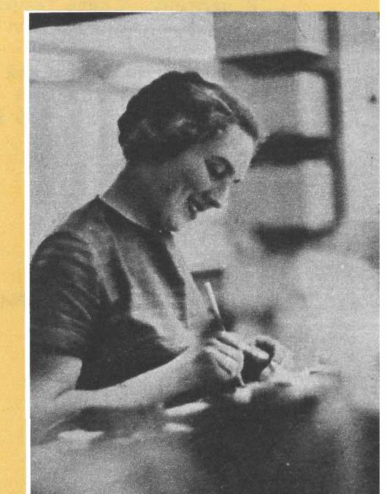

Альберт Михайлович Брач.


Юрий Григорьевич Изок.


Адольф Ирбит «одевает» приемники уже много лет. А Сильвия Дишлер только начинает.


Савелий Ананьевич Райшенок.




Монтажница Инта Курциня.

чатную схему революцией в радиотехнике. Вместо «нервной системы» — сложности проводов и соединений — они оставили только ее рисунок на медной пластинке. Пластинку проще сделать, чем вручную плести провода и соединения. А приемник сразу смог переместиться из большого ящика в значительно меньшую оболочку. И он стал проще, прочнее, легче, дешевле.

Теперь Юрий Георгиевич — главный инженер всего конструкторского бюро, он определяет генеральную линию дальнейшего развития приемников.

Есть в группе транзисторных приемников еще один Юрий — Юрий Васильевич Голубев. Отец его был морским летчиком. Тихий океан раскачивался рядом с военно-морским училищем, в котором прошла юность Юрия. После плавал на торпедных катерах. И вдруг демобилизовался! Радиотехника пересилила романтику. Морской офицер поступил учеником токаря на «ВЭФ» и стал студентом-заочником. Он имел обыкновение не требовать положенных на сессии отпусков, и толком никто не знал, где и как учится Юрий Голубев. А он быстро стал монтажником в экспериментальном цехе, и когда Альберт Михайлович обнаружил его там, был у него уже шестой разряд и пятый курс института. Брач тотчас же взял его к себе инженером-разработчиком. Юрий Голубев сделал небольшую деталь, которая имеет большое значение: барабанный переключатель. Если бы не этот малютка, переносные приемники со многими диапазонами все еще не могли бы стать переносными по той простой причине, что продолжали бы оставаться слишком большими. А как море? Ну что ж, море рядом, только другое. По вечерам Юрий Васильевич сам делает себе лодку...

Очень нужны были конструкторы, очень. И Альберт Михайлович ходил по цехам, смотрел, кто как



Концерт, который всегда с тобой.

работает. Понравился ему один парень — Карл Грунштейн. Альберт Михайлович повел разведку и узнал, что Карл научился ориентироваться в приемнике раньше, чем в азбуке. После окончания средней школы он примчался на «ВЭФ», и его приняли в экспериментальный цех. Альберт Михайлович перетащил к себе Карла. Он стал разрабатывать «Турист». Но тут его взяли в армию, и он удивил товарищей тем, что вопреки ожиданиям служил не радистом, а военным капельмейстером. После демобилизации Карл устремился в свое конструкторское бюро, потому что тут самым тесным образом уживаются два его пристрастия: музыка и радиотехника. Карл нынче летом будет защищать диплом, а вот как ему дотащить свой диплом до института, не знает: диплом величиной с пианино и называется «электронный концертный орган».

Однажды в цехе Брач обнаружил своего ученика по училищу связи Савелия Райшенка. В училище он сидел на первой парте, и Альберт Михайлович замечал, как кропотливо тот умел работать. Парень был замкнут и угрюм, и все же Альберт Михайлович узнал, что Савелия тяжело ранила война. Отец оставался во время оккупации в Даугавпилсе, работал на стройке. И помогал бежать работавшим на той же стройке советским военнопленным: по ночам перевозил беглецов на другой берег реки и провожал их в лес. Иногда он посылал их с Савелием. Мальчик осторожно греб по дымящейся предрассветной реке. Провокатор выдал Анания Райшенка немцам. Семья была большая, арестовали всех. Через неделю детей выпустили, а родителей и старших родственников расстреляли... Савелий стал приходить в себя только после войны, захотелось учиться, и он поступил в училище связи, где его и приметил Альберт Михайлович. Потом парень попросился на зимовку на Памир, работал на высокогорной радиостанции. После зимовки вернулся, поступил в «ВЭФ» и одновременно в институт.

Люди разных возрастов, с разными судьбами, с разными характерами. Может быть, они и ссорятся: истина ведь редко рождается без конфликтов и ошибок. И все же они накрепко спаяны в единое братство, называемое «Группа транзисторных приемников». Сообща, тайно и приглушенно гордятся они своим коллективным ребенком — «Спидолой». Ревностно оберегают Альберта Михайловича от лишних нагрузок. А когда он возвращается после болезни в бюро, то встречают его не без ехидства: «Ко всем встряскам готовы!» Мечтают о том, чтобы транзисторная промышленность скорее развивалась вглубь и вширь — вот тогда-то уж!.. Они живут быстрее нас, они всегда в завтра. И поэтому, улучшив в «Спидоле» все, что можно, они прощаются с ней: нельзя задерживаться даже на очень хорошем деле, если оно сделано! Новые инженеры пришли в радиобюро: Николай Дударов, Валентина Груздева, Иван Парфенов, Владлен Папуш. Разрабатываются новые приемники: «Малыш», «Орбита», «Банга», карманные транзисторы...

А «Спидола» переселилась в цеха. Через каждые сорок секунд на свет появляется новый приемник. При самом высоком качестве у него самая низкая в стране себестоимость. Экономика — дело сложное, у нее есть свои законы использования источников сырья и размещения рабочей силы. И все-таки в цехах, где делают «Спидолу», возникает такая мысль: не стоит ли плановикам и экономистам подумать над тем, чтобы увеличить выпуск «Спидолы» и ее младших собратьев за счет уменьшения выпуска худших по качеству приемников?



Рекордсмен глубины — батискаф «Триест».

ОНИ НАШЛИ «ТРЕШЕР»

Трагедия произошла 10 апреля 1963 года. В 9 часов 15 минут утра в Атлантическом океане затонула американская атомная подводная лодка «Трешер». Какова причина ее гибели? Что произошло под огромной толщей воды, на глубине двух с половиной километров? Окончательного ответа на этот вопрос нет до сих пор.

До последнего времени не было найдено и остатков атомной подводной лодки: на такую глубину не мог спуститься ни один корабль. Все это заставило американских ученых разработать новые технические средства, с помощью которых можно было бы провести глубоководный поиск.

В район гибели «Трешера» пришли поисковые суда, с них в океанские глубины были опущены счетчики Гейгера в надежде обнаружить радиацию, идущую от атомных реакторов затонувшей лодки.

Подводные телевизионные камеры были оборудованы специальными магнитометрами; они направляли камеры в сторону металлических предметов. Так были сфотографированы разбросанные по дну и скрученные гигантским давлением воды небольшие обломки, несомненно, принадлежащие «Трешеру».

Это позволило довольно точно очертить участок в четыре квадратных километра — место предполагаемой гибели атомной субмарины. Затем в действие вступил батискаф «Триест», «мировой рекордсмен глубины». 23 января 1965 года «Триест», имея на борту американца Дона Волша и Жака Пиккара, сына знаменитого французского профессора, погрузился в Марианнскую впадину на 10 916 метров.

Батискаф «Триест» — тихоход, к тому же время его подводной жизни ограничено несколькими часами. Во время поисков «Трешера» он несколько раз погружался на глубину 2,5 километра, парил на расстоянии нескольких метров над дном океана, освещая прожекторами окружающее пространство. Находящиеся на его борту ученые через узкие смотровые окна внимательно изучали все, что могло принадлежать погибшему кораблю. Во время третьего погружения они увидели на дне океана желтый резиновый сапог, который обычно носят для защиты от радиации. Этот сапог, наверное, принадлежал кому-нибудь из персонала «Трешера», обслуживавшего ядерный реактор.

Во время восьмого погружения «Триест» при помощи механической руки поднял на поверхность скрученную и искореженную полутораметровую секцию. Специалисты определили, что она с «Трешера». Во время последующих погружений ученые «Триеста» фотографировали массы обломков. Среди них — разбитые пластины, балласт, перерезанные кабели, отдельные части 90-метрового корпуса «Трешера».

Какие выводы? В Вашингтоне их попытались сделать ведущие американские специалисты по глубоководным исследованиям. Как сообщает иностранная информационная служба США, специалисты отметили «большой технический прогресс, который привел, во-первых, к постройке «Трешера», а во-вторых, к успешным поискам его обломков». Группа рекомендовала, чтобы американские подводные лодки в дальнейшем были оборудованы специальными электронными устройствами. В случае несчастья они будут автоматически подавать сигналы, облегчающие работу спасателей.

Американские специалисты считают, что гибель «Трешера» вызвала быстрый прогресс в глубоководных исследованиях.

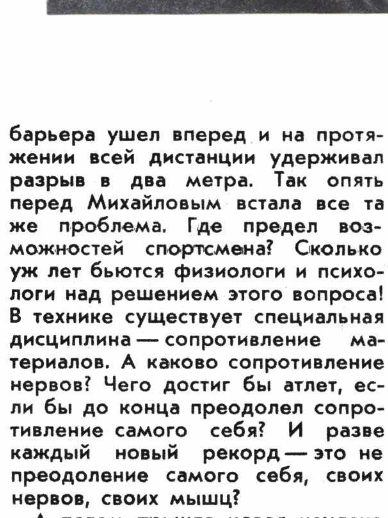
Обломки «Трешера» на дне океана.



Десять барьеров

В. ВИКТОРОВ





Лица победителей... Они смотрят на нас с фотографий — яростный оскал копьеметателя, напряженно уставившиеся в одну точку глаза бегуна, трагическая маска прыгуньи после неудачной попытки... Еще недавно эти снимки появлялись в печати лишь после того, как над ними поработал скребок ретушера. Лица спортсменов выходили из-под этого скребка с неестественными, пририсованными улыбками, так не вяжущимися с напряжением всех чувств, которые они в этот момент выражали, но спорт не может существовать без эмоций, как ни старались бы ретушеры, и в этом его прелесть, в этом его притягательная сила.

Но что снимки! Сам Михайлов оказался искуснейшим ретушером. Он довольно охотно рассказывал обо всем, что может заинтересовать журналиста, старательно отвечал на все вопросы, помнил все цифры, но слова его оставались такими же спокойными и невыразительными, как и он сам на фотографиях.

И, быть может, я никогда бы не написал очерка об Анатолии Михайлове, если бы как-то не спросил Тамару Пресс, что собой представляет Михайлов. Ее ответ сперва озадачил меня: «Этого никто не знает, кроме Виктора Ильича»,— а затем и утешил: значит, не случайно терпел я фиаско. А потом Тамара Пресс спросила, известно ли мне любимое словцо Анатолия Михайлова. И тут-то, услышав это коротенькое слово, я вдруг понял, в чем причина его невозмутимости.

«Нормально!» — вот, оказывается, его любимое слово. «Нормально!» — можно услышать от Михайлова, спросив его о том, как прошла зачетная сессия, и как чувствует себя молодая жена, и как закончился бег. «Нормально!»—одно короткое слово...

— Ну, как дела? — спросил Виктор Ильич Алексеев незнакомого юношу после первой пробной тренировки.

— Нормально,— ответил юноша, и Алексееву пришлось довольствоваться этим лаконичным ответом, а ведь тренеру надо было многое решить, прежде чем продолжить с ним тренировки.

Барьерный бег — занятие не простое, это один из самых сложных по технике видов легкой атлетики. Во время бега спортсмен, как бы не замечая барьеров, должен непрестанно помнить о том, что на дорожке их десять, что высота каждого из них — 106 сантиметров, что расстояние между препятствиями — 9 метров 13 сантиметров, что для каждой следующей атаки в его распоряжении всего три шага.

Но для Михайлова трудности начинались еще до подхода к первому барьеру. Ему не хватало быстроты для стартового разгона, от барьера к барьеру его бег разлаживался все больше, и в конце концов на восьмом препятствии Михайлов окончательно сбивался с ритма. Однако трудности были не только в старте. Бегун берет старт не один: справа и слева, отделенные от него меловыми линиями, рвутся вперед, взлетают над барьерами его соперники. И у каждого из них свой ритм. Если барьерист не противопоставит этому ритмическому разнобою свой уверенный, точный, не поддающийся никаким посторонним воздействиям темп, то он и не заметит, как собьется со своего шага, подчинится противникам.

В невозмутимости Михайлова, в его умении держать себя в руках Алексеев почувствовал неисчерпаемые возможности для барьерного бега и не ошибся. Михайлов быстро прогрессировал и в последний момент попал даже в состав олимпийской команды, отправился в Мельбурн. Так в далекой Австралии впервые встретился он со знаменитыми барьеристами США. За всю долгую историю олимпиад они только дважды уступали золотые медали, но лишь увидев американских барьеристов, Михайлов понял, как они сильны. Барьеристы США вполне могли конкурировать с кенгуру. И Джек Дэвис, и Ли Кэлхаун, и Джоэл Шенкл бежали, как на пружинках,— ни одного неточного шага, ни одного просчета. А сам Михайлов безнадежно проиграл в первом же забеге. Не хватило ему мастерства и выдержки.

Только спустя три года Анатолий Михайлов снова встретился с американскими барьеристами, на этот раз в Москве. И к этому времени они довели мировой рекорд до 13,4 секунды. Они-то времени зря не теряли. Внимательно приглядывался Михайлов к новому светилу — Хайесу Джонсу. Гибкий, как все барьеристы, но в отличие от многих из них приземистый, типичный спринтер, достаточно массивный, а на ходу удивительно легкий, Джонс считался надеждой американской легкой атлетики. И действительно, негр оказался для Анатолия Михайлова не по плечу так же, как в свое время и Кэлхаун и Дэвис. По своему классу Джонс ничем не уступал им: тот же стремительный, абсолютно точно выверенный старт, та же упругость ритма.

Когда наступил день старта, Джонс сразу же после первого барьера ушел вперед и на протяжении всей дистанции удерживал разрыв в два метра. Так опять перед Михайловым встала все та же проблема. Где предел возможностей спортсмена? Сколько уж лет бьются физиологи и психологи над решением этого вопроса! В технике существует специальная дисциплина — сопротивление материалов. А каково сопротивление нервов? Чего достиг бы атлет, если бы до конца преодолел сопротивление самого себя? И разве каждый новый рекорд — это не преодоление самого себя, своих нервов, своих мышц?

А потом пришла новая неудача на новых Олимпийских играх — в Риме. В четвертьфинале Михайлов бежал с Вилли Мэйем, и оба они показали отличную скорость. Американец закончил дистанцию за 13,8 секунды, а Михайлов — на одну десятую хуже. И вдруг в полуфинале между вторым и третьим барьерами Михайлов упал и вынужден был сойти с дистанции...

Тщательно готовился Михайлов к новой встрече с американцами, на сей раз на их родине, в Филадельфии. Там советских барьеристов ждали Кэлхаун и Джонс. Но, увы, ничего нового эта встреча Михайлову не принесла. Казалось, не было такой силы, которая могла бы заглушить ритм американских барьеристов, заставила бы их сбиться с темпа. Ну что же, Михайлов тоже не всегда проигрывал. В Белграде летом 1962 года на первенстве Европы ему удалось еще раз доказать, что не барьерист из ФРГ Мартин Лауэр, а он сильнейший барьерист континента. Но в Белграде американских бегунов ведь не было. Что же, придется подождать часа новой встречи. Она состоится летом 1963 года в Москве. Кто на сей раз будет стоять с Михайловым на старте? Приедет ли его счастливый соперник Хайес Джонс — великий барьерист, как его называют в США? И вот перед огромными трибунами стадиона имени В. И. Ленина стали четыре бегуна, и радио разнесло их имена по всем четырем трибунам: Линдгрен... Михайлов... Контарев... Джонс. Вот они сорвались с места, и мы тут же услышали, как вдогонку им щелкнул второй короткий выстрел. Фальстарт!

Снова прогремел выстрел, и снова бегунов вернули назад. Два фальстарта — это тяжелое испытание для бегунов: слишком большому давлению подвергается их воля, их собранность, их нервная концентрация. После двух фальстартов всегда можно ждать третьего. И когда четыре тела снова метнулись вперед, к видневшимся вдали барьерам, мы все невольно прислушались: нет ли снова отбоя? Почему мы ждали этого? То ли потому, что знали природу цепной реакции фальстартов, то ли потому, что успели заметить, как кто-то из четырех на какое-то мгновение раньше сорвался с места? Но нет, второго выстрела мы не услышали, четыре бегуна уже



Второй раз взят старт. Барьеристы на дистанции — Х. Джонс, А. Михайлов, Б. Линдгрен и А. Контарев. Фото А. Бочинина.

на подступах к первому барьеру, и Джонс на шаг отстает от Михайлова... Второй барьер позади. Джонс по-прежнему отстает... Взят третий барьер. Джонс проигрывает. Михайлов перешагнул четвертый барьер и устремился к пятому. И в этот-то момент мы увидели, как американский бегун вдруг остановился и, ссутулясь, понурив голову, пошел назад, к старту.

(Михайлов: «Я не знал, что Хайес Джонс бросил бег. Я только почувствовал, что его нет рядом, а так как никого не было и впереди, то понял, что выигрываю. Эта мысль заставила меня еще больше напрячь усилия, и я финишировал в резком наклоне, потерял равновесие, упал, перевернулся через голову и прокатился по беговой дорожке. Но боли не было. Неужели выиграл? Вскочил, оглянулся. Нормально, я первый. И только после этого убедился, что за мной финишировали всего двое и что среди них Джонса нет».)

Джонс, как мы уже знаем, прекратил бег после четвертого барьера. Вернувшись к старту, он заявил, что не бежал дальше потому, что был фальстарт. Но Михайлов не знал о заявлении Джонса. В то время, когда американские представители заявили протест и потребовали перебежки, Михайлов находился уже под трибунами в кабинете врача.

(Алексеев: «Я нашел Михайлова, всего исцарапанного и испещренного зеленкой, у врача. Ему ввели противостолбнячную сыворотку, но лицо его, как и всегда, оставалось абсолютно спокойным. И все же я видел, что Михайлов предельно устал и потрясен победой. «Почему он остановился?» — спросил меня Михайлов. И тут я сказал ему, что Джонс прервал бег, потому что считал, что он начат был с фальстарта, и что, видимо, американцы потребуют перебежки».)

Уже по тому, что время победителя не сообщалось по радио, мы поняли: дело плохо. И все же, когда судейская коллегия объявила перебежку, стадион охнул, как один человек, и этот могучий вздох был, наверное, слышен далеко за пределами Лужников. Но о какой же перебежке может идти речь, когда три участника забега выложились до отказа, а четвертый остался совершенно свеж? Не проще ли в таком случае заранее отдать первое место этому четвертому и, бесспорно, сейчас самому сильному?

— Толя, будет перебежка,— сказал Алексеев, разыскав Михайлова в комнате врача.— Ничего не поделаешь. Надо бежать... Ты должен собраться!

Михайлов молча кивнул головой и, поморщившись от боли, поднялся с дивана.

— Ну что ж, бежать так бежать,— сказал он.

— Ты как себя чувствуешь?— спросил Алексеев и невольно улыбнулся, услышав знакомое ему «нормально».— Сколько тебе надо времени, чтобы собраться? Минут тридцать хватит?

Алексеев понимал, в каком трудном положении находится сейчас его ученик. Для того, чтобы снова выйти на старт после всего только что пережитого, чтобы попытаться выиграть у Джонса, Михайлову придется победить не только сопротивление уставших до предела мышц, но и сопротивление всех своих душевных сил. Сможет ли Михайлов преодолеть сопротивление самого себя?

И стадион вскоре увидел снова четырех бегунов. Они разминались на траве и ждали, пока освободится беговая дорожка. Сколько человек из девяноста тысяч, заполнивших стадион, верили в победу Анатолия Михайлова? Если провести летучую анкету среди зрителей, цифры окажутся не в его пользу: трудно было представить, что Михайлов во второй раз сможет выиграть у Джонса. Даже его товарищи по алексеевской школе, друзья по сборной команде страны, знавшие, на что способен этот человек, как сильна его уравновешенность, как умеет он концентрировать свою волю, понимали, что сейчас Михайлов обречен на поражение. И все же чуда, конечно, ждали все. Ведь этим же и привлекает спорт: надеждой на невозможное.

Весь стадион смотрел, как четверо бегунов снова взяли старт в одной линии и устремились к первому барьеру — самому важному, как пишется во всех руководствах. Но для Михайлова самый важный барьер, как мы знаем, всегда восьмой. На нем выясняется, насколько точен был каждый шаг, не был ли допущен где-нибудь просчет в ритме. Пока же было ясно: на старте Михайлов не проиграл Джонсу и сантиметра, оба они в одно мгновение оказались у первого барьера.

И все же Джонс в каком-то неуловимом усилии успел, может быть, на миллиметр быстрее преодолеть это первое препятствие. Бегуны снова на дорожке. Неужели начинает побеждать ритм Джонса? Это, наверное, как на перенаселенной короткой радиоволне: немного сдвинешь рычажок регулятора—и уже вплетаются чужие голоса, заглушают твою станцию, едва уловимое движение — и ты уже ничего не слышишь, и все громче и громче звучит какая-то неясная мелодия.

Не сдвинуть рычажка, не слышать ничего ни справа, ни слева, держаться в выбранном тобой звуковом коридоре — так, наверное, воспринимается бег барьеристом. Не вспоминать о Джонсе, не думать о том, как проносится он сейчас рядом с тобой между первым и вторым барьером, на носках, как бегают все американские барьеристы. Каждое новое препятствие, не снижая скорости, он будет преодолевать так естественно, так просто, что это движение иначе, как перешагиванием, не назовешь, хотя это и звучит не

очень-то ловко. Бегун внезапно взлетает вверх, не замечая барьера, рука и нога вытянуты вперед, как указательные стрелки, и в следующее мгновение он уже снова летит по земле, накапливая скорость перед новым взлетом...

На втором барьере уже всем было ясно, что Джонс немного впереди... На третьем оба бегуна оказались вместе... На четвертом Джонс немного отстал... К пятому Михайлов и Джонс подошли одновременно. Две волны рядом, почти сливаясь друг с другом и вместе с тем отъединенные друг от друга, стремящиеся лишь к одному — не дать заглушить себя.

Всего половина дистанции позади, и столько еще нужно сил. А потом все увидели, что в каком-то непостижимом рывке Михайлов вырвался вперед, первым перешагнул шестой барьер и начал последовательно уходить от Джонса и Линдгрена. Над затаившим дыхание стадионом все громче и громче зазвучал ритм его бега, пока он пролетал свой опасный восьмой барьер, затем девятый, десятый, и вырвался наконец на последний отрезок дистанции, и устремился к финишу в таком же неистовом наклоне, как и в первый раз, снова первый, снова победитель...

...Те, кому посчастливилось увидеть этот бег, запомнят его, наверное, надолго, но осмыслить то, что произошло, удалось не сразу даже тем, кто знал всю предысторию этого спортивного спора. В тот момент все мы просто испытывали вдохновенный подъем — смесь удивления и восторга.

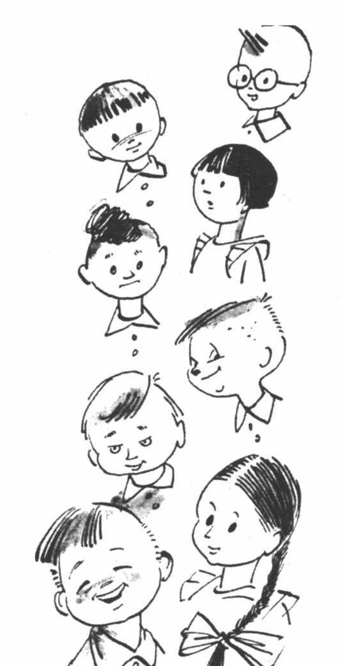
Я знал, где ждет Виктор Ильич Михайлова, и поспешил к пролету огромных ворот. И еще издали в радостной суете, в приливе и отливе атлетов, спешащих на старт и покидающих спортивную арену, я увидел Алексеева. Он стоял, не сводя глаз с приближающегося к нему Михайлова. И я услышал, как Михайлов спросил его мимоходом, как ни в чем не бывало, словно сейчас ничего и не произошло:

— Ну как, нормально?..

* * *

Осенью 1964 года я снова увидел Анатолия Михайлова рядом с Джонсом и Линдгреном. На сей раз не в Москве, а в Токио, на дорожке олимпийского стадиона. Позади предварительные забеги и полуфиналы. Нет, в Токио Мельбурн и Рим не повторились: Михайлов уверенно доказал свое право бороться в финале. И он боролся с присущим ему самообладанием, боролся с Джонсом и Линдгреном на равных, и неизвестно, как закончился бы этот бег, если бы не беда, случившаяся над седьмым барьером. Да, на сей раз его подвел не восьмой, а седьмой барьер. Преодолевая его, Михайлов сбился с ритма и проиграл Джонсу на финише всего-то одну десятую секунды. А с Линдгреном Михайлов финишировал в одно и то же время. Лишь с помощью фотофиниша удалось судьям определить, что Линдгрен на одно движение опередил Михайлова.

И вот просохли беговые дорожки. Скоро мы опять увидим Анатолия Михайлова рядом с сильнейшими американскими барьеристами: три призера Токийской олимпиады встретятся на матче СССР—США в Москве.



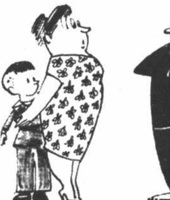


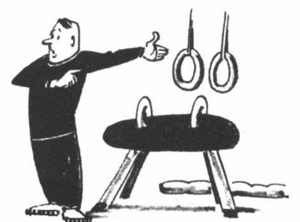
О ЧЕМ ШЕЛ РАЗГОВОР:

ВНИМА ШКОЛЬ

И ОТМЕТКИ И ЗДОРОВЬЕ * СКОЛЬКО ЧАСОВ ОТДЫХАЕТ







Очередное заседание клуба открыла директор Института гигиены детей и подростков Академии медицинских наук СССР **Галина Николаевна Сердюковская:**

— Давайте сегодня поговорим о школе. Но не о методике преподавания, не о программах и отметках. Совсем об ином, но тоже очень важном — о проблемах гигиены школьников. Обидно, что об этом нередко забывают тысячи и тысячи учителей, директора школ, руководители отделов народного образования.

Для нас, взрослых, установлен 7-часовой рабочий день, и пусть попробует какой-нибудь руководитель заставить своих подчиненных работать, скажем, по семь с половиной или по восемь часов! Почему же продолжительность трудового дня детей волен (и к тому же вполне безнаказанно!) самолично устанавливать директор школы? Почему органы Государственного санитарного надзора, имеющие право оштрафовать или даже закрыть любой цех, завод, лабораторию за антисанитарию, вдруг утрачивают все свои высокие полномочия, когда гигиенические нормы открыто нарушаются в школе?

Отнюдь не случайно, что столь злободневным стал сейчас вопрос о перегрузке учащихся, о влиянии этой перегрузки на здоровье детей. Некоторые учителя считают, что никаких перегрузок нет, и при этом ссылаются на то, что в СССР из года в год снижается смертность и заболеваемость детей туберкулезом, коклюшем, полиомиелитом, дифтерией, корью. За последние полтора десятилетия средний рост учащихся разных возрастов увеличился в СССР на 5—12 сантиметров, средний вес — на 1,5—8 килограммов. Неужели все это не опровергает разговоров о перегрузках? На первый взгляд убедительно! Но известно, к сожалению, и другое: все еще на достаточно «солидном» уровне держится заболеваемость учащихся сезонными катарами верхних дыхательных путей, ангинами, тонзиллитом, ревматизмом. Еще немало детей с искривлениями позвоночника, нарушениями остроты зрения. Ученые выявили закономерность в заболеваемости детей — она повышается к 7—8 годам, когда малыши впервые начинают учиться, потом идет вниз и дает новые взлеты в 13—14 лет и в пору окончания школы. Помимо возрастного снижения сопротивляемости детского организма, тут, несомненно, сказываются многочисленные нарушения режима труда и отдыха школьников.

РАВНОПРАВИЕ НАВЫВОРОТ

— При жизни В. И. Ленина,— напоминает **профессор Сергей Михайлович Громбах,**— в коллегию Наркомпроса РСФСР с правом решающего голоса был включен представитель Наркомздрава. Ничего похожего нынче нет. Врачи выступают в органах народного образования больше в роли просителей или робких советчиков.

Но позвольте продолжить разговор о перегрузках учащихся. Может быть, мы, гигиенисты, и впрямь идем здесь против течения? Если бы так! Общеизвестно, что к концу недели и к концу четверти подавляющее большинство учащихся заметно устает. Количество механических ошибок в письменных работах к этому времени увеличивается на 10 процентов.

Свердловские врачи изучили сон и дневной отдых детей. Итог, прямо скажем, неутешительный: 91,5 процента учащихся 5—6-х классов спят меньше, чем нужно, и недостаточно бывают на свежем воздухе. Даже в первых классах ряда обследованных школ у 22 процентов ребятишек суточный дефицит сна достигает полутора-двух часов, и гуляют они в 2—3 раза меньше, чем рекомендуется. Может быть, по неразумению своему дети просто отлынивают от сна и отдыха? Нет, они вынуждены работать подчас сверх своих сил и вопреки всякой разумной необходимости.

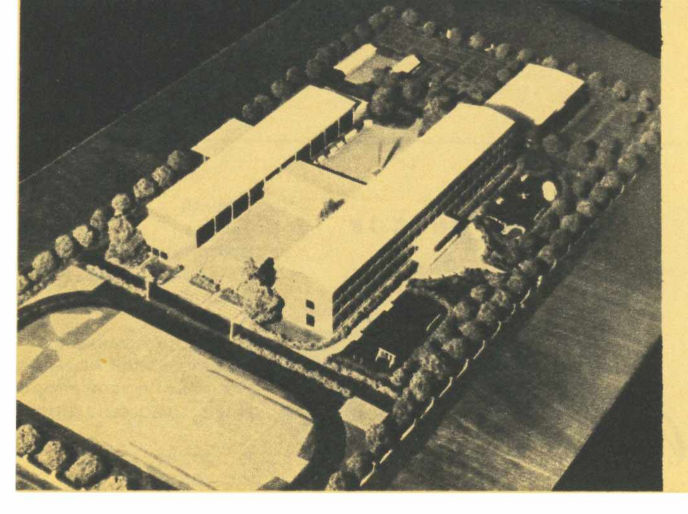
Ученые единодушны в том, что на занятия в классах и приготовление домашних заданий учащиеся должны затрачивать в среднем не более 6—8 часов в сутки. А у нас? Шесть уроков в день узаконены, а нередко бывает и семь!

В ряде городов гигиенисты обследовали режим дня детей. Выяснилось, что 91 процент семиклассников занят по 9—9,5 часа, а 85 процентов девятиклассников — по 11 часов в сутки. Что удивляться, если они подчас легко возбудимы, хуже спят, без охоты едят, жалуются на головную боль?

Голос с места.— Какие же предлагаются методы борьбы с перегрузкой учащихся?

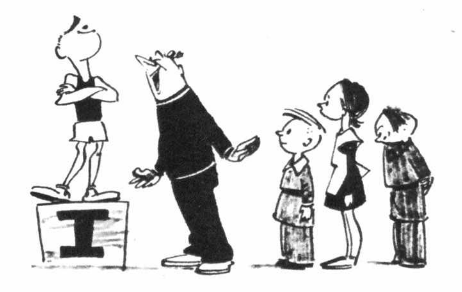
Проф. С. Громбах.— Известны резонные требования осовременить систему образования, шире использовать кино, телевидение, электронные обучающие машины. Но пока еще идут поиски, их результаты надо многократно проверить. Школа не место для поспешных экспериментов. Не составляет секрета, что в одном случае ребенок может провести в классе без особого утомления и шесть часов, а в другом он сильно устает после четырех уроков. Дело тут в уровне педагогического мастерства учителя и в гигиенически оправданном чередовании уроков: после математики, скажем, естествознание, потом физика, а за ней — литература, а не подряд, как это часто бывает, два урока математики и еще два физики. Обо всем этом надо постоянно думать. Жизнь уже сегодня подсказывает ряд простых, действенных рецептов. Передовые педагоги успешно проводят, например, уроки на свежем воздухе. В четвертых классах одной из ленинградских школ стали по четвергам, в виде опыта, проводить занятия только на воздухе. Такие уроки себя полностью оправдали: повысилась работоспособность учащихся, дети стали гораздо меньше простуживаться. Полнейшая бессмыслица—заставлять одинаково высиживать по 45 минут подряд 17-летних юношей и 7-летних карапузов. Директорам школ официально разрешено отменять это «равноправие» и вводить в первых классах 35-минутные уроки. Но желающих воспользоваться этим правом что-то не видно. А вот в отдельных школах Чехословакии перешли на новый график: первые три урока длятся там по 45 минут, а последующие даже в старших классах — по 35. Никак

НИЕ! НИКИ...

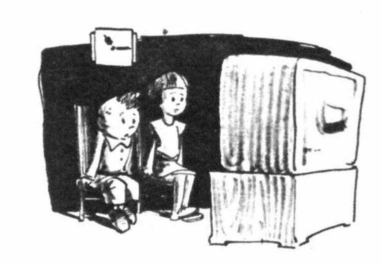


Типовой макет новой школы-десятилетки. Его преимущества — изоляция классов от актового и гимнастического залов и других шумных помещений. Блочная структура здания позволяет выделять самостоятельные секции для учащихся разного возраста и создавать в них дифференцированный учебно-воспитательный режим. Школы по таким проектам уже строятся в Москве, Ленинграде, Челябинске, на Украине, в Белоруссии.

ШКОЛЬНИК! * ГИГИЕНИЧЕСКИЕ НЕЛЕПОСТИ * «РЕЗВИТЕСЬ НА ЗДОРОВЬЕ!» * ВРАЧ И УЧИТЕЛЬ — ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ.







не поднимается рука у руководителей министерств просвещения и на то, чтобы категорически запретить другую гигиеническую (да и педагогическую!) нелепость — сдвоенные уроки, которые просто вредны!

Г. Н. Сердюковская.— Любой урок, чтение, письмо — не только умственная нагрузка, это еще вынужденная и весьма утомительная для детей неподвижность. Вот почему так важно правильно организовать перемены. Они должны длиться никак не менее десяти минут. Надо строго следить за тем, чтобы учащиеся без задержек, точно по звонку выходили из классов, лучше всего во двор, и резвились, двигались, давали естественную разрядку накопившейся энергии.

Проф. С. М. Громбах.—Я до предела возмущаюсь, когда вижу, как во время перемены чинно, парами, словно в институте благородных девиц, шествуют по школьному коридору девочки и стоят «столбиками» парнишки, проникшиеся ответственностью за соблюдение кем-то придуманного вздорного «порядка». Так и хочется на удивление школьному начальству крикнуть: «Дети, поменьше организованности! Резвитесь на здоровье!»

СЧЕТ—НА КУБКИ И ГРАМОТЫ

— Мне хочется продолжить мысль профессора Громбаха: у нас дети действительно мало двигаются,— просит слова кандидат медицинских наук **Александр Григорьевич Сухарев.**— Недавно мы провели анкету в Ижевске, оказывается, там только 35—40 процентов школьников делают утреннюю зарядку. Кого в этом винить? В любой школе вам покажут десятки слезных заявлений: «Освободите моего ребенка от уроков физкультуры: он слабенький». Но ведь такому-то особенно нужна физическая закалка! Врачи и учителя подчас излишне «милосердны»— направо и налево освобождают детей от уроков физкультуры, которые и без того крайне редки: всего два часа в неделю. Основное возражение против более частых занятий—«нехватка времени»— не выдерживает критики. В одной из таллинских школ по просьбе сотрудников местного Института гигиены ввели ежедневные уроки физкультуры. И что же? Повысилась не только работоспособность детей, но и отметки у них оказались выше, чем раньше.

О работе многих школьных учителей физкультуры судят часто по количеству кубков и грамот, завоеванных на спортивных соревнованиях. Ну, а раз так, то и преподаватели основное внимание начинают уделять парадным показателям. Дети, организм которых далеко еще не окреп, тренируются нередко с чрезмерно большой нагрузкой, рано специализируются в спорте и... наносят ущерб своему здоровью. Тут уж не до рекордов!

ГДЕ ВЫ, ШКОЛЬНЫЕ РАЦИОНАЛИЗАТОРЫ!

— Огромное влияние на здоровье детей и успех их обучения оказывает внешняя среда,— замечает **кандидат медицинских наук Евгения Ивановна Кореневская.**— Применяемая ныне в большинстве школ система отопления, освещения и вентиляции не отвечает высоким гигиеническим требованиям. Новые проекты, разработанные на современном научно-техническом уровне, очень медленно осваиваются нашей промышленностью и почти не используются в школах.

...Нам невольно вспомнилась при этих словах недавняя поездка в Ленинград, знакомство с школой-восьмилеткой № 91. Мы шли по коридору, и директор Михаил Алексеевич Валишин предупреждал нас: «Когда раздастся звонок, обратите внимание, как мы разрешили проблему проветривания. Может, это заинтересует вас». Нас это действительно заинтересовало.

Звонок прозвучал, и на всех этажах, во всех классах автоматически раскрылись фрамуги. А в коридорах они в тот же момент закрылись — учащиеся вышли на перемену. В школьных мастерских здесь изготовлены парты собственной конструкции: любую из них в течение минуты можно подогнать к росту мальчика или девочки. Не случайно в этой школе по пальцам пересчитаешь ребят с искривлением позвоночника...

— Много забот доставляют врачам шум, пыль, загрязненность воздуха в классах выхлопными газами автомашин,— продолжает Е. И. Кореневская.— Нам удалось наконец доказать, что прежний «санитарный разрыв» в 15 метров явно недостаточен, впредь школы будут строиться не ближе 25 метров от магистрали. Несколько увеличено расстояние и до индивидуальных гаражей. Эти «спутники» многих школ отравляют, как выяснилось, воздух еще больше, чем машины, заполонившие большие транспортные артерии. Усилиями врачей, депутатских групп местных Советов надо по возможности ликвидировать индивидуальные гаражи, находящиеся вблизи школ.

«ОТЛЕПИМ» ДЕТЕЙ ОТ ТЕЛЕВИЗОРОВ

— Позвольте мне адресовать родителям еще два-три совета,— вступает в беседу **кандидат медицинских наук Елена Константиновна Глушкова.**— С точки зрения современной гигиены отдых ребенка может считаться полноценным, если он проходит две фазы: восстановление утраченной работоспособности, а затем ее укрепление. Но для этого отдых должен быть достаточно продолжительным и строиться на принципе переключения: в школе учащийся главным образом сидел, а на досуге пусть он преимущественно двигается. К сожалению, это не все понимают. Во многих семьях, едва ребенок переступил порог, его заставляют сразу готовить уроки или заниматься музыкой, языком. А надо по-другому: пусть часа полтора-два погуляет и только после этого — за домашние задания!

Несколько слов о телевизоре. Опрос учащихся 4—5-х классов показал, что большинство из них смотрит телевизионные передачи от четырех до семи раз в неделю. Понятно, родителям спокойнее, когда дети «прилипли» к телевизору: они не шалят, не пристают с вопросами. Но сделаем простой арифметический подсчет: 6 часов—в школе, 2—3 часа—на приготовление уроков, 2 часа — у телевизора, 8—9 часов сна. Когда же школьникам гулять, играть, читать? Учащимся достаточно смотреть телевизионные передачи 2—3 раза в неделю, младшим — до часа, старшим — не более полутора часов подряд. Дети стремятся обычно усесться поближе к экрану, да еще в полной темноте. И то и другое вредно! Родители должны знать, что наиболее благоприятное расстояние до телевизора—2—5 метров. И надо слегка осветить комнату, чтобы уменьшить контраст между изображением на экране и окружающим темным фоном. Стоять телевизор должен на уровне глаз.

Голос с места.—Сегодня раздавалось много критических замечаний в адрес учителей. Неужели им не ясно все то, о чем здесь говорилось?

Проф. С. М. Громбах.—Нисколько не желая обидеть наших педагогов, должен сказать, что педвузы страны не дают своим питомцам даже минимума необходимых им знаний в области гигиены и физиологии школьника. На эту дисциплину отводится крайне ограниченное время. Нам пока не удается доказать руководителям министерств просвещения и Министерства высшего и среднего специального образования СССР всю нелепость такого положения. Хотелось бы, чтобы и в этом нас поддержала широкая общественность!

Г. Н. Сердюковская.— Следует подчеркнуть в заключение, что мы, врачи, находимся с педагогами на одной стороне «баррикады», преследуем одну с ними цель. Если разобраться поглубже, то легко увидеть, что гигиенические проблемы, которых мы сегодня частично коснулись, тесно смыкаются с проблемами чисто педагогическими. Укрепление здоровья детей — одно из непременных условий повышения уровня их знаний, успешной подготовки к вступлению в большую самостоятельную жизнь.

Член правления клуба здоровья
А. Черняховский

Владимир ФИРСОВ





Будили
Ребята,
Что пришли с войны.
Их вдовы слушали.
Рыдали...
А мы,
Сиротские сыны,
Разглядывали их медали
И с той и с этой стороны.
Плыл самогон запретный в кружках,
И озорно,
До хрипоты
Летели над селом
Частушки
Послевоенной правоты.
Береза слушала.
Молчала.
А что она сказать могла?
Все понимала, примечала,
Да бессловесною была.



* * *

Улетаю, уплываю,
Плащ закинув за плечо.
Ни о чем не забываю
И не помню ни о чем.
Просто я хочу забыться,
От забот передохнуть,
Стать на время вольной птицей,
В речку чистую нырнуть.
Просто я хочу немного
Отойти от суеты,
Стать тропинкою, дорогой,
Лугом, где шумят цветы.
Тишиною после грома...
Как мне хочется побыть
Деревенским чистым домом,
Где умеют жизнь любить,
Где работа как работа,
Где забота — не беда.
Мне сегодня жить охота
Так, как, может, никогда.
Ничего-то мне не надо,
Только полдень и покой,
И пасущееся стадо
Над спокойною рекой,
И дымок от самокрутки
Вместо дыма сигарет...
Ухожу туда, где шутки,
Где подшучиванья нет,
Где уходят, с ветром споря,
Темных елей паруса
В запрокинутое море,
В голубые небеса.



* * *

Время спать.
Но я опять не сплю...
Свет луны за окнами струится.
Не лунатик я
И не люблю
Этот свет с глазами мертвой птицы.
Выхожу из дома
И бреду
В снежное, полночное, лесное.
Ах, луна!
Ты снова надо мною
Заслоняешь дальнюю звезду.
Звездочка, малышка!
Не печалясь,
Подожди немного,
И луна
Поплывет, как парусник, качаясь,
И опять ты будешь мне видна.
Снова будешь весело лучиться
И гореть в космической дали́.
Знаю,
Было нелегко пробиться,
Дотянуться светом до земли.
Мне вот тоже было трудно:
Голод
В раннем детстве,
В юности нужда.
Я с тобой в сравненье
Очень молод,
Только знаю:
Это не беда.
Не беда,
Что многим не потрафил,
Что воюю,
Как и воевал,
Лишь бы звездных трудных биографий
Мертвый свет луны не затмевал!



БЕРЕЗА

Зимою
Семена роняла.
Жила столетье — горя мало.
Тянулась к солнцу за теплом.
Ни разу места не меняла,
Как родилась —
Так и стояла,
Раскинув ветви над селом.
Роняла по весне капели —
Я слышал их издалека.
Над нею
Жаворонки пели,
Над нею
Журавли скрипели
И проплывали облака.
Под ней
Была моя Россия,
Земля военных рубежей.
Под нею
Вдовы голосили,
Целуя стеганки мужей.
Под ней
Судили и рядили.
И балалайкой в три струны
Тоску несносную

* * *

Для нас
Давным-давно привычны
И безупречные часы,
И огонек, сокрытый в спичке,
И снег,
И серебро росы,
И синь озер в лесных оправах,
И новый свет в таежной мгле,
И правда Ленина,
И слава
Людей, живущих на земле...
Сквозь все утраты и потери
Мы веру в разум берегли.
И вот, согласно нашей вере,
Стартуют в космос корабли.
Эпоха, стало быть, такая,
Что в городе или в селе
К полетам в космос привыкают,
Привыкнув к чуду
На земле.
И услыхав о приземленье,
Толкует город и село:
— Ну что ж,
Обычное явленье,
Иначе быть и не могло.

* * *

Мне печалиться некогда.
Не во сне,
Наяву
Появляются недруги —
Значит, верно живу.
Мне печалиться некогда.
В гуле нынешних дней
Что́ недуги и недруги
Против правды моей?
Мне печалиться некогда.
Часто я узнаю:
Возмущаются недруги.
Значит, верно пою.
Мне печалиться некогда.
Жизнь не замкнутый круг.
С появлением недруга
Появляется
Друг.
Мне печалиться некогда.
Только думаю я:
Не исчезли бы недруги —
Не уйдут и друзья.
Да, печалиться некогда.
До скончания дней
Мне приветствовать
Недругов
В ожиданье
Друзей!

Елена СЕРЕБРОВСКАЯ

Белые ночи

Черные ночи юга и утомительные солнечные арктические сутки, забывшие дать передышку людям. Резкие контрасты: черным-черно или светлым-светло...

Но есть и другое: пленительное время встречи и расставания весны и лета, когда к вечеру все вокруг полно нежнейших переходов от света к полутьме и снова к свету, тончайших оттенков и нюансов, когда гранит становится почти бесплотным, каменные дома приобретают на какой-то миг невесомость и чайки опускаются на гряду стоящих вдоль набережной домов беспечно, словно на прибрежные скалы.

Белые ночи... Миру всему знакомый силуэт золоченого шпиля над Петропавловской крепостью — он тускло светится на зеленоватом спокойном небе. Их только так называют, «белые ночи», на самом деле они многоцветны: голубоватые, сиреневые, резедово-зеленые, робко-розовые. В них, разумеется, кроется сказка, разгадкой которой люди заняты не первый десяток веков. Не все, конечно, чаще всего — молодые люди...

Сейчас юноши и девушки ходят по своему спящему городу неторопливой мечтательной походкой. Город отдыхает. Это его первые белые ночи с Золотою Звездой на гранитной груди.

Вот длинный фасад: за широкими окнами, где у потолка видны белые полосы трубок дневного света, тихо постукивают машины: в этих цехах работают в ночную смену. Хмельным ржаным ароматом веет возле хлебозавода — скоро из его ворот выедут грузовики с первыми горячими круглыми караваями хлеба.

На улицах, почти призрачных от необычного света, появляются вереницы неторопливых машин: одни, как жуки, медленно проползают, словно подгребая сзади крыльями под себя дорожную пыль и мусор. Другие внезапно выставляют широкое прозрачное крыло из тонких струек воды: они моют город, чтобы утром он умытым, свежим встретил идущих на работу людей.

Не спят дежурные в аварийных службах Ленгаза. В свободные минуты перебрасываются шутками врачи «Скорой помощи»: при их работе без шутки не проживешь. Машины с зеленым огоньком, что были нарасхват до часу ночи, теперь собираются стайками на стоянках. Найдутся пассажиры и ночью: кому на аэродром, кто встречает родных на вокзале. А эти двое в сквере на Пушкинской площади словно бы очнулись, вспомнили, что завтра экзамен:

— Такси, вы свободны?

Белые ночи... И сегодня мы зачарованно и преданно вслушиваемся в певучие пушкинские строки, обращенные к нашему городу:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла.



Белая ночь...

Фото Н. Ананьева и Л. Бородулина.



Водяная феерия Петродворца.



На Кировском мосту.

После выпускного бала.

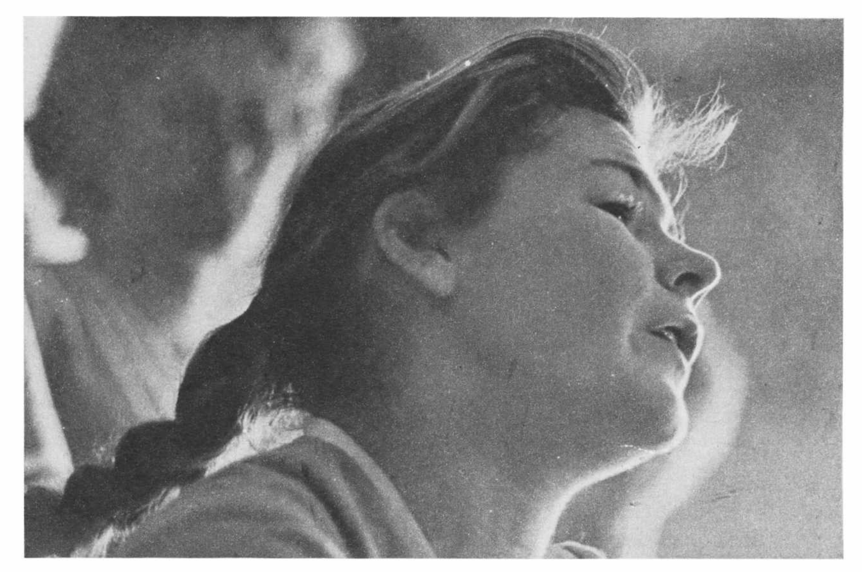


Разведены мосты.



Ю. СЕЛЕНСКИЙ

На родине Мальвы



А Саша Мурыгина все пела — звала ли, плакала ли... Фото Б. Кузьмина.

Все начиналось как обычно: празднично сверкал навощенный паркет в фойе, в нем отражались матовые плафоны, настраивали инструменты музыканты. Как перед каждым концертом, слышался говор и смех из-за кулис, оживленно болтала публика в зале, и затаенные тени застыли в складках большого занавеса, пока не вспыхнули огни рампы.

А когда ведущий объявил первый номер, стало как-то буднично от привычной концертной обстановки, даже мелькнула мысль: «Э, да кого теперь этим удивишь? Ну, платья на всех голубой шерсти, ну, придумал художник бросить на них по золотой рыбке, несомненно, хороша певица, та, что третья в первом ряду, а так — концерт как концерт».

И пока еще не разглядел я, что не грим, а мороз и ветер подрумянили ту красивую, что стояла третьей в первом ряду, пока еще не кольнула совесть за равнодушие, в зале свершилось чудо.

...Будто стих на минуту шалый ветер и откуда-то издалека, словно издревле, донесся высокий девичий голос. Ах, как метался он в этом большом зале, как рвался он на простор, какой тоской властно околдовывал всех! А она, малого росточка девушка, ловецкая внучка и дочь Саша Мурыгина, все пела — звала ли, плакала ли:

Ходила-то я по крутому
бережку,
а потеряла-то я три
потерюшки...

Подружка переплетала Саше тугую косу, а она рассказывала: как потеряла красу девичью, косу русую и коренную подруженьку. И, слушая, как нарочито произносила певица не голубой, а «гылубой» — так говаривали здесь в старину,— пришла мне на память история этого старинного каспийского села Тишкова.

Не белым — черным снегом засыпа́ло по весне дворы: вокруг горел камыш, и черный пепел кружился над избами; не медведем-кабаном пугали здесь малых детей, чтобы не забегали далеко; не от сохи — от весла роговели мозоли на ловецких ладонях.

В этот край не приезжали — сюда бежали. Бежали пензенские, тамбовские, симбирские мужики и диву давались: как под дурной травой пропадали плодородные земли, как «стеной» шла в путины рыба, и всем мерещился «рупь величиной с точило». Не с тех ли пор присловье осталось: «Дед мой сюда за рублем на точиле приплыл».

В рванье и опорках бежали к морю и крепостные, и черносошные, и государственные крестьяне, и всех подгоняла мысль о богатствах края. А прибежав, шли в артели бурлацкие, на ватаги и промыслы или, накинув на спину баланку, становились амбалами — грузчиками.

На морском острове лицом к морю строилось село Тишково. Среди воды и камыша навечно приживались прадеды, и благо, что хоть бугор рядом был, а то и для погоста места не нашлось бы. Жили бедно. Судите сами: к концу прошлого столетия насчитывалось в Тишкове восемьсот дворов, а все село на двух хозяев работало — на Гордеевском да на Гречухинском промыслах. И уж коль не поют веселых рыбацких песен тех времен, не вините в этом солистку колхозного хора: прадеды ей их не оставили.

Устало опустив плечи, скрестив на коленях руки, все поет Саша Мурыгина свою «Девичью прощальную». И, оглянувшись в зал, я вижу, как задумались старики и как хихикают в последних рядах парни: «Чего, мол, это Санька затянула панихидную?» И подумалось: «Эх, ребята! Дурачки вы мои хорошие, это же не она, Санька Мурыгина, плачет, это бабки ваши так «веселились»!» Кто знает, о чем еще вспоминали члены жюри на концерте Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности, когда слушали Александру Мурыгину... За красивую косу диплом первой степени не пожалуют.

А вот весь хор грянул так, что занавес колыхнуло:

И из нашего Тишкова
на любые рубежи
выйдет Валя Терешкова —
только партия скажи!

И разлетелась вдребезги грусть!..

Странно, но вдруг показалось, что вроде бы всегда так и было, что в селе, расположенном на острове, доярки с фермы на ферму по телефону переговаривались и бабки в редакцию жалобы писали: «Почему в телевизор Москву не показывают»,— и будто бы всегда Мурыгиным такая честь была, что их именем улицы называли. А такая улица есть, и названа она по имени двоюродного брата Саши, Героя Советского Союза Павла Мурыгина, погибшего при форсировании Днепра.

Сегодня в Тишкове никого ничем не удивишь: и свой колхозный аэропорт, и заочники высших учебных заведений, которые на сессию ездят в Москву, Саратов и Волгоград, и рыбаки, удостоенные высших орденов, но вот песни тишковских девчат впервые в Москву прилетают. Есть среди них и такие, история которых, право же, необычна.

Жил в селе ловец Федор Ефремович Донсков. Любил человек свой край, свою работу рисковую, любил и понимал природу. Как-то сочинил он не ахти какие мудреные, но точные по наблюдению слова: «Даже чайки не летают, нет ни паруса кругом»,— а потом пробовал напеть их на свой лад, наметилась мелодия. Но грянул тогда ураган. Не тот, который мачты ломает и паруса в клочья рвет... В боях под Севастополем погиб Федор Донсков, а песня не сгинула, не пропала, песня его и теперь жива. Музыку к ней написал художественный руководитель Николай Николаевич Сафонцев.

В самодеятельности нужно организующее начало, нужны энтузиасты, такими здесь стали отец и сын Сафонцевы. Директор клуба Николай Георгиевич Сафонцев с детства привил своим сыновьям любовь к музыке, искусству. И теперь Юрий — преподаватель Астраханского музыкального училища, Георгий заведует клубом в селе Промысловка, а Николай стал художественным руководителем и остался с отцом в Тишкове. Кстати, на смотре все братья собрались вместе и были представлены как семейный ансамбль баянистов.

Над Каспием дуют сырые ветры, и первым их встретило ближайшее к морю село Тишково. Время путинное, и с председателем колхоза «Астраханец» Владимиром Алексеевичем Перфильевым мы говорили не столько о песнях, сколько о делах. При подсчете выяснилось, что досрочное выполнение колхозом семилетнего задания дало государству около трехсот тысяч центнеров рыбы. Ежели в общий котел на каждого едока по килограммовому судачку бросить, и то на семейство в тридцать миллионов душ уха получается. А чтобы такую уху сварить, поработать требуется.

Пока висят в ожидании концерта платья из голубой шерсти с золотой рыбкой на груди, солистки заняты делами. Аня Чернова трактором управляет, сестренки Люба и Тося Рябовы на молочнотоварной ферме, Лена Рыбина телят выхаживает, Катя Каленова помидорную рассаду готовит, а Валя Муковникова пока еще в школу на занятия спешит. Вот ведь беда: хор-то каспийских рыбачек называется, а на лову нынче женщин почти не встретишь.

— Бережем девчат,— говорит председатель колхоза,— не женское это дело — промысел, у нас с ним и мужики больно хорошо управляются.

...Так вот живет село старинное, ловецкое. Как здесь не вспомнить горьковский рассказ. Помните? Это ведь где-то здесь Алексей Максимович свою «Мальву» написал, на Каспии. Давно дело было. Много с тех пор воды утекло, не те рыбачки стали, а вот характер у тишковских девчат такой же, как у Мальвы, остался — озорной и гордый.



НАПУТСТВИЕ СТАСОВА

Коллеж Шапталь. Париж. 1876. Публикуется впервые.

Предлагаемые вниманию читателей рисунки И. Е. Репина и письмо В. В. Стасова обнаружены в архиве внучки выдающегося критика — С. В. Медведевой-Петросянц после ее смерти, последовавшей в ночь на 5 ноября 1964 года.

Детство и юность С. В. Медведевой, первая половина ее жизненного пути освещены встречами с деятелями русской культуры и искусства из стасовских знакомых — Репиным, Л. Толстым, Антокольским, Глазуновым, Горьким. Зрелые годы, вторая половина ее жизни — сближение с революционной средой, с деятелями молодого Советского государства, Коммунистической партии — В. И. Лениным, Н. К. Крупской, Е. Д. Стасовой, Л. Б. Красиным, А. С. Енукидзе, Кларой Цеткин, А. В. Луначарским. Большую роль в жизни С. В. Медведевой сыграли встреча и брак с известным революционером С. А. Камо-Петросянцем.

Немалое место в архиве Софьи Васильевны занимают интересные воспоминания о людях, с которыми ей выпало счастье встречаться. В этих материалах и документах нашли свое отражение живые связи, объединившие разные эпохи в истории русской культуры.

Три рисунка, каждый размером 10 × 14 сантиметров, выполнены Репиным в 1876 году, о чем свидетельствуют подписи, сделанные на обороте рисунков карандашом рукою Стасова.

Какова же история этих рисунков?

Из письма Репина Стасову от 22 января 1876 года мы узнаем, что Стасов просил Репина, который жил в то время в Париже, прислать ему фотографии с новейших парижских зданий. Но фотографий этих зданий (Collège Chaptal и синагога) еще не было. И художник, чтобы выполнить просьбу друга (фотографии были нужны для статьи о столицах Европы и их архитектуре), сам сделал рисунки. Он послал их в Петербург, хотя и высказывал опасения, что «такие наброски могут Вас (то есть Стасова) только охладить к этим чудесным вещам... Рисовать, как следует, просто невозможно при этом пронизывающем насквозь холоде... в таком микроскопическом виде...»

Сказанное относится к двум рисункам «Коллеж Шапталь». По поводу третьего рисунка, «Синагога», Репин писал в следующем письме: «...не взыщите; так трудно рисовать в этой узенькой улице... деталей никаких, вышел только самый общий эффект».

Почему же рисунки оказались у С. В. Медведевой? Наклеенные на картон, они, вероятно, висели на стене в комнате В. В. Стасова. Повидимому, он подарил их своей дочери Софье Владимировне Фортунато, матери Софьи Васильевны Медведевой, и они украшали ее квартиру в Ялте. Оттого ли, что рисунки стали от времени выцветать, либо просто при переезде С. В. Фортунато в Москву картон со стены сняли и бережно уложили в специальную папку... Трудно сейчас установить, сколько десятилетий пролежал забытый картон, а с ним вместе и рисунки Репина. С. В. Медведева-Петросянц никому о них не рассказывала.

Впервые публикуемое письмо В. В. Стасова от 14 сентября 1905 года написано им примерно за год до смерти. Оно адресовано внучке, Софье Васильевне Медведевой, в Цюрих. 4 марта 1901 года студентка женского медицинского института Софья Медведева, участница демонстрации на площади у Казанского собора, была арестована и выслана из Петербурга. Лишенная права учиться в России, она уехала в Цюрих.

В 1906 году С. В. Медведева защитила диссертацию и вернулась в Россию.

Публикация и комментарии А. СКОБЛИОНОК.

РАССКАЗ О НЕОБЫКНОВЕННОЙ КОЛЛЕКЦИИ

В. СЕДОВ

ЧЕМ ХВОРАЛА «БАБА-ЯГА»?

Профессор Д. Г. Рохлин: Вот она, причина уродства.

«Бага-яга — костяная нога» — герой сказок, пугало детишек, злюка из дремучего леса, с которой лучше не встречаться.

Ее биография основательно отработана фольклористами, но все же не до конца. «Анкетные данные» старухи со скрюченными пальцами и странной ногой нуждаются в дополнении. Действительно, кто объяснит, что такое костяная нога?

Если с этими вопросами обратиться по надлежащему адресу, то окажется, что образ яги совсем не плод фантазии, а отображение реальной действительности. Люди с такими уродствами существовали, они и сейчас изредка встречаются. У них тяжелое заболевание костей, изучением которого занимается наука с громоздким названием — рентгенопалеопатология.

Кафедра рентгенологии Первого ленинградского медицинского института. Три с половиной десятка лет руководит ею профессор Дмитрий Герасимович Рохлин. Он и его сотрудники собрали коллекцию костей, ставшую энциклопедией костных заболеваний.

Беседа началась несколько неожиданно—с рассказа о новгородском посаднике XIII века Семене Борисовиче.

Изучение его скелета, обнаруженного археологами при раскопках Новгородского Кремля, дало интересные результаты не только для медиков, но и для историков.

Летописец не врач, ему было неведомо, чем болел посадник. Но то, что у него был необычайно злобный характер,— это он отметил. Исследование костей Семена Борисовича, сделанное Д. Г. Рохлиным, связало их особенности с психологическим портретом посадника. Он и в самом деле должен был быть злобным, новгородцы его ненавидели и в конце концов расправились с ним самосудом.

На костях, как в своеобразной медико-антропологической анкете, оказались записанными недуги, которыми он к шестидесятилетнему возрасту страдал. На позвоночнике имелось отчетливо выраженное сращение всех шейных позвонков. Были обнаружены и значительные изменения в суставах конечностей.

— У Семена Борисовича,— говорит профессор Рохлин,— было редчайшее, особенно для мужчин, хроническое заболевание: патологические срастания шейных позвонков, суставов рук и ног.

Эндокринные расстройства — спутник такого тяжелого заболевания. Они ведут к появлению признаков преждевременной старости — морщин на лице, узлов на пальцах, напоминающих крючки. Такие люди мрачны, они чаще всего избегают общества других людей. Как и все подобные больные, посадник, видимо, легко раздражался, ожесточался.

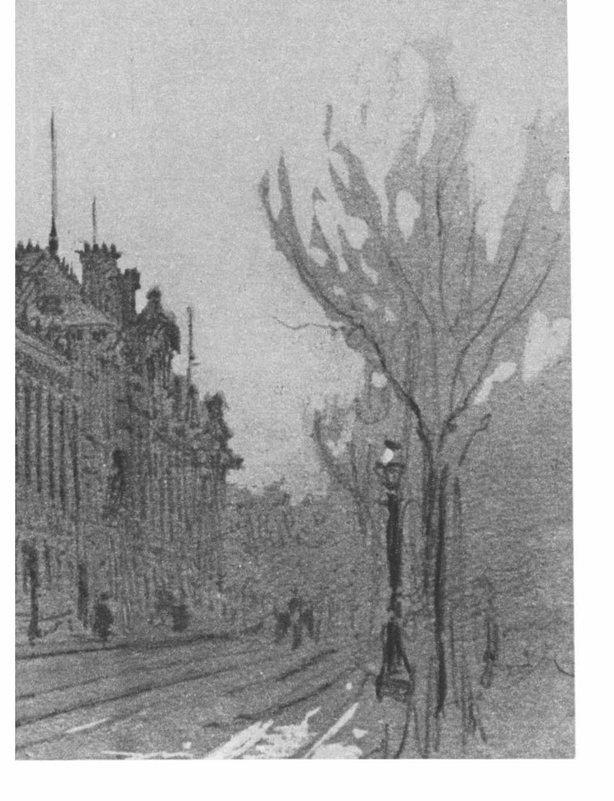
— Мужчины, — напоминает профессор,— в редчайших случаях заболевают этой болезнью.

БОЛЕЗНЬ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Историки не раз обращались к помощи Д. Г. Рохлина, чтобы уточнить сведения из летописей, устранить какие-либо сомнения. Особенно любопытно исследование костей Ярослава Мудрого, извлеченных из саркофага Софийского собора в Киеве. Этот саркофаг за долгие годы после смерти Ярослава не раз вскрывался, не раз перетаскивался с места на место. Нужно было прежде всего установить, действительно ли в нем похоронен киевский властитель. Ставилась и еще одна задача: выяснить, чем он болел и в каком возрасте умер. И нельзя ли, интересовались историки, по состоянию скелета получить какие-либо объективные данные, характеризующие физический облик князя?

Дело было нелегкое.

Прежде всего удалось отбросить все сомнения о принадлеж-



СПБ, среда 14 сентября 1905

...Какая жалость, какая беда, Софьюшка, Софья Младшая! Этот мой листик, кажется, ни за что не придет к тебе в субботу, 17-го! Жаль, а нечего делать. Никак не мог поспеть написать тебе раньше. А что я тебе скажу: у меня был даже особый, прекраснейший план в голове, именно к твоему 17-ому. Я тебе хотел послать, к этому дню очень недурной подарочек, такой, который должен был тебя поинтересовать...

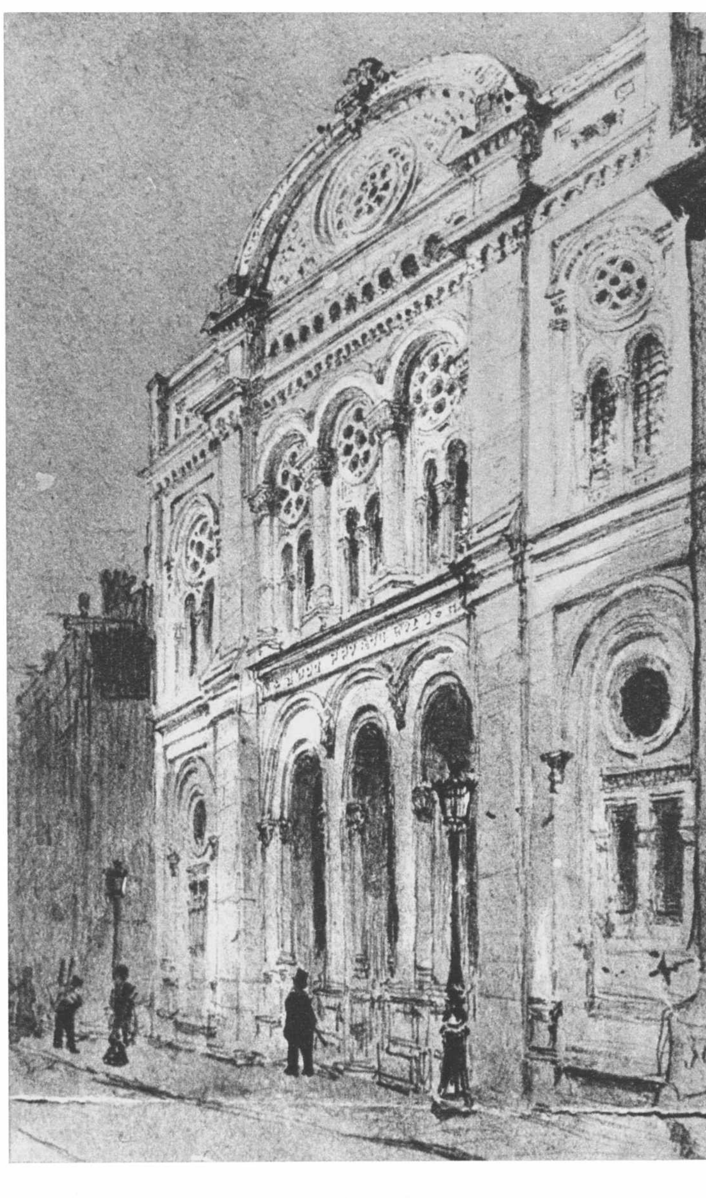
...Это 1-й томик моих новых «Сочинений». Ты, конечно, видела и слыхала, что есть на свете «Собрание сочинений В (ладимира) В (асильевича) С(тасова)», выпущенное в печать в 1886 г., в трех большущих томах. Но теперь нашлись какие-то благодетели рода человеческого, которые выдумали продолжать это издание, начиная с 1886 года, и довести его до настоящего времени, и посвятить на это дело 4 или 5 новых томов. Что ж ты думаешь? Я-то все не доверял, все думал, что не состоится, сто причин помешают, затормозят — не тут-то было! Напротив, все вышло как не надо лучше, без малейших помех и остановок, и наш 1-й том почти готов...

...То, что у меня писано в моей книге, не копия, не повторение, не перевод, не извлечение, не экстракты. Напротив, там все мое, собственно мое, виденное, обсуженное, решенное и изложенное самим мною, без всякой какой бы то ни было посторонней помощи... Что я тут говорю, того не найдешь ни в каких других книгах. Хорошо ли, худо ли то, что я говорю в этой книге, верно или фальшиво — только это все я (кроме внешних фактов: чисел и заглавий), все остальное — один только твой дедушка на сцене. От этого-то мне и хочется, чтобы внучка прочла своего дедушку, когда ему было 81¾ года...

Давно слышу я, что через несколько месяцев кончается уже твое заграничное учение и что ты воротишься в Россию и свое семейство. Это прекрасно. Признаюсь тебе откровенно (теперь это уже можно, когда возвращение твое так близко), признаюсь откровенно, я всегда побаивался, что у тебя создадутся за границей, в Швейцарии или Германии, Франции или Англии, новые отношения, привязанности, которые остановят тебя навсегда за границей и не дадут тебе воротиться снова в Россию. Это всегда мне казалось маложелательным, не то что именно для тебя, но для кого бы то ни было. По крайней мере таков мой образ мыслей, которого, конечно, я не имею ни права, ни охоты навязывать кому бы то ни было. Но из долголетнего опыта и множества примеров, я давно уже убедился, что для интеллигентных, рассуждающих и чувствующих людей совершенно невозможно то, что возможно и вполне просто и легко людям неинтеллигентным: т. е. покидать свое отечество навеки, и менять соотечественников (особенно русских, стоящих так высоко в мире) на кого-бы и где-бы то ни было. Все мною виденные примеры доказывали мне всегда, что нельзя безнаказанно покидать навсегда Россию. Через несколько времени всегда следовало раскаяние, горькое сожаление и напрасные, запоздалые самогрызения, невзирая ни на какие успехи общественные, художественные, научные, а тем более — ограниченные и эгоистические семейные. Я видел, что даже великие люди (или по крайней мере замечательные люди), например, Герцен, Иванов, кн. Кропоткин, Гоголь, Тургенев и десятки других, никогда не были довольны (после некоторого времени) долго жить за границей, и жадно стремились назад в Россию, но всему своему и всем своим. Кому из них это не удавалось, завядали, страдали и мучились, долго, неизлечимо. Таким-то образом, я громадно радуюсь, что такая печальная участь тебя миновала, что ты скоро воротишься, будешь с нами и что я тебя увижу еще.

Вот что я много и много раз думал. Но туман пронесся, и сомнений у меня больше нет. Ну, и слава богу, и, авось, я скоро тебя обниму и поцелую и на тебя еще порадуюсь.

ДЕД.



Синагога. Париж. 1876. Публикуется впервые.

ности скелета Ярославу. С опозданием на 900 лет по особенностям костей был поставлен и диагноз его заболеваниям. Установили, когда и почему он стал хромать, в какой степени это отразилось на его внешнем облике и психологическом портрете.

Укорочение ноги явилось результатом неоднократного инфекционного воспалительного заболевания левого уха, перенесенного в детстве, что вызвало затем воспаление сустава ноги; об этом говорили особенности структуры костей в височной части черепа. Резкая хромота и последующая инвалидность, о чем писали летописцы, были последствием патологического процесса в правом коленном суставе уже в зрелом возрасте. После происшедшего перелома сустав перестал разгибаться. Ярослав выбыл «из строя»: ему стало не по силам участвовать в сражениях ни пешим, ни на коне.

Наконец были исправлены ошибки в летописях относительно возраста Ярослава. Он прожил не 76 лет, как писали летописцы, а несколько меньше. Эти два-три года, однако, имели значение для историков. Установление новой даты рождения Ярослава подтверждало предположение историка Соловьева о том, что Ярослав был младше своего брата Святополка, а не наоборот, как выходило по летописям.

Принеся свои плоды для истории, экспертиза в то же время была полезной для рентгенопалеопатологов. Она позволила им еще раз проверить разработанную ими методику.

ЭКСПЕРТИЗА УБИЙСТВА СПУСТЯ ПОЧТИ 8 СТОЛЕТИЙ

...Преступление свершилось в ночь на 29 июня 1174 года вблизи стольного града Владимира-на-Клязьме в замке Боголюбово. Был убит глава великого княжества, сын Юрия Долгорукого, князь Андрей по прозвищу Боголюбский.

Летописцы знали поименно 20 бояр, которые расправились с князем. Знали они и причину убийства: Андрей казнил возражавшего его боярина Кучковича, готовился казнить и других неугодных.

Но что скажет медицинская экспертиза?

...Скелет Андрея Боголюбского говорит о многом. Несколько выше среднего роста (около 170 см), князь Андрей, несомненно, выглядел моложе своего возраста. То был вовсе не дряхлый человек, как его изобразил один летописец. Он был полон энергии и силы.

...Несколько убегающий назад лоб мог создавать впечатление свирепости. Он почти не сгибал шею, а предпочитал поворачиваться всем корпусом. Не создавало ли это впечатление надменности? А если она действительно была, не делало ли это ее более рельефной, усиливая ненависть бояр к Боголюбскому?

У этого «пациента», пришедшего из глубины веков, говорится в экспертном заключении, несомненно, наблюдались отчетливые признаки усиленной работы щитовидной железы. Своеобразие его «эндокринной формулы», отразившейся на костях, позволяет прийти к выводу, что его реакции могли напоминать те, которые бывают при базедовой болезни. Легкая возбудимость и живая фантазия сочетались с быстрой раздражительностью по любому поводу. Именно такими чертами наделены некоторые сегодняшние пациенты клиники института, у которых на костях под лучами Рентгена обнаруживается то же, что и на костях убитого в 1174 году Андрея Боголюбского.

Несомненно, интересны выводы экспертизы о следах ран на костях князя.

Только один удар нанесен спереди: то была, следовательно, расправа с человеком, застигнутым врасплох. Прямой удар причинил, по-видимому, легкое ранение. Боголюбский оправился от неожиданности. Все раны, кроме первой, были нанесены сбоку и сзади или по лежачему. Решающий удар принадлежал профессионалу-рубаке. Он с большой силой рассек ткани кости плеча и лопатки. Сильное кровотечение должно было сделать Боголюбского небоеспособным. Удары копьями, топором и мечами (для судебно-медицинского эксперта часто различим род оружия) доконали поверженного князя.

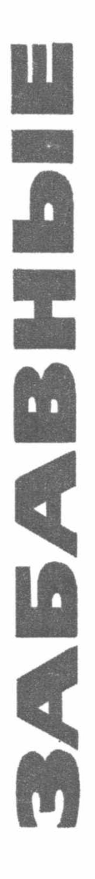
ИСТОРИЯ И ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

Участие в изучении исторических эпизодов — только незначительная часть повседневной деятельности кафедры. Заглядывая «в глубины индивидуальных жизней», палеопатологи обобщают эти данные, сопоставляя их с материалами, полученными из современной клиники. Продолжительность жизни в прошлом, темпы старения костей и суставов, частота их заболеваний, знание этого и многого другого — разве это не мост в настоящее и будущее медицины?

То, чего не донесли до нас летописи, читается по экспонатам необыкновенного музея. Опровергнута легенда о «золотом веке» человечества в прошлом. Чем глубже проникала палеопатология в далекие времена, тем очевидней становилось, что жизнь человека была все короче и короче. Людей окружало множество врагов, опасности и болезни.

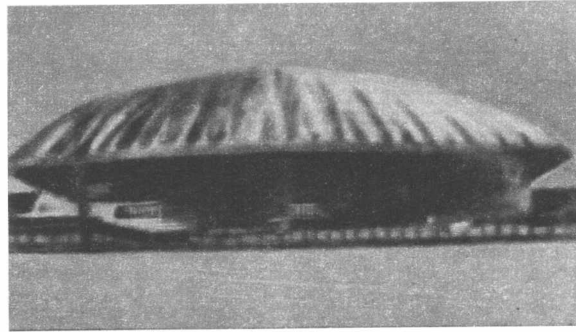
Немые свидетели этого тяжелого прошлого запечатлены на костях старинных погребений и древних стоянок. Туберкулез, один из самых древнейших спутников человека, особенно бил по детям; едва ли не в трети раскопанных погребений — детские скелеты! Смертельный в давние времена сифилис, гибельно отражавшийся на потомстве, совсем, оказывается, не импортирован в Европу из завоеванной Америки; эта болезнь поставила свою печать на тысячелетней давности костях людей, живших в Европе и Азии. Костные заболевания тоже стары, как мир. Следы рака на костях, изучаемых в музее, не редкость. В частности, метастазы рака были обнаружены на черепе известного путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая, умершего в сорокалетнем возрасте (в 1888 году) от «неизвестной болезни».

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

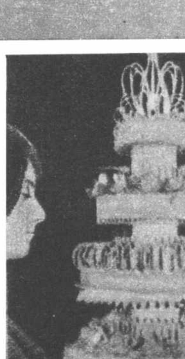


ЗДАНИЕ-ГРИБ

В штате Иллинойс (США) недавно закончено строительство большого университетского здания, крыша которого имеет форму шляпки гриба.







ПРИЗЕР ВЫСТАВКИ

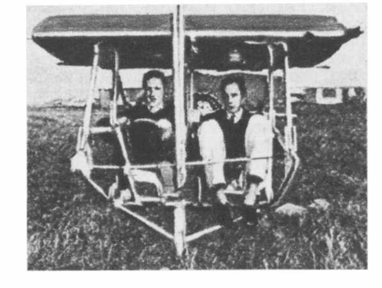
Этот торт получил первый приз на международной выставке кондитерского искусства, состоявшейся в Вене.

ДОМАШНИЕ ТУФЛИ И ЛЬВЫ

По инициативе директора Цюрихского зоопарка доктора Хенцигера в городе, в одном помещении, выставлены предметы, которые иные посетители бросают в клетки животных. На выставке можно увидеть пудреницы, авторучки, книги, серьги, карандаши, лампочки, домашние туфли — всего 527 разных предметов!..

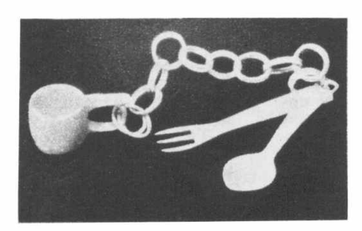
ПОЕДИНОК С ЯСТРЕБОМ

Это случилось в селе Ульяник, в окрестностях югославского города Беловара. Гусыня со своим выводком паслась в саду. Неожиданно с высоты на птенцов камнем упал ястреб. Мать не растерялась, с шипением бросилась на хищника, схватила его за горло и начала бить крыльями. К ней на помощь поспешил находившийся поблизости гусак. После короткой борьбы гуси убили ястреба.



ПЕДАЛЬНЫЙ САМОЛЕТ

Двухместный самолет «Саузенд» — один из самых необычных летательных аппаратов, какие когда-либо знала история авиации. В собранном виде машина весит семьдесят с половиной килограммов. Тянущий винт приводится во вращение при помощи педального устройства.



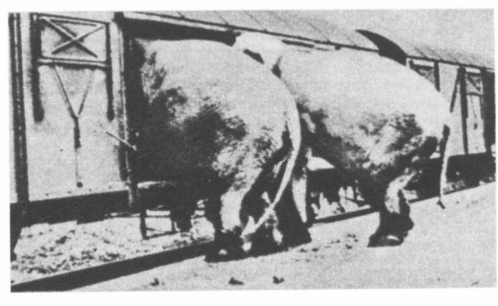
ИЗ ОДНОГО КУСКА ДЕРЕВА

Чашка, цепочка, вилка и ложка сделаны из цельного куска самшитового дерева. Автор уникального изделия — чабан Х. Т. Шишманян из колхоза имени Спандаряна, Абхазской АССР.

Г. ДОВАДЖЯН

ПОПРОБУЙ ТУТ УЕХАТЬ

Видимо, эти пассажиры не очень будут довольны путешествием в поезде. Даже в дверь вагона пролезть нелегко.

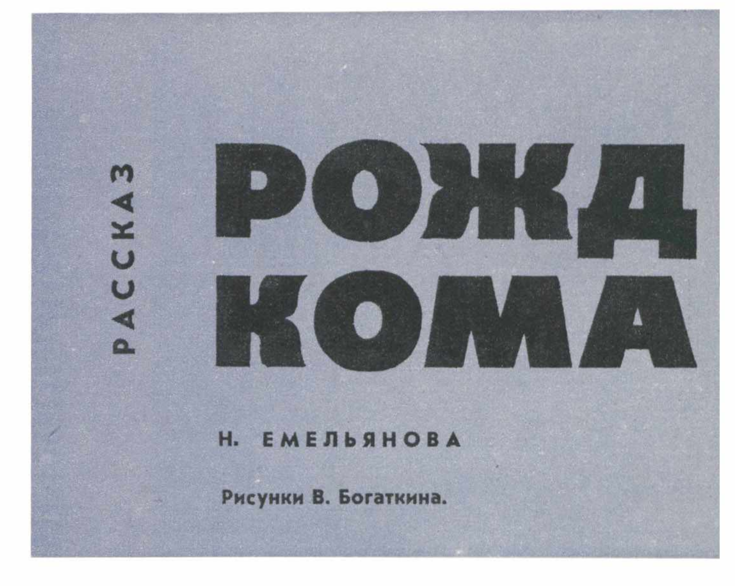


ДЕБЮТ В ОПЕРЕТТЕ

Английская пресса утверждает, что эта собака из породы «спаниель» обнаружила большой сценический талант. Она выступает в лондонской оперетте, играя роль любимой собаки писательницы.







1

Ранним утром третьего июля 44-го года две машины из батареи капитана Потапова двигались по дороге на Несвиж. Накануне эта первая истребительно-противотанковая артиллерийская батарея выступила из города Копыль вместе с N-ским кавалерийским полком, которому была придана, но из-за аварии автомашин отстала от колонны главных сил недалеко от Траянова. Исправив повреждения и не дожидаясь последней машины, батарея — теперь в составе двух пушек — продолжала двигаться по заданному маршруту, догоняя свой кавалерийский полк.

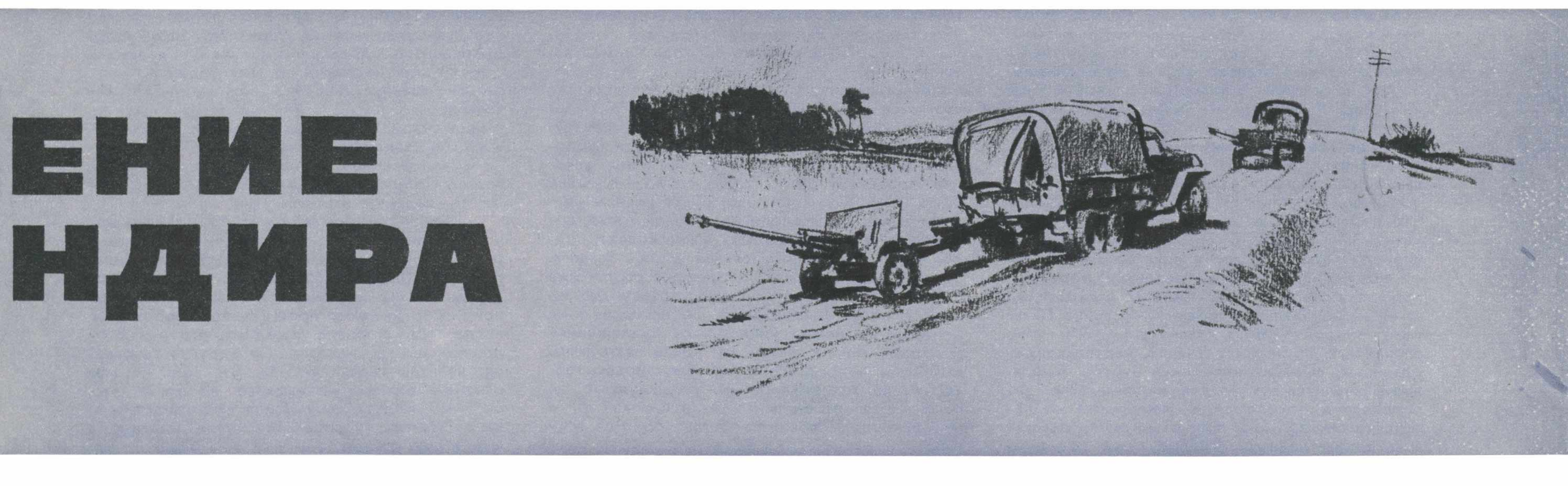
Потапов сидел в кабине первой машины, и командир огневого взвода лейтенант Лещенко, ехавший со своим расчетом и пушкой метрах в двухстах вслед за командиром батареи, видел не раз, как Потапов, приоткрыв на ходу дверцу, становился на подножку и подолгу вглядывался вперед и в стороны. Один раз на повороте, когда машины сблизились, Потапов оглянулся, встретился глазами с лейтенантом и крикнул: «Что-то конницы нашей не видно!» Потом обвел рукой широкий полукруг по холмам, где веерами развертывались полосы хлебов. «Пестрота!» «Да-да»,— закивал Лещенко.

Лещенко чувствовал себя сегодня свободнее и легче, как будто летел он над этой милой, простой землей, отсчитывая километры, освобожденные от врага.

Перед рейдом он все боялся, что задачу могут переменить и рейд по тылам врага не состоится или пошлют вместо них другую бригаду, но никому не говорил об этом. Представлял себе, как он со своими пушками будет сопровождать легких, подвижных конников, двигаться без дороги где-нибудь по лесу или болоту, чувствуя близкое присутствие врага, готовясь отразить нападение с любой стороны. Ну что ж! Он будет постоянно деятельным: он молод, здоров, его тянет отдавать и тратить себя, не ставя предела и ограничения своим силам!

Первая ночь в рейде была именно такой: темная дорога в лесу, движение большой массы людей, коней, машин и ощущение открытости и опасности со всех сторон. Бойцы расчетов сидели в машинах с автоматами наготове. Было понятно, что и они беспокоятся.

Это разгадывалось одним словом: «Впервые!» Все в батарее побывали в серьезных боях: жаркая битва у Понырей летом прошлого года представилась лейтенанту. Но пока перед вводом в прорыв конно-механизированной группы генерала Плиева бригада двигалась вместе с боевыми порядками общего фронта, чувство коллектива, товарищества было одно: с боков и с тыла везде была опора на соседа. С началом же рейда в глубину расположения противника полки бригады были розданы по кавалерийским дивизиям, а в дивизиях их побатарейно придали кавполкам. В походе конница вытягивается в колонну: впереди едут всадники по три в ряд, на конях же тянут пушки дивизии, за ними в обозе ве-



зут боеприпасы, продукты, фураж, идут санитарные повозки.

Предполагалось, что батареи во время рейда будут идти рядом с конниками. Но дороги были слишком узки, обочины непроезжи, и машины с пушками так двигаться не могли. Да и движение конницы прерывалось остановками, и шоферы артиллеристов или ждали, не выключая газ, или глушили моторы и заводили их снова. Тогда решили идти вслед за конницей, отпуская ее от себя до километра, а потом догонять. Поэтому батареи часто отставали, и, вероятно, не одному Лещенко представлялось, что теперь надо думать и заботиться обо всем самому. Но большая маневренность и подвижность конницы, которую они сопровождали, были свойственны и бригаде. Уже через несколько дней к лейтенанту и его товарищам вернулось прежнее спокойное чувство опоры друг на друга.

Лейтенанту было спокойно и оттого, что впереди него ехал капитан Потапов, тот Потапов, кого он уважал как своего командира, считал самым знающим, лучшим из всех командиров батарей, как, впрочем, почти все молодые горячие офицеры, вроде Лещенко, считали лучшими своих командиров. Но лейтенант знал о капитане и еще одно.

Однажды перед рейдом, придя в столовую обедать, он сел против капитана Потапова, и, откинув салфетку, которой была накрыта тарелка, взял кусок черного хлеба и отломил корочку.

За столом заговорили, что хорошо бы не то чтобы повидать домашних, а хоть бы посылочку получить от них из дому.

— Мне бы прислала жена платочек или кисет... и пол-литра,— сказал лейтенант Кленков. Он только перед войной женился, и, выговорив заветное, что хотелось иметь, чего касались милые ему руки, он вдруг с таким волнением представил себе этот кисет — шелковистый, мягкий, с вышитыми ее инициалами, и платочек, который можно приложить к губам, ощущая присутствие жены,— что смутился, покраснел и добавил эти несчастные «поллитра».

Эти пол-литра и дали тон общей беседе. Капитан Ильин вспомнил про хороший табак, который жена привезла ему однажды с Кавказа, майор Озимцев — о завтраке дома в выходной день, когда все сидят вместе за столом и ребята чистые и умытые.

— У тебя кто? — спросил его Ильин.

— Сын и дочка,— ответил Озимцев с гордостью.

— Хорошо. У меня — дочка, я еще ее и не видел...

— Нет, у меня большие. Дочке уже десять лет. Прислала бы мне кисет с табачком для трубки.

Все смеялись и придумывали, что бы еще пожелать.

Потапов, и всегда-то серьезный, молчаливый, с худощавым сосредоточенным лицом, отодвинул тарелку с остатками мяса и картофеля и сказал:

— А мне из дому могут послать только пепел... Да, пепел, товарищи. У меня на родине все сожжено.

И все замолчали.

Потапов взял чайную ложку и начал медленно помешивать ею в стакане с чаем. Едва ли он замечал, что делает.

— Д-да,— сказал неловко Ильин,— это все, конечно, мелочишка: там завтрак, уют, фиглимигли разные... Все это чепуха. Все это не существенно. Были бы целы жена и ребятишки.

— У меня уцелел только сын... Один из всей семьи.— Потапов взял фуражку со стола, молча встал, как бы отделил себя своим горем, и посмотрел на всех. Но, понимая в наступившей тишине мужское сочувствие, захотел ответить:

— Вот прислал мне...— Он достал из левого кармана гимнастерки письмо и картинку, нарисованную ребенком лет шести: красноармеец стрелял из маленькой пушечки в огромный немецкий танк... Пунктиром были показаны летящие снаряды, из танка шел дым, как из трубы: он горел. Под красноармейцем было подписано печатными буквами: «Папа».

Потапов с просветлевшим лицом показывал всем картинку, и Лещенко почувствовал такую скорбную, горькую жалость к этому серьезному, мужественному человеку, что побоялся зареветь, если еще раз посмотрит на картинку.

— А с кем твой сынишка живет? — спросил Озимцев, широкоплечий, плотный человек, которому неловко стало вспоминать своих удобно живущих, крепких, сытых и здоровых детей.

— В детдоме. Да там хорошо,— поспешил прибавить Потапов, чтобы товарищи не думали, что надо жалеть его или сына.— Письма получаю исправно. Есть чудесные люди...— Он помолчал, хотел что-то сказать, но, взяв картинку из рук лейтенанта, бережно положил ее в конверт, спрятал в карман на груди и провел рукой по карману, как будто заключая в свое сердце, и пошел.

Пока он, высокий и худой, пробирался между столами, все заговорили о постороннем. И только когда Потапов скрылся за сосенками, Озимцев сказал негромко лейтенанту Кленкову:

— Дернуло тебя с этим пол-литром. И на черта тебе водка, когда ты и выпить ее с толком не можешь.

— Я не хотел совсем,— сказал виноватым голосом Кленков.— И водка мне ни на что не нужна.

— Не хотел, не хотел!..— передразнил Озимцев и, навалившись грудью и протискиваясь, стал вылезать из-за стола.— И я, дурак, кисет с табачком мне понадобился! Размечтались! Разбередили человеку душу. Ведь он как живет? Пока вы собираетесь, мечтаете о подвигах и славе в будущем наступлении, он уже там мыслями: бьет немцев, перерезает дороги. Он себя не пощадит, а их в дугу согнет, помяните мое слово! Беспощадный человек.

Таким лейтенант и знал капитана Потапова. Он и молодых умел учить и воспитывать: только вчера между ними был недолгий, но значительный разговор. Потапов похвалил лейтенанта за быстрое развертывание и выдержку в ведении огня в недавнем, четыре дня назад, столкновении с танками противника в районе Савойя, где взвод Лещенко подбил один танк.

— Но другие-то танки все-таки ушли,— сокрушенно сказал лейтенант.

— Ну зачем стрелять на таком расстоянии? — ответил Потапов.

— Нет, товарищ капитан, я недоволен своим поведением в бою, поторопился. Если бы повременить несколько, не бить по первому танку сразу и выждать, пока продвинется ближе второй. А то он завернулся и ушел.

— А вы что, заметили второй еще до стрельбы?

— В том-то и дело, что заметил. Правда, он был далеко, но шел наискось, приближаясь к нам.

— Возможно, что действительно следовало выждать. Надо привыкать всегда продумывать каждый бой со всей беспощадностью к себе. И после проверять себя на этом.

Потапов командовал первой батареей, и Лещенко, постоянно видя его действия, понимал, что это командир большой культуры, он многое замечает и потом умеет все объяснить. Капитан был строг и к подчиненным и к себе. В этом и заключалось для Лещенко обаяние капитана. При Потапове он чувствовал себя спокойнее еще и потому, что, не сознавая этого сам, был уверен: когда будет нужно, старший подумает за него.

Сегодня все окружающее виделось Лещенко необыкновенно отчетливо. Среди двух полос ржи показалась межа, повернулась, как стрелка часов, и пропала, а ему еще ясно видится комковатая серая земля, редко поросшая отдельными колосьями и кустиками васильков. Лиловый пятилистник куколя нарядно мелькнул во ржи, дерево встало у дороги, дуплистое и огромное, как крепость. В поле было спокойно. Старик белорус, высокий и худой, в домотканой холщовой рубахе, косил полоску клевера, остановился и долго смотрел им вслед. Потом что-то понял и, сорвав шапку, согнулся в поклоне. Мальчик лет десяти побежал к шоссе, чтобы посмотреть на машину, испугался и остановился. Две женщины жали серпами ячмень.

Направо от дороги из-за холма появилось темное пятно леса и стало приближаться. По опушке этого леса на карте была показана дорога на Столбцы, по ней должна была пройти сначала девятая кавалерийская дивизия, а за ней и десятая. Но ни дороги, ни даже следов конников не было видно.

«Не слишком ли мы их обогнали?» — подумал Лещенко. Он продолжал пристально вглядываться. Лес двигался навстречу машине, высылая вперед отдельные деревья. Густая его темно-зеленая стена так и осталась в километре от дороги и загородила собою широкое пространство, видимое прежде с шоссе.

«Как зеленые кулисы, точь-в-точь!» Дорога повернула и пошла под уклон. Солнце оказалось позади, и перед Лещенко легла ослепительно белая песчаная полоса. По ней убегал кузов машины Потапова, задние колеса ее печатали на мягкой пыли однообразный и резкий узор. Легко катилась прицепленная задом наперед пушка.

— Где все-таки наши? Как думаешь, Беляев? — сказал Лещенко шоферу.— У Несвижа так и так придется нам остановиться.

Налево, в полутора километрах, появились две деревни, разделенные широким лугом. И четко, как бывает в утренние часы, возник впереди город Несвиж с ярко-белыми стенами домов, колокольнями, зеленью деревьев, красными скатами крыш. Направо у дороги, на взгорье, показались строения — машина Потапова уже подходила к ним,— длинные, низкие, сложенные из кирпича здания, несколько деревянных, высокая кирпичная труба завода, полуразвалившиеся кладки кирпича. Все это попадало в поле зрения лейтенанта на несколько секунд, но и промелькнувшее оставалось запечатленным. Солнце уже поднималось, а свежесть и яркость красок были те же. Дома города становились все виднее и приближались...

...Звук выстрела и разрыв снаряда возникли одновременно. Машина Лещенко бежала вперед, машина Потапова, повернувшая у завода вправо и на миг загороженная домами и деревьями, снова показалась, расстояние до нее стало резко сокращаться. Она повернулась боком, и из мотора вырвалось пламя. Шофер круто затормозил. Лещенко выскочил из кабины — дома и деревья у дороги словно толкнулись вперед и остановились — и побежал к машине Потапова. Огонь вился по ее борту, по скатам, брезентовый верх загорался высоким костром. Дым заволакивал черным клубом кабину шофера.

Мгновенное изменение всего вида машины, только сию минуту стройно и легко бежавшей по дороге, еще казалось лейтенанту нелепым, неправильно им понятым; вот сейчас все станет, как было! Но уже ясно видна непоправимость случившегося: убитый боец, лежащий около машины, неуклюже осевшая набок, искалеченная пушка, бегущий навстречу ему Потапов... Груздев, его шофер, шатаясь, почти падая и выпрямляясь, шел через дорогу, страшно мотая опаленной головой и срывая с груди клочья горящей гимнастерки.

— Занять боевой порядок у завода! — приказал Потапов, сбегая с дороги и показывая рукой в сторону сараев.— Тащи всех сюда!

— Заворачивай машину! — крикнул Лещенко. А шофер уже поворачивал. Лейтенант побежал туда же, куда и Потапов, сближаясь с ним. Наводчик Задорожный спрыгнул с машины и, догоняя лейтенанта, на ходу снимал автомат.

...Второй снаряд — Лещенко почувствовал страшное нагнетение воздуха на себя — разорвался, когда до Потапова оставалось полсотни шагов. Сам ли он успел упасть или отбросило его воздухом, лейтенант не понял, вскочил, провел рукой по груди, по животу — все было цело. В ушах гудело, будто по ним ударили тяжелым. Впереди на зеленой траве, обхватив руками правую ногу выше колена, приподнимался и падал Потапов. Кровь темным пятном смачивала его выгоревшие солдатские шаровары. Лещенко оглянулся позвать бежавшего следом Задорожного... А наводчик уже неподвижно лежал ничком со свалившейся пилоткой, почерневшим от крови затылком, выбросив вперед руки, как бы стараясь обхватить землю, неудержимо уходящую от него. Все развертывалось с непостижимой стремительностью, события набегали одно за другим.

Он подбежал к Потапову. «Кость перебита»,— показал капитан. Лещенко перевел глаза в сторону горящей на шоссе машины: люди около нее оттаскивали в сторону раненых, выбрасывали из кузова ящики со снарядами, противотанковые мины, срывали горящий брезент. Он взглянул, где его пушка. Быстро развернувшись, Беляев уже съехал с дороги и вел машину прямо по желтеющей ржи к кирпичным сараям.

— Засаду устроили под Несвижем,— сказал Потапов.— Танк стрелял. Убирай всех с дороги. Иди, Николай. Я сам... доползу.

Но ползти ему было невозможно. Кровь густо просачивалась между пальцами и капала на траву. Лещенко быстро наклонился.

— Берись за шею...— твердо сказал он, обращая это нечаянное «ты» раненому товарищу, и посмотрел, чем бы зажать кровь.

— Поясным ремнем, что ли, затянуть? — спросил Потапов.

Лещенко снял с него ремень и туго перетянул ему ногу в бедре, выше ранения. Теперь распоряжался лейтенант. Капитан, не возражая, обеими руками ухватился за шею товарища, и Николай почувствовал, как вздрогнул этот сильный человек.

Крепко обхватив его, лейтенант шел по высокой ржи в гору, тяжело ступая и глядя, как Беляев подъехал к сараю и, выйдя, осматривался, куда поставить машину. Навстречу командиру бежал высокий, худой Рублев и шустрый, похожий на мальчишку Атмашкин. Лицо лейтенанта покраснело от напряжения, лоб взмок от пота. Тело Потапова тяжело тянуло вниз, все труднее было удерживать его. Рублев и Атмашкин подбежали и подхватили капитана.

— Пушку поставить к углу сарая и зарядить! — крикнул Лещенко командиру орудия Снегуру.

Еще снаряд разорвался рядом с шоссе, никого не задев осколками.

— Ты... раненых не таскай...— трудно дыша, сказал Потапов.— Теперь ты командир! Твое дело — задачу выполнять. Иди!

— Иду! — ответил Лещенко. Он уже видел, что его дело сейчас не задерживаться около раненого командира: он сам стал командиром. И то легкое, беззаботное, что несло его утром, как на крыльях, над этой бедной страной, которую много проще было освобождать, когда тебе старший указывает, что и как ты должен делать, исчезло. Он вдруг остановился: капитан сказал «Иди!». Он еще не мог осознать всего и не пытался, но понял, что, ответив «Иду!», он обещал все продолжать, как Потапов, который «себя не пощадит, а «их» в дугу согнет...».

Со стороны города слышался шум идущего танка. Лейтенант увидел, что Потапов озяб, схватил с машины чью-то шинель, укрыл и подоткнул, потом крепко сжал его руку, сказал: «Оставляешь, как на себя! Все сделаем».

И побежал к сараям.

2

Если бы любого человека из взвода лейтенанта Лещенко спросили о последовательности развернувшихся на шоссе событий, ни один из них, не исключая и самого Лещенко, не мог бы точно восстановить, что происходило раньше, что позже. В какой момент выскочил на шоссе танк, подмявший и раздавивший пушку, прицепленную к подбитой машине, никто потом не мог сказать. Лещенко и Снегур видели, как танк, выскочив справа, «обрезал» машину сзади. Четыре человека из расчета второй пушки были в это время у орудия, они стреляли по танку, но он свернул за шоссе и ушел в лощину. Шофер, пятясь задом, уводил машину под сарай, раненые с первой машины пробирались во ржи, Рублев и Атмашкин тащили Потапова, и каждому казалось, что его дело началось сразу же после выстрела немецкого танка по машине Потапова и по времени происходило раньше других событий.

Лейтенант приказал раненым собираться у сараев, около колодца. Туда от шоссе пробежали еще два бойца: один поддерживал раненую руку, у другого на лице была кровь, но оба бежали легко. Он быстро осмотрел пересеченную здесь местность. За сараями и деревянным двухэтажным домом была невысокая, подходившая к лесной опушке насыпь: отвалы заводского брака — обломки кирпича, слежавшиеся от времени, глина, известь образовали ее и поросли бурьяном. Низко пригнувшись, он подбежал туда. Первое, что он увидел, был спускавшийся во ржи по пологому склону немецкий танк; от насыпи до него было меньше полутора километров.

Танк шел медленно, пересекая узкие полосы хлебов, тяжело приминая и отваливая в сторону колосья. Над рожью отчетливо была видна башня с орудием, направленным в сторону горящей машины. Из дульной части вырывалось длинное желтое пламя: танк стрелял на ходу. На лугу за машиной взметывались черные столбы земли и дыма.

Одним взглядом лейтенант охватил две дороги — их будто черкнул кто-то двумя резкими взмахами карандаша, пересекая шоссе. Ближайшая, обсаженная деревьями, проходила метрах в четырехстах от сарая. Между деревьями, мелькая большим черным телом, справа по ней вслед за первым выходил еще один танк. Приближаясь к заводу, он дал пулеметную очередь по сараям. С насыпи была видна лощина между дорогами, где мог укрываться противник, и ломаная линия траншей перед городскими домами. Кое-где вдоль по траншее передвигались темные точки голов немецких солдат. «...Они нас не видят, не знают, сколько нас и сколько у нас пушек. Мы про них скорее узнаем, чем они про нас»,— мелькнуло у него.

Лещенко опустил бинокль и осторожно отполз от края насыпи.





— Снегур! Быстро пушку сюда, к самому краю насыпи. Вести наблюдение за танками! Сержанту Юсупову занять огневую позицию в дальнем конце отвалов!

Юсупов был ручной пулеметчик и часто управлялся один и за первого и за второго номера. Забирая диски к пулемету, он многозначительно подмигнул командиру орудия Снегуру, словно повторяя любимую свою шутку: «Воевать пошел! Один татарин в две шеренги стройся!» И проворно побежал вдоль сарая.

«Теперь заварится история,— подумал лейтенант.—Надо скорее увозить раненых!»

Потапов и сильно обожженный шофер Груздев лежали под сараем. Радист, комсорг полка Ященко, ехавший с расчетом второго орудия, стащил сапог с ноги капитана, распорол ножом штанину и перевязывал рану. Лещенко увидел в темных спутанных волосах радиста сгустки крови.

— Голову-то себе перевяжи! Сколько тут у нас раненых?

— Пять человек. Тяжелых двое.— Ященко осторожно подпихивал бинт под отяжелевшую ногу Потапова.— На шоссе убитых трое.

— Надо выносить сюда! Рублев!

— Разрешите, товарищ лейтенант, я сейчас перевяжу и вынесу,— сказал Ященко.

— Нет, делай свое! Почему рация не развернута?

— Вышла из строя: осколком пробило.

Всегда быстрый, Рублев побежал по ржи к шоссе, за ним кинулся Атмашкин. На открытом месте по ним справа, со стороны дороги, защелкали пули: танк стрелял из пулемета.

— Назад!— крикнул Лещенко.

Оба бойца побежали обратно.

— На шоссе убитых не видать, товарищ лейтенант,— доложил Рублев.

Изо ржи поднялся младший лейтенант Кучеров, работник политотдела бригады, ехавший с Потаповым на первой машине, высокий, крепкий человек. Четыре дня назад он заменил раненного под Слуцком замполита батареи. Лещенко все искал его глазами, не находил и боялся, что он погиб.

— Кучеров! Ох, ты живой?— крикнул он.

— Ребятам на шоссе уж никто не поможет, оттащил я их в рожь, потом похороним.— Кучеров без расспросов понял, что тут делается: шофер Беляев и легкораненые из расчета первого орудия по приказанию лейтенанта снимали с машины ящики со снарядами.

— Скорее! Возитесь долго!— сказал Лещенко.— Эти оставь. Грузите раненых!— Он развернул перед шофером карту, показал дорогу в лесу, по какой должна подходить десятая кавдивизия.— Поедешь по направлению «Бобовня», им навстречу. Доложишь о засаде, сдашь раненых и сейчас же возвращайся. Понятно?

— Понятно, товарищ лейтенант. Карту запомнил. Вы не ранены?

— Откуда ты взял?— Лещенко с недоумением провел рукой по лбу, куда указывал шофер, и посмотрел на пальцы. Откуда взялась кровь? Нес Потапова, утирал пот со лба, вот она откуда!

Беляев вскочил в кабину и повел машину наискось к лесной опушке, строения завода укрывали его от противника. Первый танк, дойдя до перекрестка, медлил идти дальше. Но кругозор от него был широкий, и, когда Беляев доехал до леса и повернул в глубину его, лейтенант вздохнул с облегчением и сам перебежал к орудию.

В десяти шагах, на самой насыпи, старший сержант Снегур готовил орудие к бою. Большой, плечистый сибиряк Глазырин и подоспевший Рублев уже подкопали площадку и устанавливали пушку. Угол дома, насыпь, поросшая бурьяном, и край близкого леса хорошо скрывали и орудие и людей.

Наводчик первого расчета Арбаев, заменивший убитого Задорожного, смотрел в окуляр прицела и ругался на плохой обзор.

— Кусты-то вон те посеки,— говорил распоряжавшийся всем Снегур вертлявому Атмашкину,— бурьян повыдергай!— И тут же, подозвав к себе молодого артиллериста Палеева, всего два месяца как прибывшего из пополнения, заговорил с ним. Снегур не только командовал вторым орудием, он был парторгом батареи, и — лейтенант знал — уж если в такое время он говорит с Палеевым, значит, у того в чем-нибудь неустойка. Два бойца таскали снятые с машины ящики к орудию. Часть боекомплекта была выложена около пушки на землю.

Увидев лейтенанта, Снегур по-строевому выпрямился.

— Площадку велел подкопать здесь. Аккуратно будет.— Стройный, соразмерный, он был выше Лещенко на полголовы...— А запасную оборудуем вон там.

И то, что он так хозяйственно устраивается, успокоило лейтенанта. Он чувствовал, что с первого выстрела вражеского танка излишне заторопился. Выполнить задачу значило вступить в бой с танками здесь, у завода. Но, подумав прежде всего о раненых, он не рассчитал, что без машины расчет с пушкой делается малоподвижным.

«Успел уже наделать ошибок! И главное, оставил лишь половину боекомплекта...— Лещенко взглянул на Снегура и встретил его прямой, открытый взгляд. Снегур, конечно, понимал весь риск отправки машины и что тогда снарядов надо бы оставить больше, однако он и виду не показал.— Он, парторг, видит правильное в спешной этой отправке, доверяет мне как своему командиру... Будем держаться».

Лещенко поднял к глазам бинокль.

— Ага, вижу! Один... другой... Сколько ты видел танков?

Снегур видел три танка: один на перекрестке, один в посадке да на дороге у Несвижа один.

— На дороге у Несвижа их уже два.

Лещенко чуть опустил бинокль и теперь уже слева направо медленно переводил его от начала посадки до опушки леса и обратно. На пологом склоне во ржи осталась промятая танком полоса, она скрывалась внизу лощины, возникала вновь и продолжалась до перекрестка. И там, черный и тяжелый на фоне голубого и зеленого, грузно стоял танк. Желтые его кресты были ясно видны в бинокль. Лейтенант тихо показал рукой Снегуру: приготовиться! Сердце его с шумом гнало кровь в виски, он слышал скорый-скорый ее бег.

В танке открылась крышка люка. Высунулась голова и плечи немецкого офицера. То опуская, то поднимая бинокль, он вел его... и остановил в направлении завода. Несколько секунд он смотрел. Лейтенант, не сводя с него взгляда, углом глаза видел все поле со всеми перемещениями на нем. Немец юркнул внутрь танка, люк за ним опустился. Танк рывком сдвинулся с места и пошел к заводу, башня его стала быстро разворачиваться на орудие Лещенко.

Команда «Огонь!», показалось ему, прозвучала негромко. Нагнувшись, Арбаев смотрел в окуляр, руки его легко подвертывали механизмы. Небольшое ухо наводчика, потемневший от пота край пилотки на запыленных коротких волосах, напряженные мускулы шеи, угол щита, вмятый пулей, выкрашенный зеленым ствол пушки — сколько мелких деталей увидел Лещенко за секунду, протекшую от его команды до знакомого резкого звука своего выстрела...

Привычно вздрогнул и откатился назад ствол пушки. Снаряд попал в крышку люка. От танка по щиту пушки щелкнули пули.

Орудие было заряжено вновь, когда танк проскочил полсотни метров от перекрестка, стреляя на ходу по заводу. Сзади пушки, у сарая, с особым звуком раскалывания, точно треснуло что-то, разорвался один, за ним другой снаряд. Осколки ударили среди людей расчета. Палеев вздрогнул и вскочил со своего места.

— Куда,— крикнул Снегур,— дурная голова!— Палеев снова присел к ящику, откуда вынимал и подавал снаряды.

— А ну, пусти, пусти!— бешено крикнул лейтенант. Отстранив рукой Арбаева, он подскочил к панораме и стал наводить...— Веду, веду его!— говорил он вслух.— О-гонь!

Он попал прямо в борт танка. Танк задымился и встал.

Лещенко перевел дух: так и должно быть!

Уверенность его в точности своих действий была такая, что за миг до выстрела он уже знал, куда попадет. Разорвавшийся рядом снаряд обдал его землей, и он пригнулся, едва ли заметив это сам. Себя, своего тела он не чувствовал, оно было где-то не с ним.

И тут же он увидел, как справа по ближней дороге между деревьями с шумом и лязгом гусениц, как кабан, на середину посадки стремглав выскочил тот, другой танк и, все время стреляя, на большой скорости понесся по полю к заводу.

Пушку мгновенно развернули ему навстречу. Наводя перекрестье тонких черных нитей на цель, Лещенко нащупывал, куда стрелять: танк шел лбом. «...Надо сюда, под гусеницу. Повернуть его боком! Так, так... Давай, давай ближе...» — рывками думал он.

Метрах в двухстах от завода, когда он уже решил стрелять, танк вдруг сполз правой гусеницей в старый окоп и неожиданно повернулся бортом к пушке. Лещенко воспользовался этим и выстрелил.

Танк дал белую вспышку дыма, перешедшего в клубы черного с языками желтого пламени. На лейтенанта нанесло запах пороховой гари и смрад горящей резины. Как вытолкнутые пружиной, два немца выскочили из танка и побежали в сторону леса. Юсупов дал по ним две короткие очереди из пулемета.

— Попал однако!— крикнул Глазырин.

В горящем танке стал взрываться боекомплект. Все происходило с такой быстротой и четкостью, как будто Лещенко не сам вызывал эти действия, а смотрел со стороны на кого-то, действующего безупречно правильно. «Все равно «они» не смогли захватить нас врасплох, не смогли!..» К прицелу снова стал Арбаев. Лещенко вытер ладонью пот, катившийся градом по лицу и груди.

Еще выстрел по первому танку. Тот загорелся.

— Так-то лучше,— сказал лейтенант,— молодец Арбаев.

Возбужденный происходящим, в мокрой от пота рубахе, он увидел Атмашкина с длинной его шеей и голубыми глазами на курносом лице, Снегура, всех остальных. Поймал напряженный взгляд Палеева. Глядя на командира, он сказал виновато:

— Теперь немцу вовсе капут!

— А говорил: «Ну, мы пропали»! — подмигнув, легко усмехнулся Снегур.

— Почему-то боюсь до первого танка. Потом ничего...

— А ты бойся, да бодрись!— посоветовал Снегур.

Лещенко продолжал наблюдать: два дальних танка вошли в рожь, стреляя с противным визгом — подкалиберный снаряд дал рикошет,— развернулись и ушли вправо. Два других повернули обратно. Первый, подбитый между перекрестком и заводом, горел вспышками, будто кто, набирая духу, раздувал в нем жаркий, неистовый пламень.

Надо было воспользоваться передышкой: огневую позицию сменили.

Бойцы, кто без пилотки, кто с распахнутым воротом, горячие от напряжения, заговорили, повторяя, как повернулся танк «на миг один», как его подбили и как Юсупов «не прозевал».

Лейтенант сел на ящик от снарядов, удивляясь, что устал, снял пилотку, зачесал волосы назад и снова надел. Мысли куда-то пропали. Было жарко, лицо его горело. Полдень уже приближался, и по количеству событий трудно было подумать, что прошло меньше часа от первого выстрела немцев по машине Потапова.

— Начало есть,— сказал Снегур,— теперь будем ждать продолжения. А потому закурим!

Он достал кисет, бумагу, к нему потянулась широкая жилистая рука Глазырина, мальчишеская — Атмашкина, худощавая—Рублева, и все эти руки, сближенные у кисета с махоркой, разные руки разных людей, только что участвовавшие вместе в смертельном поединке с врагом, спокойно, как всегда, взяли бумагу, насыпали табачку, стали сворачивать. Снегур говорил с командиром. В голосах их не было волнения, и только в глазах Снегура мелькали быстрые, живые, совсем бесовские искры.

...Не прошло и часа с тех пор, как Лещенко заменил Потапова. С восемью бойцами расчета и одной пушкой теперь он должен был отбивать танки противника, нанести им как можно больше потерь, а своих предупредить о танковой засаде у Несвижа.

Пушку перекатили на более удобное место к середине насыпи и установили в окопе. Лейтенант, глядя на работающих, подумал, что и выполнение задачи и жизнь всех их зависят теперь от него. Жалко Задорожного, прекрасный был товарищ... И тут, в первый раз еще, он подумал о Потапове: где он сейчас? Все это время ему казалось, что Потапов присутствует где-то рядом.

Люди в расчете работали дружно и споро, переговаривались, поглядывая на догорающие, почерневшие танки. Снегур говорил как бы всем, но Лещенко понял: для Палеева.

— Бывает, новички пугаются танков. Вполне понятно, я сам пугался. Потом стал думать: а чем «он» пугает? Мне казалось, танк, когда идет на нас, вроде как издали видит меня всего, отовсюду и сразу обнаруживает. А ведь это совсем не так. Он-то большой, да гляделка у него маленькая. Он видит узко и мельком, в нем тряско, и все перед ним от тряски смещается. Чтобы в танке хорошо работать, надо большую расторопность и ловкость. Слов нет, есть и у немцев хорошие танкисты, да ведь и у этой пушечки,— он любовно положил руку на казенную часть орудия,—неплохие артиллеристы стоят...

— Нашу пушку,— вставил Лещенко,— капитан называл «орудие поединка».

— Можем помериться с самым лучшим танкистом,— закончил Снегур,— а тот, что на нас идет, может, еще и не самый лучший.

Он взглянул на небольшого, плотно сбитого Арбаева.

— Ты, Арбаев, ладно подоспел, не стал долго готовиться.

— Готовиться... Сам себе надо готовиться. Твой наводчик ранили, сменяишь наводчик. Командир орудия надо заменять? Заменяишь. Тогда расчет в бою делаится меньше, а сила его больше.

— Ну, сила-то отчего больше?— буркнул Глазырин.— Не подумавши говорит Арбаев.

— Как же?— Арбаев повернул к нему темно-розовое лицо с тугими щеками.— Потеряишь товарищ, очень плоха, очень тяжело сердцу, сердце кипит... человек делаится быстрый, как огонь.

— Что ж, приходилось тебе так?

Арбаев кивнул головой, и круглое его лицо как бы ушло в тень, посерело.

— Конечно, приходилось. На Курской, знаишь, как было?

— Знаю,— ответил Глазырин уже другим тоном.

Наблюдатель с насыпи доложил: из Несвижа вышли два бронетранспортера. У траншеи с них соскакивают немецкие солдаты.

— Сейчас полезут к нам!—насмешливо сказал Снегур.

— По местам! К бою!— подал команду Лещенко.— По бронетранспортеру осколочным... Огонь!

Первый снаряд, перелетев, разорвался у белых домиков Несвижа, второй упал хорошо — у траншеи. Немецкие солдаты, разбегаясь по ржи, стали спускаться в лощину. Было около часу дня. Так начался бой артиллеристов с немецкими автоматчиками.

Кучеров по приказанию Лещенко, взяв с собой Рублева, Ященко, Глазырина и Атмашкина, выдвинулся к сожженному танку, чтобы залечь в кювете и встретить немцев как полагается. Взяли гранаты. Чтобы отвлечь внимание, из орудия дали по немцам два выстрела.

— Ну, теперь наш расчет — четыре человека,— сказал Снегур Палееву и, увидев вопросительный взгляд его, засмеялся.— Посчитай: ты, да я, да мы с тобой — четверо! Нам так и полагается действовать за четверых.

Палеев тоже рассмеялся. Ох, какой он, Снегур! Говорит тогда: «Я на тебя надеюсь!» Смелый, дерзкий он человек! Палеев хотел сказать «дерзновенный», но не сумел подобрать слово.

Немцы, наступая перебежками, все приближались к заводу. Кучеров и его автоматчики молчали.

— Может, они не добрались еще?— озабоченно сказал Палеев.

— Давно уже там!—махнул рукой Снегур.— Немцев ближе подпускают. Ну, а если не добрались, мы за них сыграем!— И Палеев почувствовал, что для этого человека все понятно, все удобно; он не теряется ни в каких случаях. Палеев стал удобно для себя раскладывать снаряды. Снегур смотрел на него с одобрением.

Немцы были теперь в двухстах метрах от Кучерова и немного дальше от Юсупова. Словно замерла тишина ясного, жаркого полудня. Лещенко услышал, как пролетела ласточка и, шурша крыльями, впорхнула в отверстие гнезда под крышей сарая.

Раздался треск выстрелов. Немецкие автоматчики с криками поднялись и, стреляя на ходу, кинулись к заводу.

Выстрелы своих бойцов возникли внезапно. От пушки было видно, как падают убитые и раненые немцы. Движение их приостановилось, стрельба почти затихла. И сразу же от сожженного танка выделилась длинная «своя» очередь.

— Вот дурень!— сказал Снегур.— Так сгоряча может весь диск высадить!

Немецкие автоматчики оказались зажатыми с трех сторон. Атака немцев сорвалась, огонь их окончательно смолк. Даже появившиеся для поддержки немецкие танки не остановили отступавших.

Лещенко снова удалось отбиться. Танки открыли огонь, но так и не пошли на пушку, а повернули назад и ушли по лощине.

3

После ухода танков можно было думать, что немцы отказались от попытки уничтожить группу русских артиллеристов: все затихло. Ходившие с Кучеровым вернулись запаренные, пропыленные насквозь, зато все до одного. Не было раненых и у орудия.

Лещенко стоял у сарая, наклонив немного набок голову.

— Ты ничего не слышишь?— спросил он Кучерова.— В той стороне, откуда мы ждем своих, слышишь вдали глухие выстрелы? Это наши дерутся... Понимаешь, какая штука! Может быть, нам придется отсюда уходить самим.

— Да, ночевать здесь не стоит.— Эта фраза как будто не заключала никакого другого смысла, кроме простого совета товарищу.— Там,— Кучеров указал влево,—лощина каверзная. Во-он та, между дорогами, за шоссе поворачивает и выходит таким раструбом слева от нас. Скопится туда пехота, и веселое дело может получиться.

— Нет, почему наших не видно? Подумай! По времени они давно бы должны обозначиться на дороге справа от нас.

— И машина не возвращается почему-то. А пора бы.

— Да, если она с ними встретилась...

— Ты что же? Думаешь, они могли не встретиться?

— Шут их знает... Возможно, и там немцы устроили засаду.

— А как мы будем выбираться отсюда?

— Дотемна побудем, а там станем отыскивать своих.

...В пяти шагах от Кучерова и Лещенко бойцы орудийного расчета, кроме Юсупова, который находился все еще на правом фланге со своим пулеметом, собирались заняться едой. Достав из колодца котелками воду, они открыли большую банку тушеного мяса и, усевшись в кружок, размачивали сухари и галеты. Рублев достал из вещевого мешка консервы, хлеб, кусок сала и положил на травку. Одернул привычным жестом гимнастерку и пригласил офицеров закусить. Когда Лещенко и Кучеров подошли, сказал:

— Товарищ лейтенант, разрешите доложить! Я осмотрел сараи, там хомуты есть. Если пушку тянуть...

— А кого ты будешь в эти хомуты заводить?— поинтересовался Кучеров.

— К хомутам можно и коней подобрать. Тут километрах в двух полный тыл. Поймаем пару коней и уедем.

— Без передков как ты уедешь? Надо что-нибудь придумать для передков,— протянул Лещенко.

— Придумаем, товарищ лейтенант. Разрешите нам с Атмашкиным заняться?

Лещенко разрешил. Через сорок минут были приведены две крупные, сытые лошади. Позади Атмашкина верхом, держась за его поясной ремень, обхватив широкие лошади-

ные бока маленькими босыми ногами, сидел парнишка лет десяти. Рублев и Атмашкин спешились.

— Парнишку-то зачем привез? — спросил Кучеров.

— Да пусть коней назад отведет, — ответил Рублев. — Чего нам с ними потом делать? А бросить — так жителей обижать неохота.

Парнишка смотрел несмело серыми грустными глазами, на носу у него густо высыпали веснушки, лицо было бледное, худенькое.

— Ну, слезай, — сказал Рублев. — Колбасы хочешь?

Парнишка кивнул головой и, навалившись животом на конскую спину, слез на землю.

— Я вас видел, как вы ехали по дороге давеча, — сказал он. — Мать рожь жала, говорит: гляди-ко, сынок, это ведь наши едут! Я было побег, да испугался: ну-ко немцы!.. — И он бережно взял ломоть хлеба с колбасой.

...Третья атака танков противника налетела с такой быстротой, которую позднее никто не мог определить иначе, чем словами «как вихрь». А Палеев говорил: «Как гром и молния!»

Внезапно среди предвечернего спокойствия, охватившего и поле, и дальнюю кромку леса, и людей, все услышали урчание танков. На быстром ходу танки друг за другом вырывались из посадки и, не стреляя, проносились мимо завода по дальней дороге. Проскочило сразу два. Потом — три. Еще два... Вдали у Несвижа на дорогу вышли бронетранспортеры. Что-то тормозящее волю, как ни противься, было в этом стремительном движении тяжелых стальных машин мимо насыпи, мимо восьми человек, стоявших у одной семидесятишестимиллиметровой пушки. Лейтенанта на миг обволокло оцепенение: машины мчались, не стреляя, уже три из них проскочили насыпь, где дорога пересекала шоссе, и за перекрестком стали спускаться в лощину, ту самую, о которой говорил Кучеров.

Лещенко очнулся и крикнул Снегуру стрелять бронебойным. Он услышал звук открываемого орудийного замка и вдруг все понял.

— Отставить!.. Поворачивай пушку на сто восемьдесят градусов! Направление...— Лещенко подбежал сам к пушке и, чувствуя, что со Снегуром его объединяет какое-то высшее совместное понимание маневра врага, стал поворачивать орудие на ожидаемую цель. — Бронебойных давай, бронебойных! — крикнул он, и Палеев быстро стал подавать бронебойные...

Кучеров вместе с Глазыриным доворачивал правую станину. Он выпрямился, вглядываясь в движение танков.

— А ты знаешь...

— Они хотят по той лощине, — перебил Лещенко, — где ты был с автоматчиками. Тебе надо выдвинуться туда. Возьми с собой...

И не доконччил. Танк, мчавшийся к перекрестку, выскочил на шоссе, на миг показался весь целиком за обгорелым танком, что был подбит утром, и ушел в лощину влево от завода. Метрах в четырехстах из раструба лощины над травой снова показались его башня и пушка. Теперь он на большой скорости помчался прямо на пушку. Выдвигаясь почти рядом, его догонял второй...

Снаряд разорвался, пробив крышу сарая. Снегур наклонился к прицелу, лицо его стало сосредоточенно строгим.

— По первому танку... Бронебойным! — крикнул Лещенко.

Дальше все приняло невообразимо быстрый, тревожный ритм. Лещенко слышал собственный голос: «Еще бронебойным! О-гонь!», выстрелы своей пушки, возникавшие с короткими промежутками, частый стук пуль о щит и мельком ловил ощущение разорвавшегося близко снаряда танка и то, что это, кажется, уже не первый и что опять никого не задело. От близких попаданий снарядов загорелась крыша сарая, с насыпи сыпалась земля. Почему около пушки нет Кучерова, Рублева, Атмашкина? Ах, да! Они залегли впереди ворот завода с гранатами, он же сам их послал!

Только третьим выстрелом Снегур остановил танки. Атака их была верно рассчитана: гусеницы были скрыты до самого выхода танка из лощины. Когда до пушки оставалось всего метров триста, Снегур попал в гусеницу первого танка. Круто повернувшись, он стал. Еще два снаряда — и он зажег танк.

Второй танк, обходя первый, как градом, посыпал крупнокалиберными пулями по щиту пушки. Палеев удивленно провел у себя по волосам: ему показалось, будто над его головой кто-то махнул железным лезвием, — и не нашел пилотки. Некогда было искать. Второй танк вспыхнул на ходу, с оглушительным взрывом у него отлетела башня, и оба танка загородили собой выход из лощины. Третий танк был зажжен сразу, с одного выстрела; пытаясь обойти два первых, он подставил Снегуру левый борт. На секунду-другую как будто наступило затишье. Лещенко и Снегур выпрямились, Палеев поднял свою пилотку. Она была прострелена в двух местах.

Палееву вдруг стало необыкновенно приятно: за это время горячей работы он не думал, что его могло убить, и, поднимая снаряд за снарядом, заряжая, нагибаясь и снова выпрямляясь, когда близко летели осколки, чувствовал, что вот и он держит себя в бою как надо! И тут он, сам худенький, узкоплечий, в мокрой от пота гимнастерке, увидел лицо парнишки, приехавшего с лошадьми. Он не успел уйти и теперь, боязливо скорчившись и прижавшись к крутой стенке ровика, смотрел с выражением страха и любопытства, вздрагивал и мигал ресницами при каждом выстреле.

— Не бойся, — сказал Палеев, — оно ничего! Не высовывайся только поверх земли, тогда не тронет...— И, услышав снова команду: «Бронебойным!» — кинулся за снарядом.

На том месте, где у него были разложены снаряды, кругло, красиво и гладко лежали три «востроносые» — бронебойные... Подальше лежала «грудочка», как назвал Палеев, осколочных.

— Товарищ сержант, — крикнул он, — бронебойные на исходе!

— Сколько осталось? — услышал и спросил лейтенант.

— Три штуки...

— Чередуй с осколочными!

И Палеев стал чередовать. Странное чувство наполнило его сердце. Снаряды кончились, танков в лощину прошло много, а горело из них только три. Значит, отбиваться будет нечем... Подходило что-то неизведанное, Палеев знал, что оно называется смертью, и все же чувствовал не страх, не ужас, а расширяющую сердце веселость. Это он, молоденький комсомолец, артиллерист, истребитель танков, стоит рядом со Снегуром и лейтенантом Лещенко, их мало, но они до сих пор выстаивают против железного, тяжелого, скрежещущего — того, что вот-вот ринется и раздавит и пушку и их всех... И он не дрожит, не спасается сам, не вскакивает, чтобы убежать, а вместе со всеми выполняет боевую задачу.

И Палеев вдруг запел громко, так, как, рассказывали ему, пели на Курской дуге под Понырями обожженные Орлов и Семковский: «Врагу мы скажем: «Нашу Родину не тронь!»

...И тут случилось совсем удивительное. Снегур обернулся к Палееву, поправляя на голове пилотку, пошарил в кармане, извлек оттуда кисет и сказал:

— Теперь можно и перекурить. Хочешь?

— Почему перекурить? — Палеев широко раскрыл глаза.

— Драпают! — спокойно сказал Снегур. — Сколько у тебя чего осталось?

— Осколочных девять штук, — сказал Палеев и тут вдруг понял, что происходившее сейчас напряжение всех чувств, страшное их обострение, чтобы все сделать точно, как надо, не прозевать, не опоздать, не дать преимущества врагу, это соревнование на быстроту и смелость, ум, сообразительность, выдержку, кончилось. Только сейчас прошумело над его головой железное веяние смерти и славы, и уже не хочется не отдыха, а еще такого же!

— Товарищ лейтенант, — обратился Снегур, — если еще раз они на нас кинутся, нечем будет отбиваться.

— Надо бы ехать, — ответил Лещенко, — за передками дело.

— А это ничего не составляет, — сказал Снегур, — ребята давеча нашли водовозку. Кони тоже есть.

Вернувшийся с автоматчиками Рублев уже докладывал, что они нашли передки... Тут водовозная бочка — самое подходящее.

Пока стреляли беглым огнем по уходящим к Несвижу танкам, у Рублева кони были подведены к водовозной бочке и запряжены. Подцепили пушку и быстро выехали на шоссе. От стоящего вдали подбитого танка немцы открыли пулеметный огонь. Но Рублев схватил под уздцы лошадей и побежал по шоссе. Парнишка, увидев, перепугался, закричал и побежал за конями. Кучеров сказал ему:

— Ты не беспокойся, мы коней у тебя не отымем. А так не беги, попадешь под пулю.

Когда выбрались из зоны обстрела, Лещенко послал Глазырина и Палеева с автоматами вперед для охранения и разведки пути, а Кучерову приказал с Юсуповым и еще тремя бойцами прикрывать отход. Так прошли около десяти километров, никого не встретив.

— Знаешь, Снегур, — сказал Лещенко, — я думаю, нашей дивизии дали другое направление. И полк наш повернули перед нами далеко, не доходя до Несвижа! Вот увидишь.

Когда дорога, по которой возвращался Лещенко со своим расчетом и пушкой, вышла на шоссе, ведущее к городу Столбцы, была уже звездная, тихая ночь. Посланные в разведку Глазырин и Палеев заметили впереди конную повозку. Они притаились у обочины и услышали тихий говор. Похоже, ехали два русских бойца по направлению на Столбцы.

— Куда едете? — спросил, внезапно подойдя, Глазырин.

— Э, матери вашей бис, як вас нанесло, шо мы и не чулы, — сказал спокойно густой хрипловатый голос. Глазырин посветил фонариком: сухое, немолодое лицо с обкуренными черными усами на мгновение появилось перед ним, и другое — молодое, бритое.

— Больно спокойно ездишь, отец. Ну, как бы это не мы, а немцы были?

— А чего немцу ночью по дорогам ходить? Он ночью по хатам ночует. А хоть бы и немец, от нас бы не утек.

— Да-а? — с сомнением спросил Глазырин.

— А гляди! — Встречный внезапно выхватил шашку и со свистом рассек ею воздух над головой разведчика. — Удобная штука.

Все становилось на место: из выяснения названия части, о которой «говорить не полагается», оказалось, что все они «одного батька сыны» и дивизия их не какая иная, а девятая.

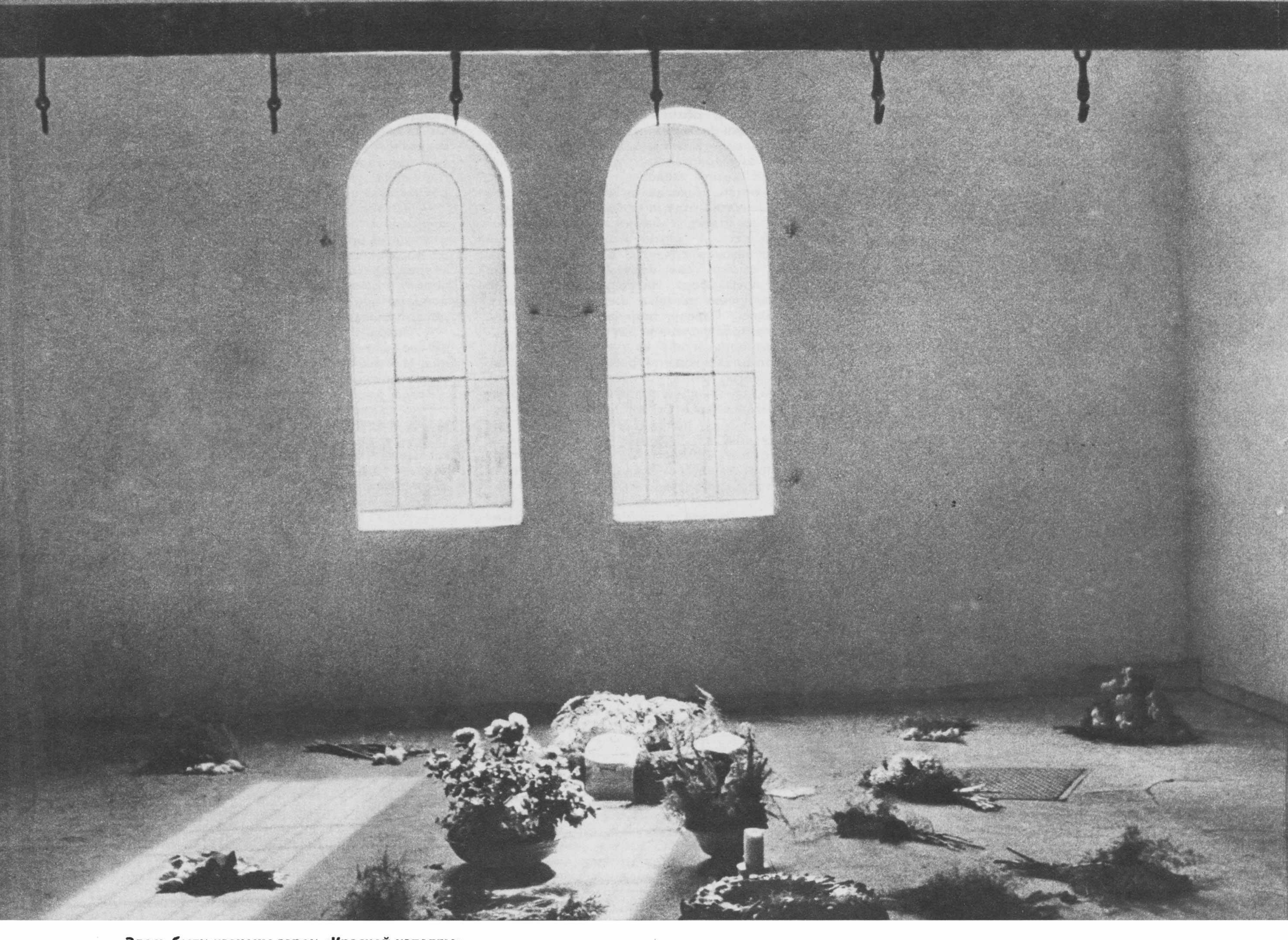
— Я же так и признал. Куда же вы запропали? Мы с немецкими танками бьемся, до черта их набили... Вас обороняли с фланга, а вас-то нет и нет!

— Нас к северу завернули, як его... городто называется? Чи Столбцы?

— Вот оно как, — протянул Глазырин, — значит, порядок!

А по лесной дороге шел весь остальной расчет пушки около своего орудия. На конях сидели Атмашкин и парнишка. Лейтенант шел рядом, дыша лесной свежестью. Все в душе его открывалось навстречу тому родному и спокойному, что было еще не близко, но наступит. Будет продолжаться жизнь, в которой, он помнит, как совсем маленький сидел перед фотоаппаратом, обняв любимого щенка, и улыбался. Карточка и сейчас, наверное, стоит у матери на комоде. Помнит, как он входил в светлый класс, и лица ребят оборачивались ему навстречу. И тот день, когда в железнодорожном клубе — отец его был машинистом — вышел на сцену и пел: «Скажите, девушки, подружке вашей...» — и сам услышал, как верно и прекрасно зазвучал его голос. И все окружили его, и он, уже кончавший школу мальчик, с серыми ясными глазами и светлыми волосами, радовался, что вот как хорошо получилось. Потом — на второй год войны — краткосрочные арткурсы...

Сейчас ему и в голову не приходило, что за этот бой его представят к званию Героя Советского Союза: они делали все, как полагается, как же иначе? Он, не глядя, видел всех своих дорогих ему людей, слышал их шаги, чувствовал, как надежно и легко шагает позади своей пушки Снегур, как необычно поскрипывают маленькие деревянные колеса передков. Они тарахтели сначала, и их обернули тряпьем, но лейтенант сказал, что это ничего, это мирный звук, простой, и даже лучше, что он сопровождает орудие, бывшее уже не раз грозным для врагов этой прекрасной мирной жизни, которая непременно наступит.



Здесь были казнены герои «Красной капеллы».

Генрих БОРОВИК,
фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

ЧАС ИС

ТЮРЕМНЫЙ ДВОР

Недавно в Москве на митинге в Доме ученых выступала Грета Кукхов — невысокая, хрупкая, седая женщина, заместитель председателя Совета мира ГДР. Она говорила об угрозе возрождающегося фашизма, о борьбе за мир. Говорила горячо, страстно. Ей долго аплодировали. А соседка ее по креслу, тоже немолодая русская женщина с колодкой боевых орденов на кофточке, обернулась к немке и сказала:

— Вы очень хорошо говорили... Но мне хотелось спросить вас, простите, для меня это очень важно: что вы делали, когда у власти в Германии был Гитлер?

Объявили перерыв. Две женщины не поднялись со своих кресел и не пошли в фойе. Немка попыталась рассказать соседке о своей судьбе и о судьбе своих друзей по антифашистской организации, которую нацисты прозвали «Красная капелла».

Русская женщина слушала ее не отрываясь, потом откинулась в кресле и тихо сказала:

— Слава богу, теперь я могу верить всему, что вы говорили на трибуне...

В Западном Берлине есть старая тюрьма Плётцензее.

Я пришел на тюремный двор с Гретой Кукхов.

— Отсюда их выводили,— сказала она спокойно и дотронулась рукой до маленькой дверки в толстой кирпичной стене.

Я поразился ровному тону, который обычно ей так несвойствен.

Она посмотрела на высокие липы, стоявшие сейчас в строгой наготе, на небо, может быть, так же голубевшее и тогда, в декабре 1942 года, на свалявшуюся прошлогоднюю траву, на узкую каменную дорожку под ногами. Они ведь тогда тоже, наверное, не смотрели на кирпичные стены. Они видели липы, прошлогоднюю траву, небо и камни под ногами.

Ей хотелось видеть то же самое, что видели ее друзья, ее муж, когда их вели на казнь.

Медленно она прошла дорожку и оказалась около двери кирпичного барака. Открыла и вошла.

— Здесь задавали только один вопрос: фамилия?— сказала она тем же ровным голосом.— И приказывали ждать, пока не кончат с предыдущим...

Она открыла еще одну дверь, аккуратно обитую железом. Большой холодный зал, куда мы вошли, был совершенно пуст. Только от цементного пола к двум сводчатым окнам звонко тянулись солнечные лучи. А под потолком чернела длинная железная балка от стены к стене и на ней — шесть крюков.

Но женщина не смотрела на крюки. Она повернулась к окнам. За ними, у подножия кирпичной стены, виднелись низенькие кусты со сморщенными прошлогодними листочками.

— Между крюками тогда висели куски черной материи, как кулисы в театре,— сказала женщина,— чтобы они не видели друг друга...

Мы вышли во двор. У мемориальной стены лежали венки из бумажных цветов, увитые разноцвет-



Юта Ноак: «Я поняла связь явлений».

ПЫТАНИЙ

ными, слинявшими под дождем лентами.

— Ни одной красной, посмотрите,— сказала женщина и положила на камень маленький букетик живых гвоздик, покрытых капельками влаги.—Сколько бы мы ни приносили, красные ленты исчезают через несколько минут после того, как уйдешь. Здесь специально следят за этим...

...По узенькой дорожке смертников в тюрьме Плётцензее, ныне находящейся в Западном Берлине, прошли тысячи людей.

Но балку с шестью крюками тут специально соорудили в декабре сорок второго, чтобы привести в исполнение приговор имперского военного суда по делу лиц, участвовавших в так называемой «Красной капелле».

Люди из «Красной капеллы» представляли почти все социальные слои Германии. Они ненавидели фашизм и верили в справедливость и торжество идей Маркса и Ленина. К этой вере они пришли разными путями, иногда очень сложными.

Эти граждане Германии помогали нам в борьбе против гитлеризма не потому, что были на службе у «иностранной разведки»— они служили своей совести, интересам своего народа.

Немногие из участников «Красной капеллы» остались живы.

Сама Грета Кукхов, приговоренная к каторге, была освобождена двадцать лет тому назад советскими войсками.

Я встретился с Гансом Лаутеншлегером, моложавым, энергичным человеком. Во времена «Красной капеллы» он находился далеко от Берлина— в армии. Служил писарем в метеорологическом отделе артиллерийского управления вермахта. Благодаря ему руководители подпольщиков получали сведения о местах предполагаемого скопления фашистской тяжелой артиллерии. В сорок третьем году он был арестован, приговорен к пожизненной каторге (гестапо не удалось узнать о главной деятельности Ганса, его обвиняли лишь в распространении запрещенной литературы), затем послан в штрафбат; и при первой возможности Ганс перешел на сторону советских войск.

Его женой тогда была Инна Лаутеншлегер. По заданию «Красной капеллы» она работала в самом фешенебельном салоне мод Берлина. Среди ее знакомых были любовница Гитлера Ева Браун, жены Геринга, Кессельринга. О чем только не говорят женщины в салоне мод! В том числе иногда и о служебных делах своих мужей и любовников... Два вечера подряд я записывал рассказ Инны Лаутеншлегер.

В Западном Берлине Грета Кукхов показала мне дом, в котором были арестованы она и ее муж, известный немецкий писатель Адам Кукхов — один из руководителей подпольной организации. Показала мне красный, покрытый пятнами от сырости томик Ленина — его хранили тогда в тайнике.

Слушая рассказы тех немногих, кто остался жив, я вспоминал слова коммуниста-подпольщика Вальтера Хуземанна, казненного гитлеровцами, из его последнего письма к отцу: «Легко называться коммунистом, пока за это не надо платить кровью. Был ли ты им, докажешь только тогда, когда придет час испытаний».

ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ

В Берлине у меня есть большой друг — журналист Карл Г. Он прекрасно знает русский язык и помогал мне в беседах с Гретой Кукхов и с другими участниками антигитлеровского подполья.

Однажды поздно вечером, усталые, мы медленно шли с ним по улицам Берлина.

— Понимаете,— сказал он,— все эти дни я пытаюсь восстановить в памяти, где я был, что делал и о чем думал тогда, когда эти люди дрались тут, в Берлине, против Гитлера... Вот, например, октябрь сорок второго года. Их арестовали... А я вернулся из Чехословакии, от родственников, из отпуска. Там узнал о Лидице... Пожалуй, только тогда в моей голове начали шевелиться мысли о том, что Гитлер не во всем прав. Впервые... До этого я ни о чем не задумывался. Выполнял приказ. А их уже пытали в это время в гестапо на Принцальбрехтштрассе...

У Карла сложная судьба.

Во время войны он был штурманом на немецком бомбардировщике. В сорок третьем самолет сбили наши зенитчики. Карл попал в плен. В плену учился в антифашистской школе. Многое понял. В лагерях боролся с нацистами. Там это тоже было не очень просто! В сорок девятом вернулся на родину, вступил в Социалистическую единую партию... Свою верность коммунизму он доказал с тех пор уже не раз.

У Карла два сына. Одному — шесть, другому — двенадцать.

Недавно шестилетний спросил: «Пап, ты был на войне?» «Был». «Кем?» «Летчиком». «Бросал бомбы?» «Да». «Ты воевал вместе с хорошими людьми?» «Нет, сынок, я воевал вместе с плохими». «Почему ты не убежал от них?» «Я еще не знал тогда, что они плохие». «А к кому ты попал в плен, к хорошим людям?» «Да». «И ты с ними пошел воевать против плохих?» «Нет». «Почему?» «Видишь ли, сынок, я еще не знал тогда, что они хорошие». «Но почему же, папа? Ведь это всем ясно, кто хороший, а кто плохой»...

Что отвечать отцу?

А старший сын, Отто, которому двенадцать, говорит, что папа, наверное, плохо учился. Ведь вот у них в школе все знают, что фашисты плохие. Ему, Отто, всего двенадцать, но он все понимает про фашистов, потому что в

школе ведь все объясняют. Почему же папа не знал? Нет, совершенно ясно, что папа неважно учился.

Что отвечать отцу? Сказать: вы еще маленькие, не поймете,— будут расспрашивать других. Скрывать свое прошлое — перестанут уважать, любить, верить. Он рассказывает всю правду.

Ребята слушают его серьезно. Стараются понять. Младший уже сделал важное для себя открытие, что среди плохих людей бывают хорошие и что в разное время, бывает, люди думают поразному...

И все-таки после всех этих разговоров сыновья спрашивают отца, почему же все-таки многие люди поняли сразу, что такое фашизм, а он не понял. И еще спрашивают, сколько бомб он сбросил, на какие города, на какие дома и были ли там дети, вот такие же, как они...

Карл завидует своим сыновьям. Это хорошо, когда отцы завидуют детям. Хуже, если наоборот.

ДВАДЦАТИЛЕТНИЕ

Сейчас в ГДР самая популярная кинокартина — «Приключения Вернера Хольта», о поколении, пошедшем на войну в сорок первом — сорок втором годах, прямо со школьной парты. Картина снята по одноименному роману Дитера Нолля. Отличный фильм. Но отличных фильмов в ГДР немало. Почему же переполнены залы? И почему в креслах для зрителей так много молодежи? Видимо, двадцатилетние хотят разобраться, почему юноши тридцатых годов в свое время позволили себя одурачить. И как поступали те, которые прозрели? (Кстати, автор сценария фильма — сын Вальтера Кюхенмейстера, токаря, матроса, писателя, повешенного гитлеровцами на чугунной балке в Плётцензее за участие в «Красной капелле».)

Я разговаривал в Берлине со многими молодыми людьми, которым сейчас двадцать.

Юта Ноак родилась восьмого мая сорок пятого. Так вышло, что до девятого класса школы она училась в Западной Германии.

— Я учила историю,—рассказывала она мне.— Я хорошо знала: в таком-то году случилось одно, а в таком-то — другое. Но я не знала, почему. В учебнике написано: в тридцать третьем году к власти пришли нацисты. Но нам не объясняли, почему это произошло и что надо делать, чтобы избежать фашизма в будущем. Когда я перешла в школу в ГДР, я стала понимать связь явлений.

Известный немецкий журналист Бекир рассказывал мне о своей беседе с другим двадцатилетним — из Франкфурта-на-Одере.

— Я его спрашиваю: «А где школа, в которой ты учился?» Он отвечает: «Во дворце». «В каком дворце?» «А есть тут у нас дворец, остался от какого-то барона»... От какого-то! Понимаете, для него все это глубокая история. Он удивился, что я обращаю внимание на какие-то мелочи — подумаешь, дворец!..

А двадцатилетняя девушка рассказала Бекиру, что решила пойти учиться на механика, и тоже смеялась удивлению журналиста. Да, на механика, а что же тут странного? Она любит это дело, вот и пошла...

С Отто Рихтером из Бланфельда Бекир поехал на кладбище около местечка Хальбе. Там похоронено несколько тысяч человек, которым в сорок пятом исполнилось восемнадцать. Их бросил сюда Гитлер, обещая удержать Берлин. Парень ходил по кладбищу, читал надписи на могильных плитах и повторял: «Зачем же они шли за ним? Зачем? Неужели они не понимали?»

А потом он увидел могильную плиту и на ней слова: «Лейтенант Саморелов. Дата смерти — 8 мая 1945 года».

Отто постоял около могилы и тихо сказал: «А я в этот день родился...»

Лаборант с завода «Электроуголь» двадцатилетний Карл-Гайнц Вагнер рассказал мне, что в сорок пятом его семье (отец был инвалидом) помогали советские солдаты. Приносили молоко для новорожденного, давали деньги. Родители и он до сих пор хранят фотографию советского майора по фамилии Александров. Карл показал мне эту фотографию. На ней изображен молодцеватый офицер с восточным лицом — казах или узбек. И на обороте надпись: «На память».



Грета Кукхов.

О фашизме Вагнер знает только со слов родителей и учителей. Он ненавидит его.

— У меня кузен в Западной Германии,— рассказывал Вагнер.— Студент. Как-то приезжал ко мне. У них там молодежь тоже не за фашизм и не за войну. Но их мало занимают такие вопросы. А это очень опасно, этим могут воспользоваться, могут! Здесь, в ГДР, мы больше думаем о будущем... Кто серьезно думает о будущем, выбирает наш путь. Я выбрал. На всю жизнь.

ОКОЛО ВЕНКОВ

...В торжественной тишине двора западноберлинской тюрьмы Плётцензее раздались веселые голоса. И к венкам, лежащим у мемориальной стены, подбежала группа ребятишек — двадцать или двадцать пять десятилетних человечков. Человечки дергали веночные ленты, ели конфеты и бананы, аккуратно бросали в урны обертки и кожуру. Ребят сопровождал пожилой усталый человек — их школьный учитель в старом, великоватом для него пальто. Учитель сказал несколько слов, которые ребятишки, занятые своими делами, видимо, и не расслышали, затем повел их в барак с черной балкой под потолком. Человечки глазели на страшные крюки, как глазели бы на рекламу старого, надоевшего кинофильма. Учитель сказал:

— А на этих крюках, дети, вешали.

Больше он ничего не сказал и вскорости повел детей к выходу.

Веселые, они побежали вперед, а усталый учитель брел сзади, засунув руки в глубокие карманы пальто.

Грета Кукхов стояла, прислонившись спиной к красной тюремной стене, потом зябко передернула плечами и тоже пошла к выходу.

— Ребята есть ребята,— сказала она, улыбнувшись грустно.

Я не знаю этого учителя. Может быть, он выполнял пункт своей школьной программы «Посещение тюрьмы Плётцензее». Возможно, он выполняет этот пункт уже второй десяток лет. И ему просто все надоело. Или он устал сегодня: какие-нибудь свои неприятности дома или на работе. Но может быть и другое — он намеренно показывает ребятам Плётцензее так, чтобы они потом говорили: «Ну, были в той тюрьме, ну, видели крюки. Ну и что?»

Считается, что между войнами должно пройти двадцать лет. Должно вырасти новое поколение, не знавшее ужасов последней войны. Но слишком велика трагедия, порожденная фашизмом, чтобы ее раны зарубцевались за два десятилетия. Как видно, в наше время классическая реваншистская арифметика не подходит. Двадцатилетние выросли. Они потеряны для реванша. Теперь, видимо, ставка на следующее поколение. На тех, кому сейчас десять или двенадцать лет.

Я знаю, кем вырастут сыновья моего друга-журналиста Карла. Они будут ненавидеть фашизм. Но куда пойдут эти западноберлинские ребята — мальчишки и девчонки,— покинув тюремный двор, где сложили свои головы Юлиус Фучик, Муса Джалиль, где казнены герои «Красной капеллы»? От этого тоже многое зависит в будущем...



Бал двадцатилетних в Берлине.



Рисунок С. Кобуладзе.

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

1265—1965

Великий изгнанник

Письмо Флорентийскому другу (судя по обращению «Отец», этим другом был, очевидно, человек духовного звания) написано после того, как флорентийские власти издали в 1315 году закон об амнистии политических изгнанников, в числе которых с 1302 года находился Данте.

Узнав заранее о предполагавшейся амнистии и о ее условиях, друзья поэта и один из его племянников, скорее всего Николо Форезино, поспешили сообщить Данте «приятную» новость. Каковы же были условия, ценою которых поэту предлагалось заплатить за возможность вернуться на родину? Приехав во Флоренцию, он обязан был переступить порог тюрьмы и затем, как бы отбыв в ней наказание, проследовать в церковь Сан Джованни для покаяния. Часть церемонии, связанная с тюрьмой, могла быть заменена денежным штрафом, но зато другая ее часть становилась при этом еще более унизительной: претендующий на амнистию должен был предстать перед согражданами одетым в мешок с прорезью для головы и в бумажной митре, на которой были бы написаны его прегрешения.

Несмотря на не оставлявшую Данте мечту о возвращении в родную Флоренцию, «безвинный изгнанник», как называл себя поэт, отверг не приемлемые для него позорные условия и отказался разделить участь уголовного преступника Чоло дельи Абати, который в 1295 году согласился подвергнуть себя вышеупомянутой церемонии, избежав тем самым тюремного заключения.

В 1841 году Джузеппе Мадзини, великий борец за объединение Италии, опубликовал дантовское письмо Флорентийскому другу в газете итальянских эмигрантов в Англии, сделав это «потому, что в нем запечатлена душа Данте, и потому, что многие изгнанники нашего времени должны задуматься над этим письмом».

Флорентийскому другу

§ 1. Внимательно изучив ваши письма, встреченные мною и с подобающим почтением, и с чувством признательности, я с благодарностью душевной понял, как заботитесь вы и печетесь о моем возвращении на родину. И я почувствовал себя обязанным вам настолько, насколько редко случается изгнанникам найти друзей. Однако, если ответ мой на ваши письма окажется не таким, каким его желало бы видеть малодушие определенных людей, любезно прошу вас тщательно его обдумать и внимательно изучить прежде, чем составить о нем окончательное суждение.

§ 2. Вот что благодаря письмам вашего и моего племянника и многих друзей дошло до меня в связи с недавно вышедшим во Флоренции декретом о прощении изгнанников: я мог бы быть прощен и хоть сейчас вернуться на родину, если бы пожелал уплатить некоторую сумму денег и согласился подвергнуться позорной церемонии. По правде говоря, о Отец, и то и другое смехотворно и недостаточно продумано; я хочу сказать, недостаточно продумано теми, кто сообщил мне об этом, тогда как ваши письма, составленные более осторожно и осмотрительно, не содержали ничего подобного.

§ 3. Таковы, выходит, милостивые условия, на которых Данте Алигьери приглашают вернуться на родину, после того как он почти добрых три пятилетия промаялся в изгнании! Выходит, этого заслужил тот, чья невиновность очевидна всему миру! Это ли награда за усердие и непрерывные усилия, приложенные им к наукам! Да не испытает сердце человека, породнившегося с философией, столь позорной трусости, которая заставила бы его, по примеру Чоло и других гнусных злодеев, пойти на искупление позором, как будто он какой-нибудь преступник! Да не будет того, чтобы человек, ратующий за справедливость, испытав на себе беззаконие, платил дань как людям достойным тем, кто свершил над ним беззаконие!

§ 4. Нет, это не путь, о Отец мой, к возвращению на родину. Но если сначала вы, а потом другие найдете иной путь, приемлемый для славы и чести Данте, я поспешу ступить на него. И если ни один из таких путей не ведет во Флоренцию, значит, во Флоренцию я не войду никогда! Что делать! Разве не смогу я в любом другом месте наслаждаться созерцанием солнца и звезд! Разве я не смогу под любым небом размышлять над сладчайшими истинами, если сначала не вернусь во Флоренцию униженный, более того — обесчещенный в глазах моих сограждан! И, конечно, я не останусь без куска хлеба!

Перевод с латинского
И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА и Евг. СОЛОНОВИЧА.



Приступая к написанию «Новой жизни», молодой Данте решил включить в нее стихотворения, созданные им ранее и посвященные Беатриче. Однако первая любовь поэта нашла свое отражение не только в этих стихах и в «Божественной комедии», первоначально задуманной Данте как произведение, призванное прославить Беатриче. С этим именем многие комментаторы поэта связывают ряд других стихотворений великого флорентийца, в том числе сонет «О бог любви, прошу, поговорим...» и стихотворение о Лизетте. Что касается третьего из публикуемых ниже сонетов, то он от начала и до конца посвящен Беатриче; в нем Данте обожествляет возлюбленную, верный еще традициям поэтической школы «Сладостного нового стиля», из которой он вышел.

* * *

О бог любви, прошу, поговорим,
От мыслей тяжких отвлеки речами:
Мы можем посвятить беседу даме,
Так хорошо известной нам двоим.

Тем самым путь с тобой мы сократим:
Приятно, если обсуждают с нами
Любимой добродетели и сами
О них мы можем говорить с другим.

Так начинай, Амур, нарушь молчанье,
Но прежде — о причине, что в пути
Тебя со мною вдруг соединила.

Любезность или жалость побудила
Тебя ко мне, владыка, снизойти?
Я слушаю тебя, я весь вниманье.

* * *

Путем, которым в сердце красота
Восходит, в нем любовь будя мгновенно,
Летит Лизетта, возомнив надменно,
Что сдался я — сбылась ее мечта.

И вот уже пред нею башня та,
Где на часах душа стоит бессменно,
И некий голос молвит откровенно:
«Ступай отсюда. Крепость занята.

Другая эти заняла владенья:
Она пришла без скипетра сюда,
Но бог любви восполнил упущенье».

И вот Лизетта, как от наважденья,
Бежит, сама не ведая куда,
Пылая от стыда и огорченья.

* * *

В день Всех Святых, недавно это было,
Мое вниманье дама привлекла,
Что спутниц благороднейших затмила
И впереди с Амуром рядом шла.

Смотрела так она, как будто сила
Неведомая дух ее зажгла,
И ангельское что-то поразило
Меня в чертах прекрасного чела.

С приветом благосклонно обращалась
Она к достойным, и в сердцах людей
При этом добродетель пробуждалась.

За нас, должно быть, больно стало ей,
И с небом ради нас она рассталась.
Блаженна та, что ближе прочих к ней!

Перевод с итальянского и комментарии
Евгения СОЛОНОВИЧА.

ЛИКОВАНИЕ В СТАНЕ ТУНЕЯДЦЕВ



Ал. ЗАРОВ, Ан. АЛЕКСЕЕВ

В тот день, когда его судили, среди одесских тунеядцев вспыхнула паника. А в тот момент, когда председательствующий в процессе зачитал заключительные строки решения суда, тунеядцы тучей ринулись из зала и атаковали телефоны-автоматы. Зазвучали голоса, полные отчаяния:

— Лене — пять! Имуществу — крышка!

Это значило, что Л. З. Бассин предпримет путешествие в места, где бездельников обучают трудовым навыкам.

Итак, в солнечный день 27 августа 1963 года порок был наказан. Окончилась схватка тунеядца с Указом Президиума Верховного Совета УССР об ответственности за паразитический образ жизни.

Этому предшествовал целый ряд других событий. Все началось с того, что товарищеский суд домохозяйства № 18 Жовтневого района заинтересовался, на какие средства Л. З. Бассин приобрел автомашину, дачу и роскошную обстановку для городской квартиры. У Л. З. Бассина попросили объяснений. Он их не дал. Пригласили на заседание суда. Он послал суд к черту. Пригласили вторично. В третий и в четвертый раз. Он отреагировал. Написал письмо с клеветой на заместителя председателя товарищеского суда капитана второго ранга в отставке тов. Ашубахманова. Затем, узнав, что делом интересуется партгосконтроль, явился к председателю Жовтневого районного комитета партгосконтроля тов. Брагиной и посоветовал добром оставить его в покое, пообещав пустить в ход против тов. Брагиной некие «компрометирующие материалы».

Так началось дело Бассина.

В него вмешалась милиция. Райотдел Жовтневого района скрупулезно и беспристрастно исследовал образ жизни Л. З. Бассина и источники его доходов. Один за другим на второй этаж здания райотдела, где размещались сотрудники, поднимались свидетели — соседи Бассина, сослуживцы. Вот некоторые показания.

К. Г. Гаврилюк, пенсионерка, соседка Бассина:

— Устраивал пьянки, гулянки...

Н. К. Косовская, домработница Бассина:

— На одно питание он в среднем расходовал тысячу рублей в новых деньгах в месяц...

Работники райотдела углубляют и без того тщательную проверку. Документально устанавливают, что «кровный» свой «Москвич» Бассин приобрел мошенническим путем, что автомашина снабжена ручным управлением и предназначена для инвалидов, в то время как нынешний ее владелец — пышущий здоровьем атлет.

Инженера Л. З. Бассина вызывают для дачи объяснений. И тут выясняется, что он не инженер, а... юрист. То есть и юрист и инженер... То есть не совсем инженер и лишь отчасти юрист...

Со слов Л. З. Бассина известно: до войны учился в строительном институте, откуда ушел с 3-го курса в юридический институт. Окончил. Работал (цитирую): «С 1936 по 1948 год (за исключением периода оккупации) заведующим юрконсультациями на ул. Кирова, на Слободке... Зарабатывал 3—4 тысячи рублей в месяц».

Здесь многое сомнительно, а многое — липа. Диплома у юриста Бассина нет. Имеется копия. А титул инженера-строителя присвоен. Просто записал в одной из анкет: «Инженер».

Проверили и установили, что юридическими консультациями Л. З. Бассин не заведовал, а, согласно справке президиума областной коллегии адвокатов, «работал в коллегии с 3. XI. 45 по 7. V. 48 г. и исключен за грубые нарушения трудовой дисциплины». Согласно той же справке, зарабатывал 45 рублей в месяц (в новом исчислении).

Попутно выяснилось и многое другое: Л. З. Бассин, уже исключенный из коллегии, с помощью фальшивых доверенностей выступал в судах — это раз; Л. З. Бассин никогда не работал в колхозе «Перемога», в промкомбинате Венторга № 8, хотя и указывает в анкетах, что трудился там,— это два; Л. З. Бассин мошенническим путем приобрел отдельную квартиру в центре города — это три... и четыре, семь, десять — все в том же роде.

Наконец органы милиции с санкции прокурора производят у Бассина осмотр и опись имущества. В опись попадают 80 предметов, в том числе капитальная дача, «Москвич», два холодильника, телевизор «Рубин», радиоприемник «Мир», стиральная машина, аккордеон «Вельтмайстер», полотер, пылесос, ручной полировки мебель и прочие «мелочи» на общую сумму 8 683 рубля.

И это все при среднемесячной зарплате — 65—70 рублей?

— А что? — отвечает Бассин.— Я человек экономный, недоедал, недопивал...

Кажется, ясно?

Но нет. В административном деле Бассина есть один юридический нонсенс, который следует устранить. Бассин — тунеядец особой формации. Он работает, вернее, числится на работе, и это как бы дает ему право оспаривать обвинение.

И он оспаривает. Пока идет проверка его биографии, в различные инстанции летят заявления: «Я честный труженик!», «Оградите!», «Спасите!».

Сотрудники милиции с бухгалтерской точностью произвели подсчет расходов Бассина с 1945 по 1963 год и его доходов за тот же срок. Итог: 33 519 рублей 37 копеек новыми деньгами. Именно на такую сумму превышают бассинские расходы его же доходы.

Кажется, ясно?

Но нет. Надо еще установить источник доходов Л. З. Бассина.

Последнее время он подвизался в должности инженера некоторых домохозяйств. Оклад — 60—70 рублей. На них не разгуляешься. В архивах после долгих поисков обнаружили дело валютчика Бассина. Не однофамильца. Отца.

Бассин-отец был валютчиком не только крупным, но и потомственным. Семья его торговала фунтами и долларами при Керенском, при белых, в годы нэпа. Торговала и позже. Пока не попалась. Пока не угодил Бассин-отец в тюрьму.

У отца конфисковали ценности. Не слишком крупные. Столько-то килограммов золота, столько-то империалов, столько-то долларовых банкнот. Пустяки по сравнению с тем, что у него предполагали найти.

Сын его стал владельцем изрядного наследства, хотя до этого, по его же словам, «жил бедно и во всем себе отказывал».

Кажется, ясно?

Теперь — да! Работники Жовтневого райотдела милиции города Одессы вынесли «Заключение по административному делу Бассина Л. З. по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета УССР от 12 июня 1961 года» и передали его в суд.

А за день до этого Л. З. Бассин опять появился в кабинете председателя районного комитета партгосконтроля тов. Брагиной, которую почему-то считал своим личным и главным врагом, хотя она персонально его делом не занималась и в ход дознания не вмешивалась.

— Учтите,— сказал Бассин,— выслать меня не удастся. А вам я шею сломаю. Меня хорошо знают в Киеве, в Верховном Суде... И еще кое-где!..

Разговор происходил с глазу на глаз, и Бассин не стеснялся.

27 августа состоялся суд. Исход его читателю уже известен. Осталось только объяснить, почему именно ему одесские тунеядцы придавали такое значение, почему сидели в зале и мчались потом, после приговора, к телефонам с отчаянным воплем:

— Лене — пять! Имуществу — крышка!

Секрет прост. С тунеядцами явными в Одессе борются давно и небезуспешно. Но есть скрытые, замаскированные паразиты. Они где-то кем-то числятся, получают, как плачутся соседям, «гроши», а тратят... Очень много тратят!

Вот, например, скромная мать-одиночка Вера Борщнева, буфетчица аэропорта. На иждивении

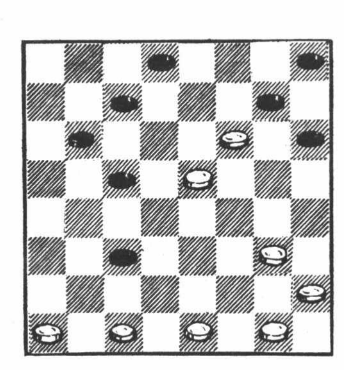


ЕЩЕ ОДИН ШАГ

Второй отборочный матч советских футболистов еще на один шаг приблизил их к Лондону: вслед за командой Греции в Москве потерпела поражение сборная команда Уэльса. Это был красивый футбол, и итоговый счет игры 2 : 1 не совсем соответствует напряжению борьбы. У советских спортсменов было много возможностей, но, увы, реализовать они смогли лишь одну — второй гол был забит в свои ворота защитником Ульямсом.

Фото А. Бочинина.

На снимке: атака М. Месхи.



Найдите выигрыш.

ШАШКИ

под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

две дочери — студентка и школьница — и сын-школьник. Бывший супруг платит алименты. Не очень большие и нерегулярно, поскольку периодически сидит в тюрьме за хищения. Сама Боршнева лишь 10 лет из 43 прожитых посвятила «созиданию».

Живет Вера Боршнева в отдельной квартире, где с трудом разместились два пианино, хрустальная горка, три ковра, радиола «Мир», холодильник, пылесосы, полотеры, стиральные машины и другое ценное имущество на сумму 6 332 рубля. Зарплата? Семьдесят четыре рубля в месяц.

Или вот слесарь Одкоммунтранса Евгений Русановский, обладатель особняка и «Волги». Он числится на работе и получает 80 рублей с небольшим.

Или Юлий Городиский — работник фабрики имени «Славы», отгрохавший малогабаритный дворец.

Или... Но, может, хватит? Список скрытых паразитов не мал.

Как быть с ними? С десятками других одесских тунеядцев, поражающих по вечерам Дерибасовскую сногсшибательными туалетами, а днем торгующих пивом или где-то кем-то для близира служащих?

До последнего времени они жили безмятежно. Справки с мест службы, точно стены особняков, отгораживали тунеядцев от нескромных взоров представителей органов власти и общественности. Их интерес к делу Бассина не был платоническим, ибо исход его создавал прецедент. Потому-то и верещали телефоны: «Лене — пять!»

Потому-то едва стронулся с места зарешеченный вагон, увозящий Л. З. Бассина в дальний «Тунеядград», как в Верховный Суд УССР полетели жалобы. И не только туда. Бассин писал в управление милиции города, в ОБХСС, в нарсуд Жовтневого района (копия Одесскому областному суду, копия прокурору УССР).

Его голос не остался неуслышанным.

И началось то, что мы не можем назвать иначе, как странным и загадочным.

Спустя месяц заместитель председателя Верховного Суда УССР тов. Павшукова приносит в Одесский областной суд протест по делу Л. З. Бассина. Еще несколько дней спустя президиум облсуда прежнее решение по делу Бассина отменяет, и тунеядец с помпой возвращается в Одессу. Причины?

Одна. И совсем крохотная. По мнению тов. Павшуковой, нарушена ст. 3 Указа об административной ответственности за паразитический образ жизни, согласно которой тунеядца нужно сначала предупредить о том, что он будет предан суду, если не изменит поведения, а уж потом можно судить. «Л. З. Бассина никто не предупреждал»,— указывает тов. Павшукова.

И суд с ней соглашается.

В своем решении президиум областного суда записывает: раз Бассин не предупрежден, то осужден он неправильно, и, кроме того, «не выяснен ряд других обстоятельств». Каких именно, не указано.

Разберемся по существу.

Статья 3 Указа имеет в виду, конечно, не Бассина и не тех скрытых тунеядцев, что числятся где-то для отвода глаз и тратят вдесятеро против заработка. Речь идет о бездельниках, уклоняющихся от какого бы то ни было труда вообще. Их-то и нужно предупреждать, и коль скоро не услышат они этого предупреждения, то принимать предусмотренные законом меры.

А Бассин и другие? Как быть с ними? Неужто вызывать его и брать подписку: «Так, мол, и так, я, тунеядец имярек, впредь тунеядцем не буду»? Ответственные работники прокуратуры области говорили авторам этой статьи: для такого, как Бассин, подписка — пустяк. Он уже достаточно натащил в нору добра. Предупреди его, он скажет «пардон» и притаится. Будет осторожнее, благо, материально себя и детишек обеспечил... Быть может, по букве закона заместитель председателя Верховного Суда УССР и президиум Одесского областного суда и правы. Но по духу закона, по существу получилось издевательство как над законом, так и над здравым смыслом.

Между тем в толстом деле Бассина есть один важный документ. Это — решение товарищеского суда, признавшего Бассина тунеядцем еще до того, как органы милиции стали вести в законном порядке дознание. Если это не есть предусмотренное ст. 3 Указа предупреждение, то что же оно такое?

Милиция вновь занялась делом Л. З. Бассина. Вновь сотрудники Жовтневого райотдела, а позже и управления милиции города шаг за шагом пошли по этапам биографии Бассина. Десятки новых справок составили новый том. Десятки новых протоколов дополнили его. Десятки людей потеряли тысячи рабочих часов, доказывая уже доказанное: Бассин — тунеядец.

В конце концов Бассина вызвали в прокуратуру и предложили дать предусмотренную ст. 3 Указа подписку. И он ее дал. Вот она:

«Я, Бассин Л. З., даю сию подписку прокуратуре Жовтневого района г. Одессы в том, что я никогда не вел паразитического образа жизни и всегда жил на свои трудовые доходы и впредь также обязуюсь, как и раньше, трудиться и жить на свои трудовые доходы, в чем и расписываюсь. 10. III. 1964 года».

При этом он улыбался.

Что ж, действительно смешно. Из мест отдаленных Бассин вернулся, машину, дачу и прочее неправедно нажитое ему вернули. Закон попран.

Не успели работники милиции вновь оформить дело Л. З. Бассина для передачи в суд, как из Киева, из прокуратуры УССР, пришло письмо за подписью заместителя прокурора республики тов. Самаева, предписывающее дело Бассина прекратить. Окончательно и бесповоротно.

Дело Бассина закончилось. И не в пользу закона. Милиция, прокуратура, товарищеский суд и суд народный не справились с тунеядцем. Не справилась с ним и пресса. Не справилось телевидение, показавшее в декабре прошлого года телефельетон, посвященный персоне Бассина. Тунеядец выстоял шторм, как скала.

Сейчас он улыбается. Рассылает письма, полные злобы и клеветы. Обливает помоями всех и вся, кто имел касательство к его делу. Порочит направо и налево.

А тунеядцы ликуют. Дело Бассина действительно создало прецедент. Вслед за Бассиным ушли от ответственности Е. Русановский, В. Боршнева, Ю. Городиский и прочие, и прочие, и прочие. Они смеются. Над кем?

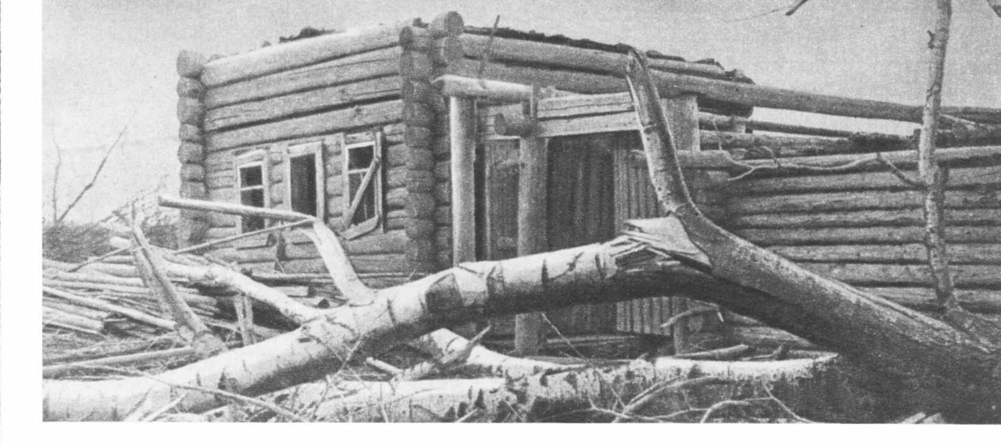
Смеются над законом. Над ним, криво истолкованным теми, кто должен его представлять и осуществлять, над ним, оказавшимся бессильным против изворотливых мошенников.

В стане тунеядцев — ликование... Надолго ли?

Одесса

Позиция, показанная на доске, встретилась в партии Н. Матасов — А. Маслов, игранной в первенстве цехов Московского электрозавода имени В. Куйбышева. Одним тонким ходом Н. Матасов создал неотразимые угрозы черным и добился победы. Найдите этот выигрыш!

Решение концовки В. Романова, напечатанной в № 21 «Огонька»: 1. f4 — g5! f6 : h4 2. d4 — e5! d6 : f4 3. d2 — c3! b2 : d4 4. a7 — b8 и у черных нет спасения, так как на 4... c7 — b6 последует 5. b8 : g3! h4 : f2 6. g1 : a7!, а на 4... d4 — e3 — 5. b8 : h2 и т. д. После 4... h4 — g3 5. b8 : c3 выигрыш не составляет труда.



В деревне Халды после урагана.

70 метров в секунду

Такой скорости достигли ураганы, бушевавшие над пятью районами Кировской области. Первый начался 20 мая около 18 часов в северо-восточной части области. А на следующий день около 16 часов в южной части нашей области родился еще один ураган.

Путь ураганов был извилист. Они несколько раз круто меняли свое направление.

В районах, захваченных ураганами, прошли грозы и ливни. В некоторых местах выпал град. Вес большинства градин превышал 100 граммов.

Над населенными пунктами, которые захватили ураганы, шквальный ветер бушевал 3—5 минут. Но и за это короткое время он причинил много бед: были повреждены и разрушены дома, хозяйственные постройки, линии электропередач и связи. Ветер опрокидывал комбайны и автомашины.

В деревне Вичевщине, которая пострадала наиболее сильно, ураган зашвырнул один комбайн на другой. Громадную бензиновую цистерну носил по воздуху, как щепку. Тяжелейшие бревна от срубов перекидывал за полтора-два километра. В деревне Халды десятиклассник Геннадий Мохов бросился на помощь своей девятилетней сестренке Тамаре, которую подхватило ветром и стало уносить. Мальчика перекинуло через избу и утащило почти за 100 метров в поле. К счастью, брат и сестра не пострадали.

После урагана для тех, кто остался без крова, организовали общежитие. Детей эвакуировали в безопасное место. До глубокой ночи работали медицинские пункты, столовые, штабы по борьбе с последствиями ураганов.

На следующий же день была восстановлена связь, организована уборка улиц. Из ближайших деревень приехали стекольщики и печники. Из городов Кирова, Нововятска, Кирово-Чепецка, Лузы, Мурашей в пострадавшие деревни выехали строители.

В Вичевщине уже заложены первые фундаменты новых домов и хозяйственных построек. Идут ремонтные работы. Многим колхозникам и совхозным рабочим выдаются безвозмездные ссуды на приобретение одежды, мебели. В пострадавших деревнях восстанавливается нормальная жизнь.

Леонид АЛЕКСАНДРОВИЧ

г. Киров.

КАКАЯ ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ УРАГАНОВ, БУШЕВАВШИХ В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ? ОТЛИЧАЮТСЯ ЛИ ОНИ ОТ УРАГАНА, ПРОНЕСШЕГОСЯ НАД ПАКИСТАНОМ? МОЖНО ЛИ ПРЕДВИДЕТЬ УРАГАНЫ?

С такими вопросами корреспондент «Огонька» обратился к главному синоптику Центрального института прогнозов Михаилу Авраамовичу Сорочинскому.

— Ураганы возникают, когда массы теплого воздуха приходят в соприкосновение с массами холодного воздуха,— рассказал Михаил Авраамович.— Эта встреча обычно сопровождается борьбой: более плотный холодный воздух побеждает, вытесняет теплый, поднимает его вверх. При этом возникают кучево-дождевые облака, несущие ливни, град и шквальный ветер, порой переходящий в ураган.

Холодный фронт, который вызвал ураганы в Кировской области, двигался из Белоруссии и центральных районов России со скоростью 60—70 километров в час. Через Москву он прошел утром, без шквалов, а в Московской области ветер достиг штормовой силы. В тот же день, ближе к вечеру, ураган с небывалой силой бушевал в Кировской области. Здесь холодный фронт встретили теплые воздушные массы, температура которых достигала 27 градусов. Шквалы, возникающие при подобных явлениях природы, очень опасны. Скорость ветра возрастает скачками, почти мгновенно достигая силы урагана, и за считанные минуты может натворить много бед.

Так, например, 24 марта 1878 года шквал за 4 минуты опрокинул и утопил у берегов Англии фрегат «Эвридик». А в августе того же года пронесся шквал над Самарской губернией. За несколько минут он разметал по полям скошенный хлеб, опрокинул возы с сеном, посрывал крыши с домов. Многие помнят ураган, бушевавший в Москве в мае 1937 года. Тогда ветер срывал со многих домов крыши. Опрокидывал трамваи. Вырывал с корнем деревья. И все это за три с половиной минуты!

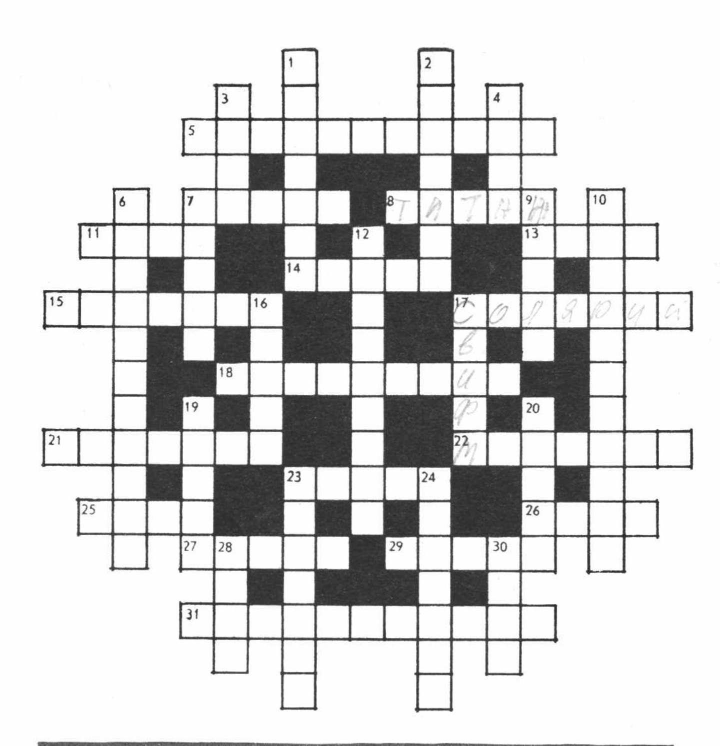
Холодный фронт, натворивший столько бед в Кировской области, через Удмуртию ушел на Урал. Здесь он встретил массы тоже охлажденного воздуха — дожди и ветры уже не представляли опасности.

Предвидеть возникновение ураганов довольно сложно. Ведь они возникают не по всей линии холодного фронта, только на его отдельных участках. И на этот раз синоптики предупреждали о резком усилении ветра.

Ураган в Пакистане, унесший столько человеческих жизней, имел иную природу. Он был вызван тропическим циклоном. Тропические циклоны представляют собой гигантские вихри с очень низким атмосферным давлением в центре. Вся эта циклоническая система движется в океане, пересекает перешейки и острова, иногда заходит на материк. Так было и в Пакистане.

В этих палатках живут строители из Кирова и Нововятска, Мурашей и Кирово-Чепецка.





КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Описание небесных светил. 7. Горный массив Приполярного Урала. 8. Роман Т. Драйзера. 11. Река в СССР. 13. Геометрическая фигура. 14. Сельскохозяйственная машина. 15. Работница текстильной фабрики. 17. Место для приема солнечных ванн. 18. Форма государственного устройства. 21. Краткое устное замечание. 22. Архипелаг в Тихом океане. 23. Заяц. 25. Химический элемент. 26. Норвежский композитор. 27. Вид гравюры. 29. Залив Охотского моря. 31. Город в Туркмении.

По вертикали:

1. Летательный аппарат. 2. Приспособление для запуска двигателей. 3. Цветок. 4. Государство в Южной Америке. 6. Порт на Черном море. 7. Хлопчатобумажная ткань. 9. Стиль плавания. 10. Наука об индивидуальном развитии животных организмов. 12. Крайнее преувеличение. 16. Персонаж повести А. И. Герцена «Сорока-воровка». 17. Автор «Путешествия Гулливера». 19. Французский философ, писатель. 20. Обширные леса. 23. Верхний слой древесной коры. 24. Итальянская лирическая песня. 28. Автомобильный фонарь. 30. Зодиакальное созвездие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 22

По горизонтали:

3. Саксаул. 8. Байдарка. 9. Каллисто. 11. Верди. 12. Корсак. 13. Пролог. 15. Лагос. 18. «Золушка». 20. Самарий. 22. Трансформатор. 25. Токката. 27. Станция. 28. Астра. 29. Плафон. 30. Ракета. 31. Триод. 33. Кислород. 34. Скалозуб. 35. Экспорт.

По вертикали:

1. Майков. 2. «Чудаки». 4. Байконур. 5. Баккара. 6. Эльбрус. 7. Столовая. 10. Тригонометрия. 14. Хоровод. 15. Лексика. 16. Сакмара. 17. Виварий. 19. Карст. 21. Апорт. 23. «Школьник». 24. Институт. 26. Аполлон. 27. Стапель. 31. «Тройка». 32. Декарт.

На первой странице обложки: Молодые специалисты-мостостроители Татьяна и Владислав Кузнецовы.

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Каспийская вобла. На Астраханском оранжерейном рыбокомбинате.

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. **Оформление Е. КАЗАКОВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02010. Подписано к печати 2/VI 1965 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Заказ № 1409. Тираж 1 960 000. Изд. № 804.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

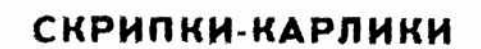
ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ



ОХОТНИЧИЙ ВОЛК

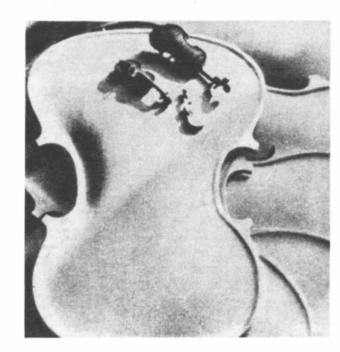
«Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит», — гласит пословица. Но повадки волчицы Выдры пока идут вразрез с вольчьими инстинктами. Управляющий Ковалевским отделением совхоза «Лесной», Кустанайской области, Н. Тихонов взял ее маленьким волчонком в логове, обнаруженном в копне старой соломы.

Выдра, получившая такую кличку за красивую шерсть, выросла в крупного зверя. Она живет в одной конуре со сторожевым псом и не собирается покинуть поселок. Волчица заменяет хозяину охотничью собаку. Она ходит с ним на охоту, превосходно разыскивает следы зайцев и лисиц.



СКРИПКИ-КАРЛИКИ

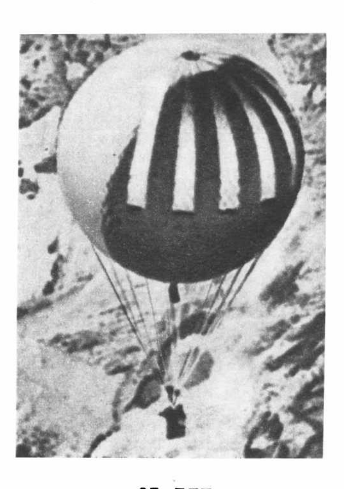
Скрипки, которые вы видите на снимке, изготовил румынский мастер Флореа Прекуп. Длина самой маленькой скрипки — 6 сантиметров 2 миллиметра.





БИЗНЕС РЕСТОРАТОРА

Норберт Брасин, владелец ресторана на французской Ривьере, чтобы сделать рекламу своему заведению, надел форму наполеоновского солдата и с винтовкой пошел в тысячекилометровый поход по Франции и Бельгии.



25 ЛЕТ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

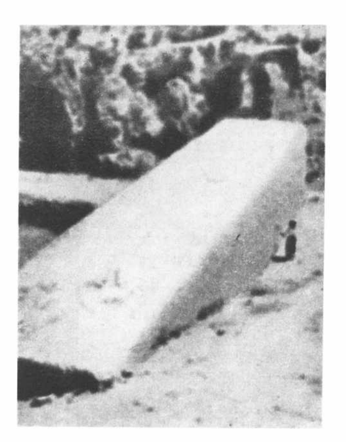
Отважной воздухоплавательнице из Швейцарии Регуле Хук сейчас 45 лет. Свой первый полет на воздушном шаре Хук совершила еще четверть века назад вместе со своим отцом. С тех пор воздухоплавание стало ее любимым видом спорта.

СТЕКЛЯННЫЙ КУБОК

Экспедиция Института археологии АН СССР и Одесского государственного археологического музея в причерноморском селе Ранжевом нашла редчайший стеклянный кубок с надписью на греческом языке: «Пей, здравствуй всем домом». Кубком пользовались люди, жившие, видимо, в IV веке нашей эры.

Э. СЫМОНОВИЧ, кандидат исторических наук





ЗАГАДКА ПРИРОДЫ

В Ливане обнаружили огромный камень, похожий по форме на параллелепипед. Специалисты до сих пор затрудняются ответить, как он образовался.



С этой песней и с этой девушкой вам только предстоит познакомиться.

В фильме «На завтрашней улице», который поставлен на «Мосфильме» режиссером Ф. Филипповым, вы узнаете о жизни, судьбе, характере Насти Булановой.

В том, что характер этот не банален, «повинна» не только молодая актриса Л. Овчинникова, но и сценарист И. Куприянов. Его герои, хотя и напоминают нам знакомых, друзей — всех, кого мы ежедневно встречаем в жизни,— сложные и интересные люди. За их мыслями, словами, поступками, взаимоотношениями с интересом будет следить зритель.
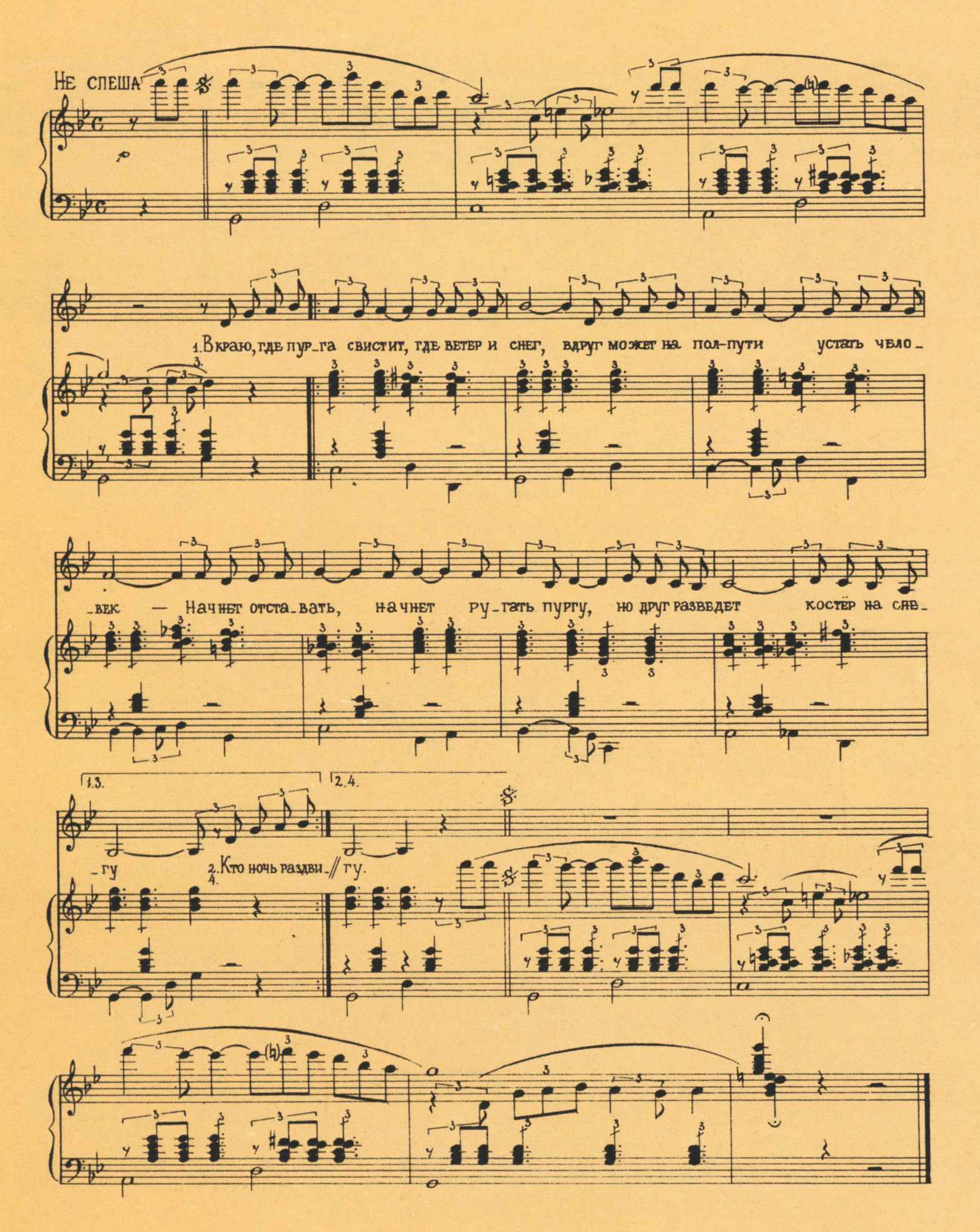
КОСТЕР НА СНЕГУ

Песня из кинофильма

«НА ЗАВТРАШНЕЙ УЛИЦЕ»

Слова Л. **ДЕРБЕНЕВА.**

Музыка **А. ЗАЦЕПИНА.**



В краю, где пурга свистит,
Где ветер и снег,
Вдруг может на полпути
Устать человек —
Начнет отставать, начнет ругать пургу,
Но друг разведет
Костер на снегу.

Кто ночь раздвигал плечом
У скал Ангары,
Тот знает, они почем,
Такие костры:
Притихнет пурга, и жизнь придет в тайгу,
И друга спасет
Костер на снегу.

Сейчас за окном цветы
И в мире тепло,
Но если заметишь ты,
Что мне тяжело,
Что я отступить могу, упасть могу,
И мне разведи
Костер на снегу.

Пускай не трещат дрова
В ладонях огня —
Скажи мне, что я права,
Что ты — за меня.
И будет назло беде плясать в кругу
Костер на снегу,
Костер на снегу.


70663